

"Полина Дашкова - Питомник. Книга 2"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

Topreading.ru

Человек, позвонивший утром, больше не перезванивал. Ксюша пару раз набрала мобильный номер Олега, но телефон был отключен.

- Ладно, - вздохнула она, кладя трубку, - так даже лучше.

День летел легко и незаметно. Если не считать, что они попали под дождь во время прогулки, ничего особенного не случилось. У Маши было отличное настроение, она улыбалась, смеялась, хорошо кушала, уснула сразу, без слез и нудного укачивания в кровати. Во время ее дневного сна Ксюша почитала учебник биологии, лежа на старинной кушетке в гостиной и поедая свежую клубнику. Лицо ее было измазано красной ягодной мякотью, она вспомнила, как это полезно для кожи, и решила сделать маску. Главное, успеть смыть, пока не проснулась Маша, чтобы не напугать ребенка.

Отложив учебник, она побродила по огромной пустой квартире, прислушиваясь к тиканью старинных часов, к отдаленному гулу Тверской.

- Как замечательно здесь можно было бы жить, - произнесла она вслух, стоя перед зеркалом в ванной и разглядывая свою клубничную физиономию, - если бы я родилась в такой вот квартире, наверное, была бы совсем другим человеком. Я бы с младенчества чувствовала себя важной, нужной, защищенной, я была бы красивей и уверенней в себе. И никогда не случилось бы со мной никакой гадости. Я бы никого, кроме себя, не любила. Я бы выросла классической холодной стервой. От таких сходят с ума. Да, я, пожалуй, стала бы настоящей стервой. Митя ни за что не бросил бы меня тогда, потому что ему, как выяснилось, нравятся исключительно стервы.

Стоило произнести эту последнюю фразу, и сжалось солнечное сплетение. Ксюша включила воду и принялась смывать клубнику с лица. Хрупкое ощущение покоя и счастья треснуло, в душе засвистел черный ледяной сквозняк. Дрожащими руками Ксюша сорвала с вешалки бирюзовое пушистое полотенце, промокнула лицо, приблизила глаза к зеркалу. Когда тебя бросили, собственное лицо может вызвать тошноту.

«Ты думаешь, ты такая красивая? Ну и дура. Ты посмотри на себя: ни кожи, ни рожу».

На минуту ей почудилось, что из зеркала глядит на нее совсем другое лицо. Прищуренные серо-зеленые глазки, мягкий картофельный нос, усыпанный светлыми крупными веснушками, тонкие, как ниточки, губы, круглый рыхлый подбородок.

Эта физиономия, влажная и розовая от радостного возбуждения, до сих пор иногда всплывала перед глазами, причем в самые неожиданные моменты. И тут же начинал мучительно звучать в ушах злобный монолог:

«Я тебе честно, от души, хочу сказать всю правду, а то прямо жалко на тебя смотреть. Смешно и жалко. Ты ведь на самом деле настоящий урод, погляди на себя внимательно. Рот, как у Буратино, да и нос тоже. Видишь, какой у тебя длинный нос. Ты похожа на недоделанного Буратино. Ручки и ножки, как палочки, прямо так и хочется переломать. А глаза? Может, тебе

кажется, что у тебя красивые глаза? Да ты с ума сошла, в твои свиные гляделки только взглянешь – и сразу блевать тянет».

Бывшая одноклассница Наташка Трацук заявила к ней домой специально, чтобы добить, уничтожить. Для Наташки никакой рациональной пользы в этом не было, наоборот, ей не стоило ссориться с Ксюшей, она собиралась поступать в Университет, на юридический, и Ксюшин папа бесплатно занимался с ней историей. Она жила в соседнем доме и забегала вечерами, просила растолковать какую-нибудь сложную для понимания тему. Конечно, ей совершенно не стоило ссориться с Ксюшей. Где еще она могла найти такого лопуха, кандидата наук, который будет для нее раскладывать по полочкам Смутное время, войны, революции, рисовать родословные древа русских царей и ни копейки за это не возьмет? Только родители Ксюши, люди странные, бескорыстные до судороги, были способны на такое.

Однако правдолюбие оказалось сильнее здравого смысла. Наташка произносила перед Ксюшей свою вдохновенную тираду, находясь в состоянии почти наркотического кайфа. Ксюша и так погибала, она и без Наташкиных стараний уже знала, что Митя больше ее не любит.

Они с Митей дружили с первого класса. Девочки завидовали, ибо Митя Кольцов считался самым привлекательным мальчиком в классе. Сначала по-детски дразнили «мальчишницей», шушукались и хихикали за спиной. Она не замечала, ей было интересно с Митей, у нее имелся настоящий друг, о таком другие только мечтать могут.

Девочки между собой то смертельно ссорились, то мирились навек, с рыданиями и бурным раскаянием. Их мир напоминал крошечное, но сложное и вполне тоталитарное государство, с частой сменой диктаторов, с заговорами, переворотами, секретными агентами, доносами и даже публичными экзекуциями. Ксюша оставалась в стороне, и если кто-то пытался втянуть ее в общественную жизнь, шепча на ушко: «А ты знаешь, что о тебе вчера на труде девчонки говорили?», она отвечала: «Не знаю и знать не хочу!»

С Митей они жили рядом, в соседних подъездах, вместе возвращались из школы. У обоих родители работали до позднего вечера, и часто они засиживались в гостях друг у друга, вместе делали уроки, смотрели телевизор, иногда просто читали, сидя рядышком на диване.

В сложном переходном возрасте девочки стали тихо сходить с ума. Не все, конечно, но маленькая группа активисток серьезно влияла на остальных, нормальных.

Активистки измеряли всем девочкам в классе носы, талии, длину ног, объем груди, составляли какие-то таблицы и графики, вычисляли, кто первая красавица, кто вторая, третья, и так далее. Озабоченность параметрами внешности постепенно перерастала в массовый психоз. Ксюша оставалась единственной, не внесенной в конкурсный график. Она не давала себя измерять, и однажды, в восьмом классе, это было сделано насильно. Именно Наташка Трацук, активистка общественного психоза, хитростью задержала ее в раздевалке после физкультуры. Кроме Наташки, было еще двое, тоже активистки, началось все с баловства, с игры. Ксюше с хихиканьем и прибаутками скрутили руки, шарфом завязали рот и стали сантиметром обмерять, как будто собирались шить платье. Потом холодная стальная линейка была прижата к ее носу, и как будто нечаянно острым углом ей поцарапали до крови кожу под глазом.

Когда все измерения и подсчеты были произведены, Наташка снисходительно похлопала ее по плечу и сообщила:

- Так я и знала. Пятнашка.

- Что? – отряхиваясь и стараясь придать лицу презрительное выражение, спросила Ксюша.

- Ты на пятнадцатом месте, - объяснили ей, - а думала, небось, будто самая красивая?

В классе было всего пятнадцать девочек, то есть по их кретинской таблице она оказывалась на последнем месте.

- Интересно, а кто же на первом? - спросил Митя, когда она по дороге из школы рассказала ему обо всем.

- Разумеется, Трацук.

- А, ну понятно, - засмеялся Митя, - знойная женщина, мечта поэта. В рыболовном магазине червяки продаются, я, пожалуй, куплю грамм сто и насыплю ей за шиворот.

- Ни в коем случае! - испугалась Ксюша.

- Почему?

- Потому, что жалко.

- Кого? Эту гиппопотамиху?

- Нет, червяков.

Был конец февраля, пасмурный темный денек, вода по колени. По крышам с грохотом ходили дядьки в оранжевых жилетах, перекликались матом и сшибали огромные сосульки. Ксюша и Митя шли страшно медленно, потому что корчились от смеха. Они промокли насквозь, замерзли, но все кружили по соседним дворам, не решаясь идти домой. Сквозь смех они случайно поцеловались, впервые по-настоящему, в губы, и после этого обоим было страшно оказаться вдвоем у кого-нибудь дома, но и расставаться не хотелось.

После десятого класса они собирались поступать в Медицинскую академию. Вместе готовились к экзаменам. Митя поступил, а Ксюша недобрала баллов. Сдав экзамены, Митя поехал с родителями на Кипр. Ксюша осталась в Москве, у ее родителей не хватало денег на еду.

Ксюша устроилась санитаркой в больницу, ужасно уставала, но сквозь усталость все сильней чувствовала, как ускользает от нее то, ради чего она жила на свете, ее счастливая, ясная, детская любовь. У Мити совершенно не было времени. Когда она звонила, он разговаривал сухо, отрывисто, говорил, что страшно занят, в какой-то момент она обратила внимание, что сам он ей с сентября не позвонил ни разу.

Когда в очередной раз он сказал, что занят и вечером встретиться не может, она, вспомнив, что у него осталась какая-то ее книжка, веселым голосом попросила ее вернуть.

- Хорошо, я занесу, - пообещал он.

- Нет, лучше я сама к тебе зайду вечером, - выпалила она.

- Только не сегодня. Я вернусь не раньше двух ночи.

На следующий вечер она опять позвонила, и он, после долгой паузы, милостиво позволил ей зайти.

Его родителей не оказалось дома. Он прямо на пороге протянул ей книгу. Она с мучительной улыбкой спросила, не угостит ли чаем.

- Да, конечно... Только, понимаешь, ко мне должны прийти. Я жду звонка.

- Не беспокойся, как только позвонят, я сразу исчезну.

Когда он наливал чай, руки у него заметно дрожали. Он то и дело косился на часы, на телефон, курил, покашливал. Она пыталась разговорить его, задавала вопросы, он отвечал коротко, иногда вообще не отвечал, не слышал ее и, наверное, не видел. Повисали долгие, невыносимые паузы, Ксюше хотелось встать и уйти, но она не могла наглядеться на него и наконец решилась спросить:

- Митя, у тебя есть кто-то?

Ничего глупее нельзя было придумать. Он брезгливо поморщился, покраснел и произнес неприятным высоким голосом:

- Вот только, пожалуйста, не надо выяснять отношения!

Именно в этот момент завизжал телефонный звонок. Митя бросился в соседнюю комнату, по дороге опрокинув стул, и шарахнул дверь. Ксюша знала, что именно сейчас надо уйти, исчезнуть, не прощаясь, но как будто примерзла к кухонной лавке и мелкими быстрыми глотками прихлебывала жидкий чай. Он вернулся, едва волоча ноги, тяжело опустился на табуретку, закурил. Он выглядел таким несчастным, что Ксюша не удержалась, встала и погладила его по голове.

- Что, Митенька, она не придет?

- Нет.

- Но ведь позвонила, - попыталась утешить его Ксюша, - позвонила, предупредила. Мало ли какие у человека могут быть дела.

Он отложил сигарету, уткнулся лицом ей в грудь и пробормотал:

- Ксюшенька, ну почему ты такая хорошая?

Она поцеловала его в макушку, отстранилась, застегнула пуговку на блузке, поправила волосы, широко, ласково улыбнулась и сказала:

- Все, Митя. Я пойду.

Он, не вставая, притянул ее к себе так резко, что она упала к нему на колени, и через несколько минут они оказались в его комнате, на скрипучей узкой тахтенке.

Ей так хотелось, чтобы он произнес хоть слово, но он молчал и как будто спешил, раньше ничего такого не было у них, только целовались, обнимались, оба сопели, но запретной черты не решались переступить. А тут вдруг, когда, казалось, все кончено, он раздевал ее, торопливо, деловито, как будто мстил ей, непонятно за что.

Потом они лежали, уставясь в потолок, и, не выдержав этого ужасного молчания, Ксюша прошептала:

- Она красивая?

- Кто? - спросил он, разворачиваясь и нависая над Ксюшей раскрасневшимся влажным лицом.

- Ну, та, которая не пришла сегодня.

- Да, очень, но тебе не стоит сейчас об этом спрашивать. Запомни, никогда не выясняй с мужчинами отношения, никогда не обвиняй. Это бесит, понимаешь?

- Разве я тебя обвиняю, Митенька?

В ответ он неприятно усмехнулся, легко, пружинисто спрыгнул с кровати, вышел из комнаты и хлопнул дверью. Ксюша стала быстро, бестолково одеваться, никак не могла попасть в рукав блузки, обнаружила, что в спешке он оторвал ей пуговицу на джинсах, наконец кое-как привела себя в порядок, пригладила встрепанные волосы, вышла, увидела, что он сидит на кухне в полосатом махровом халате и курит.

- Ты поняла? - произнес он, не глядя в ее сторону. - Никогда не упрекай, не обвиняй. Будь легкой, веселой, надменной, не смотри жалобными глазами и никому никогда не вешайся на шею. Будь холодной загадочной стервой. Впрочем, у тебя это вряд ли получится.

Ксюша несколько секунд молча смотрела на него, чувствуя, что глаза у нее сейчас именно жалобные, умоляющие, и вот-вот хлынут слезы, но вместо того, чтобы заплакать, громко рассмеялась. - Митенька, никогда не влюбляйся в холодных стерв, - произнесла он сквозь смех, - будь нежным, ласковым, и умоляю тебя, не кури столько, это очень вредно для здоровья. Ешь побольше фруктов и овощей, делай гимнастику по утрам. Все, пока, мой хороший. Не грусти.

На следующий день он позвонил, сказал, что она забыла книгу, за которой приходила, и явился к ней днем, когда она отсыпалась после ночного дежурства в больнице. Родителей не было, и все повторилось, но уже не так торопливо и грубо.

Примерно месяц они встречались почти каждый вечер. Всякий раз, когда с языка готовы были сорваться вопросы: «Митя, она тебя бросила? А что будет, если она вернется?», Ксюша начинала хохотать. Смехом она заменяла и все прочие, важные для нее слова: «Митенька, я тебя очень люблю, не уходи, я умру без тебя...»

- Мы с тобой знакомы с семи лет, ты никогда не была такой хохотушкой, - удивлялся он.

Когда она была у него дома и звучал телефонный звонок, сердце ее подпрыгивало к горлу. Он летел к телефону, сшибая все на своем пути. Потом она всматривалась в его лицо и вздыхала про себя с облегчением: «Уф, пронесло...»

Наконец ей пришло в голову, что нельзя все вечера подряд торчать дома, это скучно, к тому же проклятый телефон сводит с ума.

Заняв денег на работе, она купила билеты в кинотеатр «Пушкинский», самые дорогие, на вечерний сеанс, на американский боевик со спецэффектами, о котором говорила вся Москва. Митя сказал, что встретятся они у памятника, за пять минут до начала.

Шел проливной дождь, она, конечно, забыла зонтик и прождала полтора часа. Потом, когда совсем оконечела, решила позвонить ему из автомата.

- А его нет, - сообщила Митина мама, - он будет очень поздно. Что-нибудь передать?

Ксюше померещился где-то в глубине квартиры чужой, мелодичный женский смех, и Митин урчащий, ласковый голос. Его мама неправильно положила трубку, и Ксюша вместо коротких

гудков услышала раздраженный крик:

- Эй, в следующий раз не вынуждай меня врать, сам разбирайся со своими девочками!

Дрожа и заливаясь слезами, она спустилась в метро, доехала до «Баррикадной», перешла на «Краснопресненскую». Там ей посчастливилось сесть в темный вагон. Она забилась в уголок и страшно долго ездил по кольцу, пока на «Киевской» не сообщили: «Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны». У нее не было сил подняться, тетка-обходчица рывкнула на нее, решив, что она пьяная или под наркотиком. Ксюша вышла и тут же рухнула на ближайшую скамейку. Она уже не плакала, просто сидела как каменная. Поезда подъезжали, мимо валили толпы людей, в основном приезжих, с огромными полосатыми баулами. В дверях то и дело возникала давка. Уезжал очередной поезд, несколько минут было тихо, опять наваливалась толпа.

Ксюша все сидела, не двигаясь, как будто спала с открытыми глазами. После полуночи платформа почти опустела. В голове у нее сложилась четкая схема последующих действий. Как только забрезжит белый огонь в туннеле, она встанет, подойдет к краю платформы, закроет глаза и сделает всего один шаг, потому что невозможно жить, когда так больно. Поезда не было долго, наконец загудели рельсы, брызнул свет. «Давай!» - скомандовал внутри нее чужой, властный голос.

И вдруг нечто тяжелое, невыносимо вонючее рухнуло прямо к ней на колени. Пьяный бомж хотел сесть на лавку рядом, но промахнулся. Ксюша рефлекторно оттолкнула его, и старик грохнулся на каменные плиты платформы. Под его головой стало растекаться кровавое пятно, тут же подбежали дежурная, двое милиционеров. Старика подняли, половина его лица была залита кровью. Он бормотал что-то матерное, тяжелым пьяным басом. Ксюша смотрела, как его уводят, точнее, уносят, как он перебирает ногами по воздуху и во всю глотку матерится.

Она кинулась в закрывающиеся двери последнего поезда. Ее била крупная дрожь, а в голове ни с того ни с сего завертелись непонятные числа. Она что-то пыталась подсчитать, и только выйдя на улицу, в ясную лунную ночь, поняла, что у нее задержка три недели.

А на следующий день к ней заявила Наташка Трацук, чтобы высказать всю правду в глаза, и тараторила, не умолкая, втаптывала Ксюшу в землю, уничтожала и пьянела от восторга.

* * *

«Ты урод, с твоей внешностью просто нельзя жить. Тебе надо было родиться в какой-нибудь мусульманской стране и носить паранджу. Это я тебе говорю для твоей же пользы, чтобы ты не воображала себя королевой, это со стороны выглядит дико смешно, над тобой все смеются, ты знаешь об этом? И очень советую тебе, не звони больше Мите, ты ведь достала его. Вчера мы с ним встретились во дворе, он мне так и сказал: знаешь, говорит, эта уродка меня уже достала».

* * *

...Раньше Ксюша просто рассмеялась бы Наташке в лицо и даже пожалела бы ее. Но теперь она оказалась беззащитной и вдруг поняла, что это на всю жизнь. У нее хватило сил выгнать Наташку вон, но жуткий монолог застрял в памяти надолго и всерьез.

В больнице после очередного дежурства Ксюша зашла в гинекологическое отделение, чтобы договориться со знакомой врачом об аборте, и только хотела открыть рот, как в ординаторскую ввалилась толпа студентов. Это были первокурсники Медицинской академии,

она тут же увидела Митю, рядом с ним – яркую высокую брюнетку в бриллиантовых сережках, крикнула: «Привет!», помахала рукой и убежала. Потом, сидя в больничном скверике, наполненном вороньим криком, словно это было кладбище, она вдруг подумала, что ей сейчас так худо вовсе не из-за Мити, не из-за роковой брюнетки. Ей жалко расставаться с крошечным существом, которое растет изо всех сил и уже любит ее, бестолковую, униженную, какую угодно, просто любит, и все.

Именно в этот день выписывался из больницы Олег Солодкин и Галина Семеновна явилась знакомиться с Ксюшей.

«Вот и отлично, – думала она, ловя влюбленные взгляды Олега и любезно улыбаясь его элегантной мамаше, которую все отделение называло миллионершей, – вот и замечательно».

Глава восемнадцатая

– Проходите, присаживайтесь, пожалуйста. Или, может, вы хотите остаться на лужайке? – Изольда Ивановна вскинула руку, указывая на полотняные шезлонги.

Гость исподтишка, сквозь темные очки, разглядывал хозяйку. Даме было под пятьдесят, но выглядела она значительно моложе. Высокая, крепкая, с ярко-голубыми глазами и пышными пшеничными локонами, с ямочками на круглых румяных щеках, Изольда Ивановна светилась здоровьем и оптимизмом. Все в ней было соразмерно, правильно, добротное, широкие плечи, царственный бюст, массивный зад. Яркие пухлые губы, жемчужные ровные зубы. В тоталитарные времена такими персонажами было принято украшать стенды наглядной агитации и официальные праздники, при буржуазной демократии их можно использовать для рекламы маргарина и стирального порошка.

– Благодарю вас, давайте лучше посидим в доме, солнце слишком яркое, к тому же на улице качество записи всегда значительно хуже, – произнес гость, мягко грассируя.

– Ну, как хотите, – улыбнулась хозяйка совершенно маргариновой улыбкой, – а я обожаю свежий воздух, если бы не комары, я бы спала в саду.

– Да, комаров у вас здесь много, – кивнул гость.

– Не то слово. Вечерами просто тучи. Ну пойдёмте.

Гость, корреспондент французского журнала для родителей «Лез анфан», последовал за хозяйкой в гостиную. Там после яркого солнца казалось почти темно. Корреспондент растерянно огляделся, гостеприимная хозяйка тут же предложила ему сесть в одно из огромных кожаных кресел у журнального столика и спросила с любезной улыбкой, что он предпочитает, чай, кофе или бокал белого сухого вина. Было заметно, что эта дама привыкла принимать у себя корреспондентов, в том числе иностранных. Звонок с просьбой об интервью ее нисколько не удивил. Она с удовольствием согласилась рассказать в очередной раз о своем уникальном творении.

– Спасибо, если можно, стакан воды, – улыбнулся корреспондент и добавил, облизнув губы: – Сегодня очень жарко.

– О'кей. – Изольда Ивановна хлопнула в ладоши и глубоким оперным контральто прокричала: –

Лариса!

На зов явилась тощенькая девочка лет пятнадцати с рыжими всклокоченными волосами.

- Подойди ко мне, малыш, познакомься. Это корреспондент парижского журнала, господин... - хозяйка повернулась к гостю с виноватой улыбкой.

- Пьер Жермон, - поспешно подсказал тот.

- Ох, простите, память у меня девичья. Да, месье Пьер Жермон, - медленно, словно смакуя иностранное имя, повторила хозяйка, - а это моя Ларисонька, - она ласково взъерошила рыжие патлы.

- Здравсте, - пискнула девочка и презрительно поджала губы, - вы на иностранца совсем не похожи.

- Малыш, принеси-ка нам минералочки холодненькой. И два бокала, сильвупле.

- Щас! - девочка круто развернулась на пятках и расхлябанной походочкой, заложив руки в карманы широких приспущенных джинсов, удалилась в темноту коридора.

- Вы так хорошо говорите по-русски, Пьер, - пропела хозяйка, внимательно глядя на гостя.

На ней были белые льняные шорты, она лихо закинула ногу на ногу, правую щиколотку уложила на левое колено. Взгляд гостя примерз к этим шикарным ногам, идеально гладким, длинным, с круглыми коленями и широкими ступнями, не меньше тридцать девятого размера.

- У вас нет никакого акцента, просто удивительно, - добавила Изольда Ивановна после некоторой паузы, как бы давая гостю оправиться от восхищения, - только «р» выдает француза. Я учила ваш язык в школе, но у меня никогда не получалось грассировать.

- Моя бабушка была русской, - сообщил гость с легким вздохом, - ну что же, Изольда, давайте начнем. Ох, простите, я обратился к вам без отчества, у нас так принято, а в России считается невежливым, - он достал диктофон, проверил кассету, нажал «запись» и тихо произнес: - Ун, де, труа...

- Да ради бога, называйте, как вам удобней, - пробормотала хозяйка, - нет, погодите, не включайте, я не совсем поняла, кто вам дал мой телефон?

- Разве я не сказал вам? - корреспондент поднял брови и чуть склонил голову набок.

- Вы объяснили, да я забыла. Память девичья.

- Понимаю вашу осторожность, - он растянул губы, - в вашей стране сейчас надо смотреть в оба. Телефон я узнал в редакции журнала «Фам». Собственно, благодаря статье в этом журнале я к вам и приехал. Прочитал о замечательной русской женщине, которая усыновила шестерых сирот, и, получив командировку в Москву, решил встретиться с вами, взять интервью.

- Пятерых, - поправила Изольда, - двое детей мои собственные. Двое, а не один. Старший мальчик Анатолий, ему уже двадцать, младшая девочка Люся, ей недавно исполнилось пятнадцать. Интересно, где загуляла Ларочка? Сколько можно ходить за водой? Лариса!

Послышалось неторопливое шарканье, рыжая девочка возникла на пороге гостиной и встала, прислонившись плечом к притолоке.

- Где ты была, детка? - ласково спросила Изольда.

- В сортире, мамочка, у меня запор. - Лариса сморщилась, сунула в ухо мизинец, поковыряла, потом поднесла ноготь к глазам и сощелкнула то, что выковыряла.

- Малыш, как ты себя ведешь? - Изольда укоризненно покачала головой. - Ты обещала нам минералку принести.

- Ша!

Девочка, пятясь задом, растворилась во мраке коридора, сверкнули глаза и здоровенные фальшивые камушки в ушах. Гулко чмокнула дверца холодильника, звякнули стаканы, через минуту она появилась, поставила воду и стаканы на стол.

- Спасибо, солнышко, - Изольда легонько шлепнула ее по попе, - иди, погуляй. Пожалуй, Ларочка самая сложная из моих деток, - задумчиво произнесла хозяйка, когда они остались одни, - до пяти лет жила с матерью. Чудовище, а не женщина. Приковывала ребенка собачьей цепью к батарее, держала на хлебе и воде, избивала. Такое долго не забывается. Надо очень много любви, чтобы раны, нанесенные в раннем детстве, затянулись.

- Позвольте, я буду записывать? - осторожно спросил корреспондент.

- Ах, да, пожалуйста, - хозяйка открыла бутылку, налила воду в стаканы, - нет, подождите. У меня к вам просьба, - она резко встала, прошла к книжным полкам и откуда-то снизу извлекла яркий толстый журнал «Фам», - не могли бы вы, Пьер, пробежать глазами статью о нашей семье и пересказать мне в двух словах, я забыла французский, дети учат английский, а узнать, что пишут, страшно интересно, - она с улыбкой протянула ему журнал, - кажется, на двадцать пятой странице.

Корреспондент быстро забормотал по-французски, разглядывая глянцевые журнальные снимки. Счастливое семейство за круглым столом. Белая скатерть, розы в хрустале, торт со свечками. Спортивные занятия. Стройные дети в трусах и майках на сверкающем подмосковном снегу. Уютная классная комната. На стене рядышком Пушкин, Толстой, Эйнштейн, огромная карта мира, классический скелет в углу. У компьютера, голова к голове, две девочки-близнецы, странно, нереально красивые, словно нарисованные. Урок борьбы в спортивном зале. Кимоно. Мужественный широкоплечий учитель показывает худенькому мальчику прием.

- Вам перевести все дословно? - вскинул глаза корреспондент.

- Нет, в общих чертах.

- Здесь речь идет о том, что в России зарождаются традиции усыновления сирот, в советские времена такое было невозможно. Люди, решившиеся подарить брошенным детям семью, испытывают огромные трудности. Но Изольда Кузнецова никогда на трудности не жалуется. Закончив Педагогический институт в Воронеже, она работала воспитателем в детском доме, в своем родном городе, затем вышла замуж и переехала к мужу в Москву, устроилась на работу в интернат для детей-сирот. Муж работал там же. Мадам Кузнецова рассказывает, что чувство несправедливости, жалости к брошенным, обездоленным детям не давало ей спать. Дальше прямая речь. «Я стала болеть, хотя была всегда человеком здоровым. Но что-то со мной произошло. Не могла спать. Думала о детях, за каждого переживала, как за своего собственного, и наконец поняла, что не сумею жить спокойно, пока не сделаю что-то для этих детей», - корреспондент прервался, глотнул воды и спросил: - Ну что, с ваших слов записано

верно?

По лицу Изольды скользнула тень. Только что она с нескрываемым удовольствием слушала перевод статьи о самой себе, и вдруг ей стало отчего-то неприятно. Взгляд сделался колючим, ледяным, зрачки сузились до точек. Она довольно долго держала паузу и смотрела в лицо корреспонденту не отрываясь. Он удивленно улыбнулся.

- Неужели допущены ошибки? Вы, кажется, расстроились?

- Я? Нет, ничуть, все правильно. Западные журналисты, в отличие от наших, аккуратны и точны.

- Я? Нет, ничуть, все правильно. Западные журналисты, в отличие от наших, аккуратны и точны.

- Вот, отлично, давайте с этого и начнем разговор. Позвольте, я включу диктофон. Тема отношения к вам российской прессы здесь не затронута. Или вы хотите, чтобы я переводил дальше?

- Нет, спасибо. Достаточно. Можете включать.

- Замечательно. Итак, мадам Кузнецова, чем же вас обидели журналисты?

- Ну, особенных обид нет. Наоборот. В восемьдесят девятом году пресса и телевидение мне серьезно помогли в борьбе с нашей бюрократией. Благодаря нескольким публикациям и телесюжетам нам с мужем удалось пробиться через тернии всевозможных официальных инстанций. Однако это скучная история. Я не люблю вспоминать о проблемах, которые давно решены.

- Завидую вам, это счастливое свойство. Однако какие-то проблемы все-таки остались нерешенными?

- О, только вечные проблемы. Они есть в каждой семье. Любовь, дружба, учеба, отношения между детьми.

- Я знаю, что год назад вы потеряли мужа. Вам, вероятно, стало значительно трудней.

- Мне бы не хотелось обсуждать это.

- Да. Конечно, извините. Сейчас, кроме вас, кто-нибудь взрослый живет в доме?

- Мне помогает учитель физкультуры, Руслан. Он с самого начала с нами, с восемьдесят девятого года. Я считаю, физическое воспитание едва ли не самое важное для ребенка. У нас есть поговорка: в здоровом теле здоровый дух. Я стремлюсь к тому, чтобы дети мои были не только здоровы, но могли за себя постоять. Руслан мастер спорта по боксу, чемпион России в легком весе. Из-за травмы он ушел из спорта, стал преподавать. После смерти мужа переселился к нам, он очень мне помогает.

- А где он сейчас? Мне бы хотелось с ним познакомиться, поговорить.

- Он в Москве, у своей мамы.

- Вы не могли бы дать мне телефон? Было бы интересно задать ему несколько вопросов, для

полноты впечатлений.

- Простите, телефон я вам дать не могу. Но через пару дней Руслан вернется, вы можете приехать еще раз.

- Спасибо за приглашение, обязательно приеду. Я буду здесь еще неделю, так что времени достаточно. Скажите, а как складывались в самом начале отношения между вашими родными детьми и приемными? Не было ревности, соперничества?

- Конечно, первое время всем было трудно. Но есть одно верное средство. Любовь. Я с самого начала приучала детей, и родных, и приемных, к любви и дружбе. Один за всех, все за одного. Такой у нас девиз. Знаете, я пытаюсь объяснять им все как можно образней. Вот показываю руку, - она вытянула вперед пухлую холеную кисть, растопырила пальцы, - разве можно сильно ударить? Нельзя. Пальцы сломаются, и все дела. Но если вот так, - она сжала руку в кулак и увесисто потрясла, - если так, удар получится мощным. Дети меня понимают.

- Да, это очень образно, - кивнул корреспондент, - а как ваши дети отдыхают?

- Мы предпочитаем активный отдых на свежем воздухе, спортивные занятия, подвижные игры. Я же говорю, в здоровом теле здоровый дух.

- Скажите, с кем-нибудь из детей я могу побеседовать? Мне бы хотелось задать несколько вопросов вашей младшей дочери. Кажется, ее зовут Люся?

- Почему именно ей?

- Она девочка, к тому же младшая и, вероятно, наиболее ранима. Мне интересно узнать, как она чувствует себя в такой большой семье, как к ней относятся другие дети.

- Люся чувствует себя отлично, - отчеканила Изольда, - отношения между всеми детьми в нашем коллективе ровные, товарищеские, - она пробурравила переносицу корреспондента совершенно ледяным взглядом, затем демонстративно посмотрела на часы и резко встала. - Какие-нибудь еще вопросы?

- Вопросов много, - вздохнул корреспондент, - но я вижу, у вас больше нет времени. Спасибо, - он выключил диктофон, убрал в сумку.

Изольда проводила его до железных ворот и, открыв их, спросила с маргариновой улыбкой:

- В какой вы остановились гостинице?

- Она называется «Ор-рленок».

- Телефон там есть?

- Да, конечно... Однако я не помню его наизусть, где-то записан, сейчас посмотрю, - он принялся рыться в сумке, потом в карманах, наконец пожал плечами: - От жары я становлюсь рассеянным, все забываю, вот, кажется, забыл визитку гостиницы, там был записан телефонный номер. Но у меня есть моя визитка, - он протянул ей карточку, на которой по-французски было написано: «Пьер Жермон». Хозяйке хватило школьных знаний, чтобы разобрать французское слово «корреспондент», название журнала «Лез анфан», Париж мелко, внизу, там, где обычно помещается адрес.

* * *

- Простите, вы не могли бы открыть окно? – откашлявшись, попросил Илья Никитич начальника районного отделения милиции.
- Не открывается. Забито, – ответил начальник, закуривая очередную сигарету.
- Ну тогда хотя бы включите этот агрегат, – Бородин кивнул на огромный пыльный вентилятор.
- Сломан, – начальник выпустил дым из ноздрей.
- Как же вы работаете в таком прокуренном помещении? – покачал головой Бородин. – Совершенно нечем дышать.
- Вам нехорошо? – пухлые губы майора растянулись в улыбке. – Конечно, в вашем возрасте много сложностей со здоровьем.
- Ладно, Иван Романович, – вздохнул Бородин, – я понимаю, больше всего вам хотелось бы, чтобы я ушел и оставил вас в покое. У вас серьезные неприятности, но вовсе не из-за меня.
- Разумеется, не из-за вас... – майор замер, глядя выпуклыми глазами сквозь Бородина, сделал несколько жадных нервных затяжек, наконец с выразительным вздохом произнес: – Это вряд ли можно назвать неприятностями. Это беда, настоящая беда. Очень жалко парня, молодой, вся жизнь впереди, осталась беременная жена, совсем девчонка, едва исполнилось восемнадцать. И как она справится одна с ребенком, в наше-то сложное время, не представляю.
- Извините, – вкрадчиво произнес Илья Никитич, – когда вы в последний раз звонили в больницу?
- Некогда мне звонить, – махнул рукой майор, – да и зачем? И так все ясно. Ребята пришли, доложили... Кошмар, бедный парень! Ну, мы, конечно, поможем с похоронами и оформим все, как положено, геройски погиб при исполнении, и все такое, хотя, между нами, никакого исполнения там не было. Дежурство у него кончилось как раз утром, домой шел, может, и выпил малость, после ночи, чтоб расслабиться. С кем не бывает? Но, разумеется, мы все оформим, как положено, чтобы жене хотя бы пенсию выплачивали.
- Да, с вашей стороны это чрезвычайно благородно, Иван Романович. Скажите, а о чем беседовал с вами младший лейтенант Телечкин сегодня утром?
- Утром? – выпуклые глаза майора тревожно забегали. – Ах, ну да, он заходил ко мне, буквально за час до несчастного случая.
- За час до чего, простите? – Бородин слегка приподнял брови.
- До того, как попал под машину, переходя проезжую часть на красный свет, – по слогам отчеканил майор, загасил сигарету и тут же закурил следующую.
- Ах, ну да, конечно, – Илья Никитич отвернулся от дыма, искоса взглянул на майора и точно так же, по слогам, отчеканил: – Будьте добры, Иван Романович, постарайтесь припомнить, о чем вы беседовали с младшим лейтенантом Телечкиным сегодня утром в вашем кабинете?
- Можно узнать, зачем вам это? – майор откашлялся и оттянул ворот рубашки, как будто он

душил его.

- Если позволите, я объясню чуть позже. Так вы можете мне ответить или нет?

- Я, честно говоря, сейчас уже и не помню. День был тяжелый, все из головы вылетело. Я ведь на земле сижу, в дерьме копаюсь. У меня на участке каждый третий подросток наркоман. И еще рынок на моей территории. Тут вам карманники, кукольники, кидалы, в общем дерьма хватает. Когда только будет в стране порядок?

- И не говорите, - Бородин вздохнул, выдержал сочувственную паузу и елеиным голосом спросил: - Иван Романович, значит, вы не запомнили ни слова из разговора, который длился двадцать пять минут? Вы вызвали Телечкина или он явился к вам по собственной инициативе?

- Откуда вам известно, сколько длился разговор? - майор покраснел и чуть повысил голос.

- Мне ничего не известно, - Илья Никитич широко улыбнулся, - я назвал эту цифру случайно, однако вижу по вашему лицу, что угадал.

- Вы умеете читать по лицам? - усмехнулся майор.

- Иногда, - скромно признался Бородин и тоже усмехнулся, - однако, Иван Романович, не надо быть психологом, чтобы заметить, как не хочется вам рассказывать об утреннем разговоре с младшим лейтенантом.

Взгляд майора стал осмысленным и злым, вытаращенные глаза уставились Бородину в переносицу, губы сжались, на лбу выступили бисерины пота.

- А вам не кажется, товарищ старший следователь, - произнес он тихо и вкрадчиво, - что вы лезете не в свое дело?

- Не кажется, - покачал головой Бородин, - потому, что я задаю вам вопросы, связанные с тем делом, которым сейчас занимаюсь по долгу службы. Поверьте, мною движет отнюдь не праздное любопытство. А что касается утренней беседы с младшим лейтенантом, то, должен признаться, мне значительно важнее было увидеть вашу реакцию, чем узнать, о чем вы с Телечкиным говорили. Ладно, не буду вас напрягать, Иван Романович. Время позднее, вы устали, я тоже. Можно взглянуть на копию заключения о смерти гражданина Рюрикова?

- Это вы о том бомже, который сожительницу зарезал? - майор прищурился. - Я и так помню. Алкогольная интоксикация.

- И все-таки я хотел бы взглянуть на документ. Если, конечно, вас не затруднит.

- Да ради бога, - майор с треском открыл один из ящичков письменного стола, покопался в нем, вытянул стандартную серую папку, открыл, вытащил заключение о смерти.

- Вы позволите мне взять это с собой?

- Разумеется. Еще могу быть чем-нибудь полезен, товарищ следователь?

- В общем, нет, - Илья Никитич поднялся, - всего доброго, товарищ майор. А в больницу, где лежит ваш сотрудник Николай Телечкин, вы все-таки потрудитесь позвонить, ну, если совсем уж нет времени, поручите кому-нибудь. На всякий случай.

- А что, есть какие-то новости? - откровенно зевнув, поинтересовался майор. - Днем сказали, состояние тяжелое.

Но Бородин не успел ответить, потому что за дверью послышался грохот и отчаянный женский крик:

- Пусти, сказала! Что ты меня хватаешь? Я сама пришла, не убегу!

- А я говорю, нельзя туда! - ревел в ответ возмущенный бас. - Щас здесь ночевать останешься, по хулиганке!

- Ага, разбежался! Останусь! Где начальник?

- Не лезь, дура! Сказал, нету его! Вали отсюда, пока я добрый!

- Что-о? - протяжно пропела женщина. - Ты добрый? Да ты любому глотку перегрызешь!

Скандал подкатывал все ближе, майор встал, распахнул дверь. На пороге застыла лысая женщина в разодранном платье, рядом, вцепившись ей в локоть, стоял маленький, худенький капитан.

- Вот! - выкрикнула женщина. - Так и знала, что ты врешь! Есть начальник! На месте он! - И тут же запричитала совсем другим голосом, тоненьким, жалобным: - Я, гражданин начальник, сама пришла, показания хочу дать чистосердечные, я своими глазами видела, как вашего лейтенантика подрезали.

- Что ты мелешь, дура, - прошипел майор еле слышно, - вон отсюда, сию минуту!

- Ну я же рассказать хочу! Я свидетель! - растерянно пробормотала женщина.

- Вон! - повторил майор и попытался закрыть дверь. - Колесников, убери ее!

- Так, минуточку, - подал голос Илья Никитич, - человек пришел дать показания. В чем дело? Почему вы ее выгоняете?

- Ну, знаете, - взревел майор, - всему есть предел, товарищ старший следователь. Вы превышаете свои полномочия. В конце концов, я здесь начальник и не позволю...

- Иван Романович, - Бородин печально покачал головой, - действительно, предел есть всему. То, что вы собираетесь хоронить младшего лейтенанта и даже не удосужились выяснить, как он себя чувствует, это ладно. Но вам, начальнику отделения, до сих пор не известно, что на вашей территории, с вашим сотрудником, произошел вовсе не несчастный случай...

- А что? - рявкнул майор. - Что с ним произошло? Просветите меня, будьте так любезны!

- Покушение на убийство. Ножевое ранение, - отрывисто произнес Бородин. - Где я могу побеседовать со свидетелем?

- Колесников, проводи в седьмой кабинет! - майор глядел на Бородина с такой ненавистью, что глаза его почти дымились. Илья Никитич любезно улыбнулся.

- А вы кто такой будете? - спросила женщина, когда они остались вдвоем в крошечной комнате с ободраным письменным столом, зарешеченным окошком и таким же огромным вентилятором, как в кабинете начальника.

Бородин представился и попросил женщину предъявить какой-нибудь документ.

- Нету, - вздохнула она, - был паспорт, но я его посеяла. А может, сперли. Новый сделать не могу, денег нет на штраф. Да вы так запишите, Бочарова Марина Геннадьевна, семьдесят второго года.

Бородин слегка приподнял брови, услышав дату рождения. Он думал, ей не меньше пятидесяти.

- Что, выгляжу старше? - она растянула в улыбке щербатый рот. - Это Тверская, гражданин следователь. Ну и зона, конечно.

- По какой статье?

- По сто двадцать восьмой, три года. На наркоте меня взяли. Стукнули свои же, но это давняя история, меня еще не так подставляли, вернее, подкладывали. Вы мне скажите, лейтенантик-то как?

- Жив, - улыбнулся Бородин.

- Ну и слава богу, а то я прямо вся испереживалась за него. Совсем пацан, и сразу видно, хороший человек, настырный.

- В каком смысле - настырный?

- Ну, в самом прямом. Добивается своего.

- И чего он добивался?

- Ну как? Про убийцу расспрашивал и, пока все из нас не вытянул, не успокоился. Мы-то с Ноздрей не особенно хотели с ментом общаться, пардон, конечно.

- Погодите, Марина, про какого убийцу?

- А то вы не знаете? - она прищурилась. - Про того самого, который Симку зарезал, а Рюрика подставил. Ох, я как услышала, прямо обрыдалась вся, - она громко шмыгнула носом, и глаза ее стали мокрыми, - Симка ведь неплохая баба была. Артистка, конечно, хлебом не корми, дай повыступать, потрепаться о всякой мистике, такое сочиняла, хоть стой, хоть падай. Считала, что дар у нее божественный, людей видит насквозь, как взглянет на человека, так по его лицу всю суть прозревает. Кто-то на самом деле свинья с толстым рылом, кто-то крыса, или, наоборот, ангелочек, пташка небесная. А есть такие, у которых сквозь кожу чернота просвечивает, на голове рожки, во рту клыки, под штанами хвост. Черти в человеческом обличье. Понятное дело, чертями она считала тех, кто лично ее обижал. Ой, ну ладно, я все болтаю, до главного никак не дойду. Жалко Симку, а с другой стороны, может, оно и к лучшему. Отмучилась баба.

- Черти, говорите? С рожками, с клыками? - быстро произнес Бородин. - И когда в последний раз она об этом рассказывала?

- Да постоянно, вот, например, начальника отделения, майора, который сейчас на меня орал и глаза таращил, - Марина покосилась на дверь и перешла на шепот, - про него Симка говорила, будто он черт и на самом деле морда у него черная, во рту клыки, на голове рожки красненькие. Как в очередной раз ее замечали, она потом и рассказывала: начальник черт, и

капитан Колесников – черт, а участковый Пал Игнатъич – хомяк. То есть не самый противный зверь. А недавно она с каким-то мужиком у помойки поцапалась, и тоже, говорит, он был на самом деле черт с красными рожками. Свежий фингал предъявляла, как доказательство. Я, говорит, его, поганца, схватила за рога, а он мне в глаз кулаком, а я его коленкой по яйцам. Мы с Ноздрей прямо помирали над ней. А она обиделась, что мы смеемся, надулась, но потом забыла обо всем и пошла плясать. В ларьке музыку врубили, Симка была уже с утра бухая, ну и давай выделываться. Вот, кстати, тогда мы с Ноздрей и видели ее, бедненькую, в последний раз. Сегодня утром, когда лейтенантик в метро подошел, мы с Ноздрей про Симку ничего еще не знали, и про Рюрика... Слушайте, а правда, его здесь до смерти забили?

- А? - Илья Никитич тряхнул головой, словно опомнившись. - Нет, не забили. Но он действительно умер.

- Может, тоже к лучшему, - поджав губы, заметила Марина, - отмучился. Какие у него были варианты? Зона при его здоровье все равно смерть, только медленная и мучительная.

- Значит, в метро, во время грозы, к вам подошел младший лейтенант, - напомнил Бородин.

- Ну да, и стал спрашивать про Рюрика, сказал, будто видели, как Рюрик его машину раздел. Мы ему объяснили, Рюрик ни при чем, они с Ноздрей всю ночь продукты грузили. Поговорили, гроза кончилась, из метро толпа повалила, а я чувствую, мне как-то не по себе. Вроде заметила кого-то в толпе, пока мы с лейтенантом разговаривали, но никак не могу понять, кого. Прямо нехорошо мне стало, голова кружится, Ноздря говорит, пойдём к «хот-догам», булочек попросим, а у меня сил нет, ты, говорю, иди, а я за почтой во дворике посижу, там тихо, зелено, народу никого. Стала я площадь переходить, заметила лейтенантика, мелькает в толпе серая спина, народу много, я сама еле иду и вдруг вижу, как-то качнуло его. Пригляделась, мама родная, на кителе, между лопатками, темное пятно. Я еще подумала, где это он так испачкаться успел. Тут как раз зажегся желтый, машины загудели, я скорей рванула на ту сторону, обогнала лейтенанта, мне уже не до него было, я машин боюсь. Только успела перебежать, машины загудели, завизжали, какая-то баба орет как резаная. А лейтенант лежит на мостовой, в двух шагах от тротуара. Я чувствую, сама сейчас помру, рванула изо всех сил подальше оттуда, во двор, упала на газон, думаю, нет, никому ничего не скажу, жить-то и мне хочется, однако потом очухалась, поняла, если не скажу, буду всю жизнь мучиться. У меня даже шрам зачесался. Представляете, пять лет как зарубцевался, а тут вдруг начал зудеть, зараза, - она перегнулась через стол, приблизила к Илье Никитичу опухшее красное лицо, ткнула пальцем в щеку, обезображенную выпуклым косым рубцом, и прошептала еле слышно: - А я ведь узнала его, гражданин следовательно...

Глава девятнадцатая

Ночь была светлой и душной. Огромный двор в одном из тихих переулков в центре Москвы спал мертвым сном. Даже тополиные листья не шевелились, даже кошки куда-то подевались. Неестественно крупная, с красным отливом луна давала слишком много света, зыбкого, воспаленного, тревожного. Гул Тверской доносился то ли из-под земли, то ли с другой планеты. Но даже в такой глубокой тишине не было слышно шагов одинокого ночного прохожего. Мягкие кроссовки ступали по асфальту совершенно беззвучно.

Глава девятнадцатая

Ночь была светлой и душной. Огромный двор в одном из тихих переулков в центре Москвы

спал мертвым сном. Даже тополиные листья не шевелились, даже кошки куда-то подевались. Неестественно крупная, с красным отливом луна давала слишком много света, зыбкого, воспаленного, тревожного. Гул Тверской доносился то ли из-под земли, то ли с другой планеты. Но даже в такой глубокой тишине не было слышно шагов одинокого ночного прохожего. Мягкие кроссовки ступали по асфальту совершенно беззвучно.

Он вынырнул из неосвещенной арки, быстро пересек двор и исчез в одном из подъездов двенадцатиэтажного дома, построенного буквой «П», фасадом обращенного к переулку, а тылом, жилыми подъездами, – во двор.

Тяжелая металлическая дверь не издала ни звука. При лунном свете черные окна казались сквозными дырами, прорезанными в желтой фанере. Дом выглядел как недоделанная декорация.

Он не воспользовался лифтом, взглянув на часы, машинально засек положение секундной стрелки и рванул вверх по лестнице. Окна на площадках между этажами были открыты настежь, но даже ночью воздух оставался тяжелым и густым. Не воздух, а бензиновый кисель. Сплошные выхлопные газы. Это очень вредно для здоровья.

Белые кроссовки едва касались ступеней. Тонкая синяя футболка промокла насквозь, пот тек в глаза. На десятый этаж он взбежал за четыре минуты сорок две секунды, остановившись у нужной двери, не поленился приложить пальцы к запястью и посчитать пульс. Отлично. Шестьдесят ударов в минуту. Он натянул хирургические перчатки, прислушался к тишине за соседними дверьми. Большинство жильцов разъехалось по дачам и по заграничным курортам. Июнь, к тому же выходные. Ночь с субботы на воскресенье. Тропическая жара в Москве невыносима, особенно для этих свиней, откормленных, одышливых, потливых государственных чиновников. Если кто и остался дома на выходные, то спал очень крепко.

Оказавшись в темной прихожей, он зажег карманный фонарик. Тонкий луч ощупал стену, уперся в электросчетчик. Именно там, рядом со счетчиком, была вмонтирована система отключения сигнализации. Обнаружив, что система отключена, он не удивился. Вероятно, последним уехал из квартиры Солодкин-младший. Он мог забыть не только о сигнализации, но и о собственной башке.

В кухне тихо урчал холодильник, в ванной подтекал кран, стук капель с неприятной ритмичностью долбил душную утробную тишину пустой квартиры. Заглянув в приоткрытую дверь ближайшей комнаты, он понял, что это кабинет, зашел, бесшумно закрыл за собой дверь, опустил жалюзи, задернул тяжелые бархатные шторы, включил свет, критически оглядел старинный дубовый стол. Из шести ящиков два оказались запертыми. Он быстро просмотрел содержимое тех, что были открыты. Ничего интересного. Бумаги, три пластиковые папки с газетными и журнальными вырезками, альбом с семейными фотографиями, старые телефонные книжки и ежедневники, визитки в специальной плоской коробочке. Возможно, для кого-то вся эта ерунда и представляла определенную ценность. Его интересовало другое.

Ключ от запертых ящиков он нашел довольно быстро. Немного подумал и нашел. Хозяйка не отличалась изобретательностью, бросила ключик в мраморный стакан для карандашей и ручек, который стоял тут же, на столе.

Ему определено везло. В первом же ящике он обнаружил толстенькую пачку долларов. Он не стал стягивать резинку и пересчитывать. Во втором оказалась еще пачка, потоньше, кроме того, старинный золотой портсигар, украшенный вензелем из мелких бриллиантов. Внутри лежало штук десять сухих, наполовину выпотрошенных сигарет. Он усмехнулся, пробормотал

«Спасибо, такие не курю» и бросил сигареты назад в ящик.

Следующая, смежная комната оказалась хозяйской спальней. Там на туалетном столике стояла красивая лаковая шкатулка. Замочек был с каким-то хитрым секретом. Оглядев шкатулку, он вытащил из кармана складной нож. Тонкое сверкающее лезвие длиной двадцать сантиметров имело необычную ромбовидную форму. Замочек легко поддался. Заиграла приятная тихая мелодия.

Хозяйка любила крупные бриллианты. Очень хотелось взять все, но он сдержался, выбрал то, что показалось ему наиболее ценным. Три кольца с огромными камнями, два явно старинные, одно современное, грубое, неинтересное, но камень такой, что глаза слезятся. Платиновый кулон в форме скрипичного ключа, усыпанный алмазами. Такие же серьги.

Руки в перчатках сильно вспотели и чесались. Очень хотелось пить. Он решил сделать небольшой перерыв, умыться, глотнуть воды. Он погасил свет и бесшумно проскользнул в ванную, оглядев бирюзово-малахитовый интерьер, позолоченные краны со сверкающими синими и зелеными камушками, прошептал:

- Ну, мать вашу, суки! - не удержался и смачно плюнул в нежно-голубое нутро джакузи.

С трудом стянув перчатки, он бросил их на полочку и включил воду. Лицо он мыл тщательно, с мылом. Мыло пахло свежим ландышем. Фыркая от наслаждения, он подумал, не принять ли душ, но тут же отказался от этой соблазнительной идеи. Сквозь шум воды ему почудились странные звуки, как будто совсем рядом жалобно замыкала кошка. Он знал совершенно точно, что Солодкины никаких домашних животных не держали. Впрочем, кошка могла мяукать в соседней квартире. В ванной, как известно, акустика усиливается. Ему стало не по себе, к тому же ландышевое мыло попало в глаза, здорово щипало и никак не вымывалось. Он тихо матюкнулся для бодрости и тут ясно услышал детский плач, шаги и спокойный, сонный женский голос:

- Машуня, ну ты чего? Подумаешь, покакали! С кем не бывает?

Через секунду на пороге появилась девочка лет пятнадцати с младенцем на руках.

* * *

У Ксюши с первой минуты жизни ее ребенка стал стремительно развиваться новый орган, что-то вроде третьего глаза, или дополнительной железы, вырабатывающей гормон тревоги. Активный выброс гормона вызывали автомобили, мчащиеся на большой скорости, люки подземных коммуникаций, кипящие чайники, электрические розетки, колющие и режущие предметы, провод тяжелой настольной лампы, свисающий с высокой полки, разнообразные, безобидные на вид мелочи типа монеток, пуговиц, швейных иголок, бусин, канцелярских скрепок. На людей эта таинственная железа не реагировала еще ни разу.

Увидев в ванной незнакомого белобрысого мужчину в голубых джинсах, белых кроссовках и синей майке, с мокрым лицом и сощуренными глазами, она ощутила мощную болезненную пульсацию в желудке. В голове у нее за долю секунды успело промелькнуть несколько разумных, утешительных объяснений. Если он вошел бесшумно, значит, у него есть ключ от квартиры и магнитная карточка от парадного. Замок на двери очень хитрый, какая-то новейшая немецкая конструкция. Подделать ключ невозможно, открыть отмычкой тоже, во всяком случае так написано в рекламном проспекте. Скорее всего, это один из многочисленных приятелей Олега, и ключи ему дал Олег. Разве грабитель пойдет умываться? Оружия при нем нет, и выглядит он вполне прилично. Надо сначала спросить, кто он и что

здесь делает, а потом уж пугаться.

Однако утешительные объяснения испарились без следа. Она чувствовала не только желудком, но всем телом, что ночной гость опасен, как автомобиль с пьяным водителем, как кипящий чайник на краешке стола. Впервые железа тревоги отреагировала не на предмет, а на человека, причем с невероятной активностью. Ее левая рука сама собой потянулась к полочке у двери, на которой в строю банок и бутылок стоял баллончик с французским дезодорантом. Ей хватило секунды, чтобы схватить баллончик, снять крышку и пустить мощную струю в сощуренные глаза гостя. Он глухо вскрикнул и машинально закрыл лицо. Ванная наполнилась дивным ароматом. Маша, зажатая у мамы под мышкой, заревела так громко, что заложило уши.

Мужчина не успел опомниться, а дверь ванной уже захлопнулась, и щелкнул замок. Он был ненадежный, легко открывался изнутри. Но свет в ванной выключался снаружи, и еще через миг ночной гость остался в кромешной темноте.

Прихватив радиотелефон и ключи, Ксюша выскочила на лестничную площадку, заперла дверь снаружи и набрала «02».

Разговаривать было практически невозможно. Маша кричала во все горло. Женский голос на другом конце провода несколько раз переспрашивал, что случилось, наконец дежурная поинтересовалась адресом и продиктовала номер районного отделения. Маша захлебывалась возмущенным ревом, не понимая, что происходит и почему с нее так и не сняли обкаканый памперс. Ксюша вызвала лифт, дожидаясь его, на всякий случай позвонила в двери соседних квартир, но, как она и предполагала, никто не откликнулся.

В лифте телефон отказался работать. Повторяя вслух, как заклинание, номер районного отделения, Ксюша выскочила из подъезда, присела на лавочку и набрала наконец этот номер.

- Так, девушка, для начала музыку выключим, - потребовал мужской голос.

- Это не музыка, это ребенок плачет! - орала в трубку Ксюша, чувствуя, что сейчас сама зарыдает.

- Это не музыка, это ребенок плачет! - орала в трубку Ксюша, чувствуя, что сейчас сама зарыдает.

- Ну, так положите его, я вас не слышу.

- Не могу, некуда. Пожалуйста, пришлите поскорей наряд. Очень вас прошу, во дворе никого нет. Он может запросто выйти, у него ключи от квартиры.

- Откуда у него ключи? - хладнокровно поинтересовался дежурный.

Разговор продлился еще минуты три, не меньше. Дежурный учинил ей настоящий допрос и все злился, что плохо слышно. Наконец сердито пообещал, что наряд будет.

Как только в трубке зазвучали частые гудки, Ксюша почувствовала очередной острый приступ тревоги. Ночной гость давно очухался, выбрался из ванной и сейчас выйдет из подъезда. Уже рассвело, он моментально увидит их в пустом дворе, и неизвестно, что придет в его воровскую башку. Она кинулась к детской площадке. Там, кроме качелей и песочницы, имелось довольно хлипкое деревянное сооружение: горка, лесенка, а между ними маленький домик. Ксюша

молнией взлетела по щербатой лесенке, потеряв тапочку, и тут же увидела, как открылась дверь подъезда. Усевшись на грязный дырявый пол, поджав ноги, она дала Маше грудь. Но ребенок с возмущением отказался. Порядочный ребенок не ест, когда у него грязная попка, что и пыталась громко, возмущенно объяснить трехмесячная Маша бестолковой маме, которая вместо того, чтобы вымыть ее и переодеть, выбежала во двор и залезла на горку.

- Машуня, тише, пожалуйста, очень тебя прошу, - бормотала Ксюша, наблюдая сквозь маленькое оконце, как парень замер у подъезда и оглядывает двор.

Маша понизила голос, просто потому, что устала от собственного крика, и судорожно всхлипывала, глядя на маму сверкающими от слез, обиженными глазами. А ночной гость все стоял у подъезда, вместо того чтобы рвануть прочь, стоял и озирался, искал Ксюшу, вряд ли для того, чтобы извиниться и объяснить, зачем влез в чужую квартиру. Вокруг не было ни одной живой души. Двор как будто вымер. Ксюше показалось, что взгляд незнакомца остановился на деревянном домике, настоящая, жгучая боль стиснула все ее внутренности, стало трудно дышать. Они как будто глядели в глаза друг другу, их разделяло метров пятьдесят, не больше. Она видела, что на плече у него висит небольшая спортивная сумка, а в правой руке он держит нечто, очень похожее на пистолет.

- Нет, Машуня, это чушь. У домушников оружия не бывает, - прошептала Ксюша и для убедительности слегка помотала головой, - я знаю совершенно точно, я читала какую-то книжку, не помню, как называется, в общем, путеводитель по криминальному миру. Так вот, Машуня, там написано, что квартирные воры и убийцы - это люди совершенно разных профессий.

Маша перестала всхлипывать и сладко зевнула.

- Он ведь не совсем кретин, - продолжала нашептывать Ксюша, - он должен сообразить, что я уже вызвала милицию и сейчас здесь будет наряд. Большая красивая милицейская машина, а в ней трое, нет, четверо больших красивых милиционеров. У каждого пистолет, дубинка, наручники. Его поймают, повалят на землю, с ним обойдутся очень грубо, но справедливо. А потом мы с тобой будем давать свидетельские показания. Так, ну все, ему пора. Слышишь, тебе пора, придурок, брысь отсюда, ну, пожалуйста, уйди...

Возможно, слишком панически прозвучала последняя фраза, и Маша, вместо того, чтобы задремать, стала медленно, угрожающе кривить губы. Глаза ее опять наполнились слезами. Обычно серьезному реву предшествовала торжественная, очень выразительная пауза. Она длилась около минуты. Ксюша увидела, как спокойно и решительно парень направился к горке, и теперь можно было отчетливо разглядеть, что в руке у него самый настоящий пистолет.

Маша, выдержав паузу, разразилась криком, и одновременно совсем близко взвыла сирена. Парень с пистолетом замер, а потом рванул прямо к горке. Он подскочил к ступенькам. Ксюша уже не видела его, но чувствовала и, медленно развернувшись к фанерной стенке лицом, закрыла собой Машу. Детский крик сливался с воем приближающейся сирены. У парня были железные нервы. Домик качнуло. Ксюша не услышала, а почувствовала сухой деревянный треск. За ним последовал мягкий удар. Ксюша зажмурилась и стала молиться.

Она не знала, сколько это продолжалось. Вой сирены дошел до своего апогея и постепенно затих. Из звуков остался только Машин захлебывающийся плач. Парня с пистолетом уже не было. Железа тревоги могла не только предупреждать об опасности, но умела сигнализировать отбой. Ксюша осторожно выглянула в оконце. Двор был пуст и совершенно спокоен. Ксюша

почувствовала, что не может подняться на ноги, во-первых, они затекли, во-вторых, на нее навалилась омерзительная, дрожащая, какая-то желеобразная слабость. Она поняла, что выла не милицейская машина, во всяком случае не та, которую она ждала. Вероятно, это была случайная «скорая», промчавшаяся через двор в соседний переулок. Предстояло решить, что безопасней – остаться в своем ненадежном фанерном убежище, смотреть в оконце и ждать обещанного милицейского наряда или все-таки вылезти, добежать до подъезда, подняться в квартиру, запереться на задвижку и ждать там.

- А если он только спрятался? - прошептала она Маше на ушко. - Он ведь, кажется, совсем псих. Он тоже понял, что машина не та, и теперь сидит где-нибудь поблизости, в кустах.

Она осторожно выглянула в дверной проем со стороны лестницы. Из трех оставшихся ступенек две были сломаны.

- Так вот, оказывается, что затрещало. Злодей прыгнул, досочки не выдержали, - сказала Ксюша чуть громче. - Однако как мы с тобой будем спускаться, Машуня? От горки остались только боковые перекладины, в середине пусто. Высота небольшая, метра полтора. Придется прыгать.

Пудобней прижав Машу к себе, она ступила на край и аккуратно спрыгнула вниз, между перекладинами горки, на мягкий влажный песок. Пространство от детской площадки до подъезда она пролетела за минуту и, только оказавшись в лифте, обнаружила, что, прыгая, все-таки ободрала локоть о перекладину и посадила здоровую занозу в ступню.

Глава двадцатая

Илья Никитич слушал лысую бомжиху, не перебивая. Она говорила долго и вдохновенно. Ей хотелось рассказать о себе. А кому же не хочется? И поскольку такие благодарные слушатели, как следователь Бородин, встречаются крайне редко, Марина не могла остановиться.

История Марины Бочаровой оказалась простой и ужасной. Лет с четырнадцати хорошенькая бойкая девочка повадилась с компанией подружек ездить из скучного подмосковного поселка Катуар в Москву развлекаться и искать приключений. Денег было мало, соблазнов много. Пошлявшись по центру, поплясав на дискотеках, посетив концерт группы «Ласковый май» или какой-нибудь кинотеатр, девочки возвращались домой, ходили в школу. Субботних впечатлений хватало на неделю, потом опять требовалась подпитка, они садились в электричку, приезжали на Савеловский вокзал, оттуда на троллейбусе в центр. Когда было тепло, они часами просиживали на Пушкинской площади, у памятника, глазели на прохожих, обсуждали, кто как одет, охотно вступали в разговоры со всеми желающими.

Но желающих было мало. Несмотря на кофточки с блестками, тугие короткие юбочки, взбитые разноцветные волосы и густые слои макияжа, катуаровские девочки выглядели всего лишь разряженными, разукрашенными провинциальными подростками, жаждущими приключений, и особенного интереса ни у кого не вызывали.

Иногда к ним подкатывали шумные наглые кавказцы, болтали что-нибудь противное, приглашали в кафе, иногда на них обращали внимание тихие деловитые наркоторговцы, предлагали недорого вмазаться, но таких приключений девочки опасались. Хотелось чего-то красивого, яркого, непонятно чего. Впрочем, конечно понятно: больше всего на свете каждой хотелось познакомиться с мальчиком, непременно москвичом, студентом, и чтобы получилась настоящая любовь. Каждой грезилась какая-нибудь киношная белиберда. Коктейли в

полутемном баре, медленный танец под Челентано или Джо Дассена, щека к щеке. Романтические нестрашные злодеи лестно пристают к девчонке. Ее спасает благородный отчаянный парень, похожий на солиста модной группы. Потом по таинственному ночному городу (фонари, автомобили, запах дождя и бензина) парень и девушка идут, обнявшись, и он рассказывает ей, как одинок, как ждал всю жизнь ее одну, и они целуются на пустом Тверском бульваре, а что дальше – совершенно не важно. Главное, чтобы все выглядело как в кино и было наполнено шальной и нежной эстрадной романтикой.

Москва, равнодушная, деловитая, глухая к бесхитростным девичьим мечтам, проносилась мимо, обдавая грязью из-под колес, штрафую за безбилетный проезд в троллейбусе, толкая в бока острыми локтями, дыша в лицо перегаром и желудочной кислотой, посылая пьяным матом, обжигая надменными, насмешливыми взглядами, которые оскорбительней грязи и мата. Никакой любовью не пахло, совсем наоборот, пахло тоской, помойкой, строительной известкой, мочой из общественных сортиров. Надо было что-то с собой делать, куда-то деть себя, томящихся жаркой юной скукой, в юбочках, которые лопаются на бедрах, как кожура спелого фрукта.

И вот однажды Марина Бочарова решила, что шляться по Москве табунком не имеет смысла. Искать свою красивую любовь в огромном городе надо в одиночку. На одинокую девушку непременно кто-нибудь клюнет. Не сказав подружкам ни слова, она отправилась в столицу одна, в будний день. Одевалась без всяких блесков, просто и буднично: узкие джинсы, трикотажная маечка с короткими рукавами. Накрасилась совсем чуть-чуть. Уже в электричке ловила на себе совсем другие взгляды, внимательные, пристальные, ощупывающие круглую крупную грудь под тонкой маечкой, скользящие по выпуклым ярким губам, настоящие, серьезные мужские взгляды, которых раньше не было. С вокзала отправилась на Калининский проспект.

У нее была хорошая фигурка, милое круглое личико, большие серые глаза. Критически оглядывая себя в зеркалах универсама «Весна», она решила, что в таком скромном «прикиде» выглядит куда интересней. И не ошиблась. Трехчасовая прогулка увенчалась успехом. В подвальной чайной на Гоголевском бульваре к ней подсел вполне приятный парень: короткие темные волосы, умные карие глаза. Круглые очки и аккуратные усики делали его похожим на какого-то актера, Марина все пыталась вспомнить, какого именно. Он угостил ее армянским коньяком, который продавали в чайной из-под прилавка, взял для нее бутерброды с красной рыбой и черной икрой. Рыба оказалась невозможно соленой, икра сухой и твердой, как песок, но Марина так шикарно угощалась впервые в жизни, и под закуску выпила грамм двести коньяка. Сначала она стала заливать новому знакомому, будто живет в Москве, мама у нее главный бухгалтер большого универсама, а папа директор завода, но вскоре расслабилась и выложила все как есть. Ужасно хотелось поплакаться, это дело она вообще любила, становилось легче, если кто-то слушал.

Она рассказала про поселок Катуар, про маму – пенсионерку по инвалидности, пьющую беспросветно, про отца, который сидит за кражу каких-то тракторных деталей, про то, что никому она на свете не нужна, и если что-нибудь случится с ней, никто даже не заметит. Пока рассказывала о своей несчастной жизни, сама так расстроилась, что заплакала.

Парень слушал с искренним сочувствием, гладил по руке, по щеке. Звали его Толик, ему было двадцать три года, он сказал, что учится в каком-то институте, она не запомнила, в каком, впрочем, это не важно. Вскоре выяснилось, что нигде он не учился.

Из чайной они вместе направились в Кинотеатр повторного фильма, смотрели какую-то старую

французскую комедию, целовались в последнем ряду полупустого зала. Марину совсем развезло от коньяка и долгих мокрых поцелуев, и не было сил ехать на вокзал, садиться в электричку. Толик взялся проводить ее, повел бесконечными, темными проходными дворами, иногда они останавливались и целовались, зашли в какой-то вонючий подъезд, поднялись по лестнице, Толик говорил что-то про деньги на такси, открыл своим ключом ободранную дверь, провел по длинному полутемному коридору, Марина увидела маленькую нищую комнату с матрасом на полу, и больше всего на свете ей захотелось лечь на этот матрас и поспать. Толик врубил музыку, сказал, что сейчас сварит кофе, но вместо кофе налил ей водки, от которой ее окончательно развезло. Он легко повалил ее на матрас.

Так и не почувствовав ничего, кроме пьяной тошноты и боли в паху, не поняв, любовь ли это или какая-то нудная, утомительная гадость, Марина уснула. Проснувшись, обнаружила рядом с собой уже не Толика, а жирного волосатого кавказца лет пятидесяти. Попыталась орать, но кавказец зажал ей рот потной ладонью, а кто-то еще схватил за руки, больно стиснул запястья. Оказалось, Толик.

Уходя, кавказец оставил на столе деньги, и не маленькие. Толик вручил ей половину суммы, поздравил с первыми бабками, заработанными честным трудом. В тот же день явились еще двое, бритоголовые прыщавые юноши, которые развлекались с ней сначала по очереди, потом вместе. И опять Толик дал ей половину суммы.

Она никак не могла внятно объяснить, прежде всего самой себе, почему не сбежала из грязной коммуналки. У нее была такая возможность, и не раз, однако сначала просто голова кружилась, ноги подкашивались от слабости, потом она слегка ошалела от денег, которые заработала всего за один день, да и вообще вся ее прошлая жизнь, тусклый поселок, где парни начинали пить с десятилетнего возраста, школа, дом, вечно пьяная больная мать, постоянное чувство голода, дрянные дешевые шмотки, скука и безысходность показались ей куда хуже, чем коммуналка с матрасом и усатенький веселый Толик.

«Главное, не спиться и не подсесть на иглу, – рассудила Марина, – каждый зарабатывает, как может. Если будут такие деньги, я себе квартиру куплю и машину, может, потом и замуж выйду за хорошего человека. Москва – не Катуар, здесь можно запросто спрятаться от своего плохого прошлого. А жить надо начинать с денег, иначе пропадешь».

Через неделю она съездила в Катуар, сообщила матери, что поступила в ПТУ, оставила полтинник, собрала вещички и вернулась к Толику.

Несколько месяцев жила в его комнате, в коммуналке, он приводил клиентов. Оказалось, в других десяти комнатах обитают такие же, как она, девушки, но только более опытные и потасканные. Марина первое время оставалась «свежачком», ей едва исполнилось пятнадцать, хотя выглядела она старше. Сутенер Толя держал ее у себя под боком. Хозяином притона был не он. Раз в неделю в квартире появлялся шикарный пожилой дядька в костюме-тройке, с массивными золотыми часами. Он осматривал девушек, выбирал какую-нибудь и увозил с собой. Иногда девушка возвращалась, иногда нет. Между собой его звали Людоедом и боялись все, даже Толик.

Конвейер работал, Марина перестала различать лица, голоса, запахи, страшно уставала и ничего не чувствовала. Избегала алкоголя и наркотиков. В притоне пили и кололись все, отличаться от остальных было невыносимо тяжело, но Марина держалась. Она была пьяной от усталости, иногда делала вид, что уже тепленькая, успела принять дозу, и товарки ее не трогали.

В голове у Марины сложился простой и утешительный план. Она скопит денег на квартиру. На окраинах, в новых домах, можно купить однокомнатную совсем недорого, так вот, она купит через пару лет и распрощается с этой кошмарной жизнью.

Но примерно такие же планы строили почти все обитательницы притона. Шло время, а нужной суммы все не было. Марина считала себя умней других и деньги свои хранила в сберкассе, на расходы оставляла очень мало и копила, копила.

Через полгода в коммуналку заявила милиция с облавой, притон прикрыли. Толик успел уйти через черный ход, взяли только девочек и пару клиентов, подержали в отделении и выпустили.

Потом была череда других притонов, сутенеров, клиентов, Марина все держалась, почти не пила и совсем не кололась и в результате довольно долго сохраняла товарный вид. В восемьдесят восьмом на ее книжке уже лежала вполне приличная сумма, но тут разразилась первая деноминация, и от денег осталась только горькая память. Марина стала работать на Тверской. Там было больше риска, но и денег больше, иногда платили валютой. Именно из-за валюты, из-за вождеденных, надежных долларов, Марина и погорела. Попались щедрые клиенты, она решила припрятать от сутенера полтинник, а напарница, с которой вместе работали, взяла и стукнула. Может, поэтому, а может, были какие-то другие причины, но в итоге при очередной милицейской облаве у Марины при обыске нашли пять упаковок героина.

Три года в зоне оказались для нее передышкой. Она попала в образцово-показательную колонию, шила синие рабочие халаты, участвовала в самодеятельности, просыпалась и засыпала с легкой душой, потому что рядом не было мужиков, клиентов и сутенеров, которых она ненавидела. За примерное поведение ее освободили досрочно. Она решила не возвращаться к прежней постылой профессии, отправилась домой в Катуар, но в квартире в панельном доме жили чужие люди. Мать умерла, отец просто исчез, не вернулся из зоны. Кроме Тверской, ей некуда было деться.

В январе девяносто пятого, стоя на своем посту у метро «Маяковская» в строю терпеливых товарок, Марина так промерзла, что была рада любому, самому паршивому клиенту, лишь бы поскорее выбрал и повез куда-нибудь в тепло. Подъезжали машины, опускались стекла, выглядывали мужские головы, глаза медленно скользили по ногам в тонких колготках, по лицам, синим под слоями косметики. «Снимали» в ту ночь неохотно. Из-за сильного мороза у девочек был нетоварный вид. Неподалеку в переулке стояла пара сутенерских машин, если становилось совсем невмоготу, можно было сбегать погреться, но тогда рискуешь упустить клиента. Марина терпела, не рисковала, и ей повезло. Притормозил скромный серый «жигуленок», из него выглянул вполне нормальный парень, не старый, не противный, и тут же подозвал Марину, договорился с подоспевшим сутенером о цене на всю ночь, и Марина нырнула в теплый салон.

Всю дорогу он молчал. Из магнитофона орал тяжелый рок. Он не спросил, как ее зовут, и сам не представился. Но ей это было все равно. Ехали долго, куда-то в Тушино. Остановились у новой двенадцатиэтажки, все так же молча вошли в подъезд. В лифте она разглядела самое обыкновенное, даже приятное лицо. На вид ему было не больше двадцати пяти.

Квартира оказалась крошечной, однокомнатной. Пахло какими-то индийскими благовониями, стены были оклеены мрачными красно-черными обоями и увешаны жуткими африканскими масками.

- Иди в душ, смой всю косметику, - командовал он, - и переоденься в то, что там лежит на стиральной машине.

В ванной, отделанной черным кафелем, Марина увидела аккуратную стопку одежды, развернула и тихо ахнула. Черное, глухое и длинное платье из грубой ткани, черный платок, черная шапочка, по форме похожая на церковную маковку. Что-то выпало, звякнуло о кафельный пол. Марина наклонилась и подняла большой серебряный православный крест на толстой цепочке.

То, что происходило потом, когда она, вымытая, с чистым, без косметики, лицом, в монашеском одеянии, переступила порог мрачной комнаты, лучше не вспоминать. Марине прежде приходилось слышать леденящие кровь истории о том, как девочки попадали к садистам, маньякам, и если выбирались живыми, то оставались инвалидами, с изуродованными лицами. Среди ее клиентов иногда встречались психи, которые требовали надевать железный ошейник, наручники, какие-то цепи на ноги или давали плетью, заставляли хлестать себя и от этого получали удовольствие, иногда Марину просили наряжаться в старую школьную форму, коричневое платье, черный фартук, повязать на шею красный галстук. Но чаще случались стандартные неприятности. Снимал один, а в квартире оказывалось несколько мужиков, и вместо одного приходилось обслуживать всех. В такой ситуации следовало быстренько добраться до телефона и позвонить своему сутенеру, который высылал на квартиру охрану. А если телефона не было, приходилось терпеть мужскую халюву.

Настоящих садистов Марина еще не видела и надеялась, что с ней такого никогда не случится.

Со стен скалились кошмарные чудища, комната пульсировала от тяжелого рока. Он опрокинул ее на пол, моментальным движением заклеил рот куском пластыря и, ни слова не говоря, принялся избивать ногами. Она пыталась сопротивляться, он стукнул ее по голове каким-то тяжелым тупым предметом, и глаза заволкло розовым туманом. Он прервался только на несколько минут, чтобы перевернуть кассету, потом продолжил. Бил, насиловал, опять бил, жег тело сигаретами, при этом не говоря ни слова и внимательно глядя ей в глаза. Сколько это продолжалось, она не знала. В какой-то момент он отлепил пластырь, сунул ей в рот трубку металлической воронки, стал лить водку. Марина захлебнулась, закашлялась, он поднял ее, встряхнул, шарахнул ладонью по спине, потом опять бросил на пол, как тряпичную куклу. Последнее, что она почувствовала, была жуткая боль, разорвавшая наискосок щеку.

Очнулась она в полной темноте и тишине. Было слышно, как где-то капает вода из крана и совсем далеко проезжают редкие автомобили. Марина не смогла подняться, поползла по комнате и вскоре обнаружила, что в квартире никого нет. Тело ее было сгустком острой, пульсирующей боли, но особенно сильно болели живот и щека. Телефона в квартире не оказалось. Дверь была заперта наглухо снаружи, а за окном простирался заснеженный пустырь.

Холодильник оказался пуст. Напившись воды из-под крана, она разглядела жуткую рану на щеке. Половина лица была красной, распухшей, она вспомнила, что краснота и дергающая боль означают воспаление. Рана могла нагноиться, ее следовало продезинфицировать, но в квартире не нашлось ни йода с зеленкой, ни даже водки. Вообще ничего. Голая мебель - стол, два стула, тахта, какие-то книжки, почерневший чайник и пара пустых стаканов на кухне. Магнитофон, из которого орал тяжелый рок, исчез вместе с кассетами. Не было ни телевизора, ни радио, никакой одежды, кроме влажного комка черных тряпок - монашеское платье, платок, шапочка. Своей кроличьей белой шубки, сапожек и прочих вещей Марина не нашла.

Она не сомневалась, что вскоре явится хозяин и все продолжится. Он не убил ее только для

того, чтобы еще поразвлечься. Натянув черное монашеское платье, пахнущее кровью и водкой, Марина открыла балкон. Она надеялась докричаться до соседей, но вскоре поняла, что бесполезно. Ни справа, ни слева не было света. Далеко внизу, под домом, вдоль пустыря изредка проезжали крошечные машинки. Марина вернулась в комнату, дрожа от холода, шатаясь от слабости, включила воду везде – в ванной, в умывальнике, на кухне, заткнула стоки и стала ждать.

Несколько раз, лежа на голой тахте, она теряла сознание, очнувшись, слушала грохот воды, опять проваливалась в обморочный сон. Неизвестно, сколько прошло времени, но в какой-то момент она услышала настойчивый звонок в дверь и заставила себя встать. Воды было по щиколотку. Марина подошла к двери и, собрав последние силы, крикнула, чтобы ломали дверь, вызывали милицию и «скорую», потому что она умирает.

Потом в больницу к ней приходил следователь, сказал, что садиста ищут, подробно расспрашивал, а позже, когда разрешили врачи, ее повезли на Петровку составлять словесный портрет. Выяснилось, что квартира была снята через третье лицо, которое растаяло в неизвестности. Человека, описанного Мариной, хозяева квартиры никогда не видели, не знали даже имени его. Кто-то из соседей говорил, будто встречал на лестничной площадке похожего мужчину пару раз. Дом был совсем новый, никто никого в лицо не знал. Маринины вещи – белая кроличья шубка, лаковые сапожки, сумочка – ни на толкучках, ни у скупщиков краденого обнаружены не были. Дело так и повисло.

Марина еще довольно долго пролежала в больнице, ей делали несколько полостных операций, пичкали разными лекарствами, и вышла она тяжелым инвалидом, шрам на лице остался навсегда, от лекарств раскрошились зубы, сильно поредели волосы. Детсья ей было некуда, на Тверской ее такую, конечно, не ждали. На Савеловском вокзале, на запасных путях, стояли вагоны-отстойники, туда за небольшие деньги обходчики пускали проституток с неприхотливыми командировочными клиентами. Там и осела Марина. Часто ее трясло от страха, в вокзальной толпе мерещилось кареглазое, вполне приятное лицо, светлый ежик волос. Чтобы хоть иногда забыться, она стала пить, окончательно потеряла волосы и зубы. Однажды встретила старика по прозвищу Ноздря, он взял ее к себе, в бомжовский бесхозный клоповник. Так и жила она, от бутылки до бутылки, пока не выплыло из небытия чудовище с внимательными карими глазами и светлыми волосами.

– Я узнала его, – повторяла она, сидя перед Бородиным и вытирая красным кулаком слезы, – он будет еще убивать, это для него главный кайф.

Глава двадцать первая

Коля Телечкин открыл глаза. Огромная розовая луна смотрела в окно палаты и улыбалась. Было слышно, как шелестят листья, как тяжело, с присвистом, дышит старик на соседней койке, как кто-то ходит и тихо переговаривается в коридоре.

Коля неловко повернулся, из вены выскользнула игла капельницы. Он лежал несколько минут, прислушиваясь к себе, жадно вдыхая тонкую прохладу московской ночи, запах спящего города, пережившего утром страшную грозу, а днем тридцатиградусную жару. Полная розовая луна как будто нарочно приплыла сюда полюбоваться самым счастливым человеком на свете, повисла за распахнутым окном реанимационного отделения Института Склифосовского и улыбалась своим бледным кривоватым ртом ему лично, младшему лейтенанту Телечкину.

Рана у левой лопатки ныла довольно сильно, однако даже боль была счастьем. У мертвых

ничего не болит. В голове у Коли мягко проплывали простые, счастливые мысли о том, что вот, он остался жив, и всего через месяц увидит своего ребенка, мальчика. Уже известно, что мальчик, – Алене совсем недавно делали ультразвук. И как хорошо, что никому, ни маме с бабушкой, ни Алене не сказали о ножевом ранении. Они все думают, будто его просто сбила машина, даже не сбила, а всего лишь задела бампером. В реанимацию его положили только на эту ночь, уже завтра утром переведут в общую палату, а через неделю обещают выписать.

Из коридора в приоткрытую дверь заглянула дежурная сестра. В руках у нее был шприц. Старику соседу кололи что-то каждые два часа.

– Не спишь? – шепотом спросила она Колю. – Смотри, капельница у тебя сорвалась. Почему меня не вызвал?

– Да ладно, – улыбнулся Коля, – может, мне уже не надо капельницы никакой?

– Ишь ты, умный. – Сестра содрала пластырь с его руки, быстро все восстановила. – Это витамины, глюкоза, в любом случае не помешает. У тебя кровопотеря приличная. Ох, ты смотри, красота!

У Коли на тумбочке в бутылке из-под «фанты» стояла одинокая огромная чайная роза. Алена вечером принесла большой букет хирургу Ольге Николаевне, а та вытянула один цветок, поставила в бутылку на Колину тумбочку. Вечером лепестки были сжаты в тугий тяжелый бутон, а сейчас вдруг раскрылись.

У Коли на тумбочке в бутылке из-под «фанты» стояла одинокая огромная чайная роза. Алена вечером принесла большой букет хирургу Ольге Николаевне, а та вытянула один цветок, поставила в бутылку на Колину тумбочку. Вечером лепестки были сжаты в тугий тяжелый бутон, а сейчас вдруг раскрылись.

– Это ж надо, – покачала головой сестра, – если бы ты был умирающий, я бы сказала, что выживешь. Но ты у нас совсем не умирающий, Коля. Я таких счастливых, как ты, еще ни разу не видела. Сто лет теперь проживешь. Ладно, спи.

Сестра ушла. Коля закрыл глаза. Блаженная, сладкая дрема, как в раннем детстве, стала покачивать его на теплых волнах, и сильный мягкий запах чайной розы навевал зыбкие, но совершенно сказочные воспоминания о приморском парке, о полосатой аллее под босыми ногами. Раскаленные сахарно-белые полосы сменялись прохладными, темно синими. На аллею падали ровные тени стволов, а впереди, в проеме между огромными прямыми деревьями, что-то светилось, переливалось, и слышались гулкие радостные крики, тяжелый упругий стук мяча.

Между сном и явью, когда все чувства сгущаются, как тени на закате, и принимают причудливые, фантастические формы, Коля вспомнил то, чего помнить не мог. Мама возила его на море один раз в жизни, когда ему было всего полтора года. Он чуть не утонул, играя с камушками у кромки воды, мама рассказывала, как его снесло внезапной волной, и он сразу наглотался воды и, когда вытащили, был синий, уже не дышал. Но откачали очень быстро, и потом говорили маме, что он будет жить сто лет.

Сейчас про него говорили то же самое. Ему повезло. Лезвие прошло в пяти миллиметрах от сердца и ни одного важного органа не задело. Машина, перед которой он упал на мостовую, на самом деле не сбила его, водитель успел затормозить буквально в сантиметре от Коли и тут же вызвал по своему мобильному «скорую».

Коля очнулся, когда его перекладывали на носилки, еще ни в чем не успели разобраться, ножевое ранение обнаружили только здесь, в «Склифе». И первый, кто пришел к нему прямо сюда, в реанимацию, был следователь Бородин. Оказывается, он позвонил Коле домой, когда услышал его сообщение на автоответчике. Дома Алена билась в истерике, собиралась в больницу. Она узнала о случившемся от начальника отделения, а он, идиот, описал все в самых черных красках.

С Ильей Никитичем они проговорили почти час, на прощание он пообещал, что успокоит Колиных родных, жену, маму и бабушку, они всей компанией сидели в больничном скверике и переживали. И еще Бородин сказал, что, как только Коля поправится, он попробует похлопотать, чтобы младшего лейтенанта подняли с земли в округ и включили в оперативную группу, которая работает по этому делу.

- Вообще, если честно, мое начальство до сих пор не видит в деле судебной перспективы, - признался Илья Никитич, - но, думаю, после твоего ранения все изменится. И еще, я все-таки надеюсь, что мы поймаем его раньше, чем ты поправишься.

Лунный свет стал бледней, прохладней. Небо на востоке посветлело, тихо защebetали первые предрассветные птицы. Сосед старик беспокойно ворочался, громко храпел, еще раз зашла сестра, сделала старику укол, понюхала огромную чайную розу, посмотрела на спящего Колю, вздохнула и пробормотала:

- Слава Богу, повезло мальчику. Чуть левее - и в сердце, чуть правее - и спинной мозг пострадал бы. Машиной могло сбить насмерть, но повезло, слава Богу.

Дверь была распахнута. У Ксюши больно стукнуло сердце, ей показалось, белобрысый там, внутри, притаился со своим пистолетом и ждет. Ей даже стали мерещиться шорохи, вздохи, скрип половиц.

«Эй, смотри не свихнись, - одернула она себя, - а что, запросто! Сейчас начнутся галлюцинации, слуховые и зрительные, ты будешь шарахаться от собственной тени, а когда случится что-то реальное, серьезное, ты не заметишь, поскольку психи видят и слышат только то, чего нет».

Ксюша заперла дверь на все замки и на задвижку, вымыла наконец Машу, уложила ее, принялась укачивать, но засыпать ребенок уже не собирался. Было почти утро. Маша хныкала, просилась на ручки, для нее все спуталось, день, ночь, она пережила настоящий стресс и теперь никак не могла успокоиться. Ксюшу тоже продолжало трясти, она даже испугалась, что пропадет молоко. Трясущимися руками она пыталась вытащить занозу из ступни, расковыряла кожу, наконец справилась, залепила рану пластырем, замазала йодом ссадину на локте, умылась холодной водой, вернулась к Маше, которая продолжала тихо всхлипывать и смотрела на нее испуганными мокрыми глазами.

В дверь позвонили, когда ребенок наконец уснул, но, стоило отойти от кровати, опять раздался тихий плач.

- Так что случилось у вас?

Их было трое, один в форме, двое в штатском, но с характерными милицейскими лицами.

- Минуточку. - Ксюша побежала в комнату за Машей, вернулась с ней на руках. Трое в коридоре озирались профессиональными взглядами, один закурил.

Ксюша начала рассказывать, получалось сбивчиво и непонятно. Маша терлась личиком об ее грудь и тихо всхлипывала.

- Значит, вы не слышали, как он проник в квартиру. Проснулся ребенок, вы зашли в ванную, увидели там незнакомого мужчину, который умывался. А зачем он умывался? Если он пришел воровать, зачем бы ему умываться?

- Меня это тоже вначале смутило, но с другой стороны, он ведь думал, что в квартире никого нет, а потому не особенно спешил, вспотел, решил умыться.

- А откуда вы знаете, что он думал, будто в квартире никого нет? Он вам это сказал?

- Разумеется, нет, - поморщилась Ксюша. Странные вопросы ставили ее в тупик, но она решила, что милиционеры просто хотят как следует во всем разобраться, - разумеется, он мне ничего не сказал. Я брызнула ему в лицо из баллончика.

- То есть вы зашли в ванную с газовым баллончиком?

- Да нет же! Я схватила дезодорант, он стоял на полке. Он хотел меня убить, как вы не понимаете!

- Но вы только что сказали, что он думал, будто в квартире никого нет. Не сходится, барышня, совсем не сходится.

- Ну не знаю я, что он там думал! - рассердилась Ксюша. - Я брызнула ему в лицо дезодорантом, заперла дверь в ванную, погасила свет и выбежала из квартиры. А потом увидела, как вышел он, и в руке у него был пистолет. Мы спрятались на детской горке, он нас заметил и шел с пистолетом прямо на нас. Он даже стал подниматься по лестнице, но под ним проломились ступеньки, а потом его спугнула сирена.

- Погодите, - поморщился милиционер, - до пистолета мы еще дойдем. Вы проверяли, что-нибудь пропало?

- Нет, я не успела.

- Интересная вы какая, девушка, - криво усмехнулся тот, что был в штатском и задавал дурацкие вопросы, - в такой ситуации нормальные люди первым делом смотрят, что пропало. А вы вообще-то здесь прописаны? Можно взглянуть на ваш паспорт?

- Да, конечно. - Ксюша сунула руку во внутренний карман ветровки, которая висела тут же, на вешалке, и протянула милиционерам паспорт.

- Так, понятно, Солодкина Ксения Михайловна... С пропиской все нормально. Положите-ка ребенка и посмотрите, пропало что-нибудь или нет. Проверьте деньги, драгоценности.

Ксюша послушно отправилась в комнату, уложила Машу. Конечно, тут же раздался усталый, слабый, но возмущенный плач.

- Сейчас, сейчас, малыш, я приду. - Она отправилась в комнату Галины Семеновны, огляделась. Вроде ничего не изменилось. Где у свекрови лежат деньги, она все равно понятия не имела, а шкатулка с драгоценностями стояла на туалетном столике. Ксюша знала, что там много всяких колец, серег и прочих ювелирных изделий с драгоценными камнями, знала также, что у шкатулки какой-то хитрый замок. Мельком подумав что-то про отпечатки пальцев,

она попыталась осторожно открыть шкатулку. Крышка легко поддалась. Сверкнули разноцветные драгоценные камни. На глазок Ксюша не могла определить, что пропало и сколько, если вообще пропало. Шкатулка была почти полной. Однако замок, скорее всего, взломали, потому что вряд ли аккуратная свекровь, уезжая, оставила бы ее незапертой.

Ксюша вернулась в коридор, где нетерпеливо курили уже все трое, небрежно стряхивая пепел на паркет, и рассказала о деньгах и драгоценностях все, что могла рассказать. Из комнаты доносился жалобный Машин плач.

- Простите, я должна ее взять, я плохо соображаю, когда она плачет. А вы, пожалуйста, пройдите вот сюда, в гостиную. - Она побежала за Машей, наспех закутала ее в одеяло, вернулась к милиционерам. Они расположились в креслах у журнального столика.

- Получается, у мужчины был ключ? - спросил милиционер в штатском, самый старший по возрасту и, вероятно, по званию.

- Получается, был, - кивнула Ксюша.

- Значит, кроме вас и ребенка, здесь еще проживают ваш муж и свекровь?

- Да.

- Где они?

- Свекровь отдыхает во Франции, муж на даче.

- А вы знаете всех знакомых вашего мужа?

- Конечно, не всех. Мы женаты только год.

- Понятно. Живете, значит, вместе. И как складываются отношения со свекровью?

- А вы знаете всех знакомых вашего мужа?

- Конечно, не всех. Мы женаты только год.

- Понятно. Живете, значит, вместе. И как складываются отношения со свекровью?

- Нормально. При чем здесь наши отношения?

- Да так, к слову пришлось. Мужу-то сколько лет?

- Сорок.

- А вам, значит, девятнадцать. Ну и ну, интересно. Сами-то вы с ребенком почему не на даче? Такая жара в Москве.

- Мне надо было показать дочку врачу, - судорожно сглотнув, соврала Ксюша. - Я вас не совсем понимаю, при чем здесь наш возраст и семейные отношения? - тихо спросила она, но милиционер проигнорировал вопрос и произнес задумчиво:

- Слушайте, а этот мужчина не мог быть просто знакомым вашего мужа, которому он дал ключ и забыл поставить вас в известность?

- Я сначала тоже так подумала, - ответила она и, отвернувшись, дала Маше грудь. Ребенок уже не плакал, только тихо всхлипывал. Было больно смотреть на осунувшееся, бледное личико, на красные припухшие глаза. Кожа вокруг ротика посинела, Маша выглядела совершенно больной, Ксюша еще никогда ее такой не видела. От этого все внутри дрожало, было страшно за ребенка, и голова работала скверно.

- И вы не пытались с этим мужчиной сначала поговорить, выяснить, кто он и зачем? Может, действительно произошло недоразумение? Вы сказали, что брызнули ему в лицо из баллончика дезодорантом. Это, между прочим, не безобидно, - продолжал свой допрос пожилой в штатском.

Может, он был и не таким уж пожилым, лет сорок, не больше, но физиономия его показалась Ксюше весьма потасканной, как будто даже испитой. Двое других выглядели значительно приятней, но они молчали.

- А что мне оставалось делать? - Ксюша растерянно моргнула. - Я почувствовала, что он опасен.

- Просто почувствовали, и все? - По отечному милицейскому лицу скользнула скептическая усмешка, от которой Ксюшу передернуло.

- Я одна с ребенком, - медленно, четко проговорила она, стараясь смотреть прямо в глаза милиционеру, - ночью, в квартире, я обнаружила незнакомого мужчину. Я что, должна была предложить ему чайку выпить? Я испугалась, это вполне естественно.

- Ну да, конечно. Да вы не волнуйтесь так, Ксения Михайловна. Скажите, кто-нибудь из членов семьи терял ключи? - подал голос второй в штатском. Он был настроен более мирно, даже назвал ее по имени-отчеству, и Ксюша решила по возможности общаться только с ним.

- Я не знаю, я точно не теряла, свекровь тоже вряд ли, а вот муж... он очень рассеянный человек, много работает.

- Это ж где, интересно, надо работать, чтобы такие бабки заколачивать? - пробормотал пожилой. - Квартирка-то крутая какая. При таком богатстве лучше охрану нанимать. Сигнализация хотя бы есть?

- Есть. Но я приехала и отключила. Простите, а при чем здесь бабки? - возмутилась Ксюша. - И при чем здесь крутая квартирка? Муж зарабатывает не так много, он заместитель главного редактора в журнале «Блюм». А у свекрови антикварная фирма.

- Ну, понятное дело. Антиквариат. Так на чем мы остановились? На ключах? Вот видите, вы даже не знаете, терял ли кто-нибудь ключи. Небось еще и домработница есть?

- Есть. И что? У вас все состоятельные люди вызывают неприязнь? - Ксюша постаралась улыбнуться в лицо милиционеру как можно надменней, однако чувствовала, что улыбка вышла жалкая.

- Так, девушка, ты здесь не очень-то выступай. Может, ты вообще все выдумала, - он гнусно подмигнул, - у свекрови-то небось навалом и бабок, и цапок, она жадничает, а тебе тоже хочется? Кое-что припрятала на черный день. Мужу сороковник, наверняка ты у него не первая, жены приходят и уходят. Мало ли, как сложится жизнь? Верно я говорю, а? - Он опять подмигнул. - Вот ты и выдумала какого-то мужчину в ванной с пистолетом, для достоверности милицию вызвала, и здесь нам лапшу на уши вешаешь.

- Скажите, а что такое цацки? - после долгого ошалелого молчания невинным голосом поинтересовалась Ксюша.

- Ладно, не прикидывайся, видали мы таких.

- Ну что я вам плохого сделала? - Ксюша не выдержала, громко всхлипнула. Маша, которая к этому времени уже наелась и заснула на руках, вздрогнула, открыла глаза, скривила ротик, собираясь заплакать. - Ш-ш, - сказала ей Ксюша, - на самом деле эти дядьки не такие злые, просто они устали, и зарплата у них маленькая.

- Ты кончай придуриваться, гражданка Солодкина, - рявкнул пожилой, - нечего из нас злодеев делать! Все очень недостоверно у вас выходит, понимаете или нет? Пистолет какой-то выдумали. - Он багровел, повышал голос, перескакивал с «ты» на «вы» и обратно, что выдавало в нем тайного психопата.

- Господи, ну почему, почему выдумала? Он чуть не убил нас, он бегал за нами с пистолетом.

- Может, вам это померещилось? - улыбнулся милиционер в форме. - Я вижу, вы девушка нервная, воображение у вас богатое. Мало ли что у него могло быть в руке? Сотовый телефон, зажигалка. Вы ведь издали на него смотрели, близко он к вам не подходил. Вдруг со страху вы обознались, а, Ксения Михайловна? Знаете, бывают такие зажигалки-пистолеты, издали действительно очень похоже.

- Ничего мне не померещилось! А если бы он подошел ближе, нас бы уже не было. И вообще я не понимаю, почему вы со мной так разговариваете? У меня ребенок всю ночь не спал, посмотрите, какая она бледненькая, у нее настоящий шок, и у меня тоже, а я, между прочим, кормящая мать. - Она чувствовала, что говорит что-то совсем не то, но с трудом справлялась с собой, едва сдерживала слезы, во рту пересохло, сердце колотилось все быстрее.

- Ладно, кормящая мать, вы все-таки посмотрите внимательно, пропало что-нибудь или нет. Вон сколько здесь у вас картин, статуэток всяких. Одно слово, антиквариат. Прямо музей, а не квартира. Тут сигнализации мало, тут правда вооруженная охрана требуется. Вы нас тоже должны понять. Знаете, что такое признаки преступления?

- Догадываюсь, - тяжело вздохнула Ксюша, - вы хотите сказать, что если ничего не пропало из квартиры, значит, нет признаков преступления? А то, что он незаконно проник в квартиру, это разве не признак? А пистолет? Давайте я напишу заявление.

- И о чем собираетесь заявить?

Ксюша стала догадываться, в чем дело. Им всем троим ужасно не хотелось возиться. Им было просто лень, вот и все. Она знала по фильмам и книгам, что если возбуждается уголовное дело, то его надо вести, и если в течение какого-то определенного срока оно не раскрывается, у милиционеров бывают неприятности. К тому же вид чужого богатства вызывал у них вполне понятные и простые чувства.

- Я собираюсь заявить о том, что ко мне в квартиру проник неизвестный, вооруженный пистолетом, и пытался меня убить, - проговорила она как можно спокойней и жестче, - и еще я заявлю о том, что вот этот ваш сотрудник, - она кивнула на пожилого, - кстати, позвольте узнать вашу фамилию и звание.

- Капитан Смачный, - буркнул пожилой и в очередной раз налился малиновой кровью, - можешь жаловаться сколько душе угодно, только смотри, чтобы потом не раскататься. Будет

тут мне всякая сопля указывать, – добавил он чуть слышно и сделал такое лицо, будто собирался сплунуть на сверкающий дубовый паркет, однако сдержался.

– Ваш сотрудник капитан Смачный оскорбляет меня. Это, между прочим, тоже статья.

– Ксения Михайловна, – покачал головой тот, что был в форме, – вы же умная девушка, вас тут никто не оскорблял. Вот мы двое – свидетели, никаких оскорблений со стороны капитана Смачного в ваш адрес не было. Просто вызов показался нам странным. В квартире никаких следов взлома, грабежа, вы живы, здоровы, ребенок тоже. Знаете, сколько у нас бывает всяких ложных вызовов, когда людям кажется, что кто-то на них покушался, а потом выясняется, что все померещилось, или того хуже... Ладно, давайте успокоимся и не будем скандалить.

– Я не собиралась с вами скандалить. Я всего лишь вызвала милицию, когда на меня напали. Это что, преступление? Между прочим, если бы вы приехали по вызову сразу, а не через полтора часа, вы бы его наверняка поймали.

– Ксения Михайловна, – сладким голосом пропел молодой в штатском, – давайте-ка успокоимся. Лучше скажите, когда приедет ваш муж в Москву?

– Не знаю, – буркнула Ксюша.

– А чего так? Поссорились?

– Нет. Просто не знаю, и все.

– На даче есть телефон?

– Есть. А что?

– А то, что надо бы мужу вашему позвонить.

– Не надо! Он болен! Он там работает, статью пишет, его нельзя беспокоить.

– Так болен или работает? – Молодой в штатском прищурился и склонил голову набок. – Извините, Ксения Михайловна, но ситуация действительно кажется странной. У вас с мужем, как мы поняли, сложные отношения, со свекровью, наверное, тоже. Может, вы просто пытаетесь свести с ними счеты?

«Может, им взятку дать? – с тоской подумала Ксюша. – Но, во-первых, если дать, то сколько? А во-вторых, вдруг окажется мало и они меня вообще арестуют. Кстати, они с большим удовольствием это сделают. Господи, ну что за бред, в самом деле? Я не преступница, я ни в чем не виновата, по какому праву они со мной так разговаривают?»

– Значит, вы, господа милиционеры, не собираетесь искать преступника? Вам было бы удобней, чтобы я все выдумала? Ладно, пусть это останется на вашей совести. Спасибо вам большое, что приехали. И за совет спасибо. Я обязательно скажу свекрови, чтобы она наняла вооруженную охрану. Всего доброго, – она осторожно поднялась, – можете не беспокоиться, жаловаться я никому не буду.

Несколько секунд было тихо. Ксюша стояла посреди комнаты с ребенком на руках. Трое милиционеров сидели в креслах и молча на нее смотрели. И тут она все-таки сорвалась, слезы сами собой брызнули из глаз, она уткнулась лицом в Машино одеяльце и сдавленно

пробормотала:

- Уйдите, пожалуйста, очень вас прошу.

Они поднялись как по команде, направились в прихожую, не говоря ни слова. Когда дверь за ними захлопнулась, Ксюша как следует наплакалась, успокоилась, легла спать, положив Машу рядом с собой. Спали оно долго, до двух часов дня, и проснулись от настойчивого звонка в дверь.

А трое милиционеров молча спустились в лифте, вышли на улицу, и только когда сели в машину, один из них заговорил.

- И чего ты на несчастную девку набросился? - спросил капитана Смачного старший лейтенант Прохоров, тот, что был в форме. - Все-таки молодая мамаша, к тому же кормящая. Может, она и не врала.

- Может, и не врала, - кивнул Смачный, - просто я таких, богатеньких-умненьких, в принципе ненавижу, по жизни.

Глава двадцать вторая

Варя Богданова позвонила Бородину в начале второго ночи.

- Записывайте адрес, - сказала она, извинившись за поздний звонок.

Адрес оказался московским. Продолжая разговаривать, Илья Никитич открыл ящик, достал список детских учреждений, которые были уже проверены оперативниками, пробежал его глазами и тут же обнаружил адрес интерната для детей-сирот с задержкой развития, названный Варей.

- Что, только этот?

- Ну, я узнала только про этот. Он туда несколько компьютеров купил, отправил машину игрушек и сладостей. Интересно, зачем детям с задержкой развития компьютеры?

- Больше никакой информации?

- Да вроде нет.

- Слышу сомнение в голосе.

- Это усталость, Илья Никитич. Зевота скулы сводит.

- Ну да, тебе сейчас надо спать побольше.

- Ага. Спокойной ночи.

- Подожди, не вешай трубку. Может, ты мне расскажешь, почему так напряглась, когда я спросил тебя о фирме «Галатей»?

- Может, и расскажу. Но не по телефону.

- Что, боишься, нас слушают? - усмехнулся Илья Никитич.
- Нет. Просто пока не решила, надо ли.
- Долго собираешься решать?
- Не знаю, Илья Никитич. Да что вы привязались к этой «Галатее»?
- Именно из-за твоей странной реакции, Варюша. Если бы ты сразу спокойно мне все объяснила, я не стал бы сейчас тебя изводить вопросами. Но ты испугалась, побледнела, замяла разговор. Я ведь хорошо тебя знаю, девочка. Ты отличная актриса, и если уж тебе не удастся скрыть свои эмоции, значит, они тебя переполняют. Вот мне и стало любопытно, почему название антикварной фирмы вызвало столько эмоций.
- Просто не хотела вам голову забивать ненужной информацией, вы ведь маньяка ищете. При чем здесь антиквариат?
- Антиквариат, может, и правда ни при чем. Но вот Галина Семеновна Солодкина, а так же сын ее, Олег Васильевич, меня очень интересуют, как ни странно, именно в связи с маньяком.
- Ничего себе. - Варя тихо присвистнула в трубку, несколько секунд молчала и вдруг произнесла шальным, чуть хриплым голосом: - Знаете что, надо срочно встретиться. Это действительно нетелефонный разговор.
- Хорошо, Варюша. Говори, где, когда. Я готов.
- Прямо сейчас слабо? - весело выпалила она. - Хотите, заеду за вами? У меня все равно бессонница, а Мальцева нет в Москве.
- Бессонница, говоришь? - хмыкнул Бородин. - Очень вредно в твоем положении. Должна спать как сурок. Между прочим, минуту назад ты сказала, что тебе зевота скулы сводит.
- Соврала.
- Зачем?
- Ну, я же не могу сразу избавиться от всех вредных привычек. Курить бросила, крепкий кофе не пью. Осталось только вранье. Но в моей ситуации это уже не привычка, скорее инстинкт самосохранения.
- И все-таки зачем ты соврала, Варюша? И почему ты так быстро меняешь свои решения? Ты ведь очень не хотела рассказывать мне о «Галатее», а теперь вдруг невтерпеж, готова мчаться ночью.
- Ох, вы и зануда, господин следователь. Могу и не мчаться. Это ведь надо вам, а не мне. Так заезжать или нет?
- Опять в ресторан пригласишь?
- Это как скажете. Хотите, приглашу.
- Нет уж. Лучше мы с тобой скромненько в машине посидим.
- А может, у вас на кухне? Все-таки уютней.

- Ну да, конечно, - растерянно промычал Бородин.

- Отлично. Буду через полчаса. - Раздались частые гудки, Илья Никитич застыл с трубкой в руках.

Варя не спросила адрес. Она не могла его знать. Он надеялся, что спохватится, перезвонит по мобильному, из машины. Но время шло, а телефон молчал. Бородин сел за чистый кухонный стол, схватил первую попавшуюся газету, принялся сосредоточенно читать какой-то бред об энергетических вампирах.

«Как она узнала адрес? - думал Илья Никитич, скользя глазами по газетным строкам. - Зачем он ей мог понадобиться? И почему не сочла нужным скрыть это? Просто не подумала? Не успела сообразить?»

Варя Богданова соображала ясно и быстро, сначала думала, потом говорила, а не наоборот. Она была очень эмоциональна, но не шла на поводу у своих эмоций. Если принимала решение, то почти никогда его не меняла. Если врала, то всегда понимала зачем и потом не путалась в своем вранье. Бородин знал ее пять лет. Она проходила потерпевшей по делу сексуального маньяка Тенаяна, которое вел Илья Никитич.

Тенаян знакомился на улице с несовершеннолетними девочками, представлялся кинорежиссером, предлагал сниматься в кино, приглашал к себе домой для фотопроб, добавлял снотворное в кофе, держал у себя несколько дней, насиловал, развлекался, как хотел. Потом, пресытившись, увозил очередную жертву, напичканную психотропными лекарствами, куда-нибудь подальше от своего дома и оставлял умирать. Варя Богданова чудом уцелела, сумела запомнить, где находится квартира, и привела туда оперативников. Маньяк был взят с поличным.

Единственная свидетельница, семнадцатилетняя Варя, держалась на суде удивительно спокойно и мужественно, четко, без всяких эмоций давала показания. Потом, когда за ней начали охотиться «желтые» журналисты, она пыталась покончить с собой, бросилась в ледяную Москву-реку, но по счастливой случайности была спасена капитаном милиции, влюбилась в своего спасителя и прожила с ним примерно год.

Капитан, существо жестокое и ничтожное, находился в подчинении у матерого рецидивиста, вора в законе по кличке Пныря. В один прекрасный день вор увидел Варю у капитана дома и решил использовать синеглазую красавицу для собственных нужд. А главной его нуждой на тот момент была коллекция ювелирного антиквариата, принадлежавшая влиятельному чиновнику, заместителю министра финансов Дмитрию Владимировичу Мальцеву.

Вор не собирался просто грабить заместителя министра. Это было сложно, рискованно, а главное, неразумно. Коллекция постоянно пополнялась новыми экспонатами, один другого дороже и прекрасней. Вор решил внедрить в близкое окружение Мальцева своего человека, и лучшей кандидатурой оказалась Варя.

Капитан вору не возражал, Варю напомнил, что однажды он спас ей жизнь, вытащив из ледяной воды, и теперь она обязана отплатить ему тем же, купил ей дорогих шмоток, на своей машине отвез в подмосковный дом отдыха и показал по карте, по какому маршруту она должна бегать каждое утро, чтобы встретиться с Мальцевым, заядлым бегуном.

Чиновник к тому времени как раз расстался со своей второй женой и жил один. Ему стукнуло пятьдесят шесть, но держался он молодцом, был крепок, энергичен. Встретив однажды утром в лесу юную красавицу с ярко-синими глазами и черными, блестящими, как тяжелый шелк,

волосами, он не заподозрил ничего дурного.

С тех пор прошло три с половиной года. Дмитрий Владимирович женился на Варе, любил ее без памяти, баловал, ни в чем ей не отказывал. Варя вначале едва терпела нежности Мальцева, но не заметила, как расчет и брезгливость смягчились и растаяли без следа. Она привыкла к Мальцеву, благодарность переросла в привязанность. Возможно, она даже любила его по-своему и вполне могла бы стать счастливой, жить в свое удовольствие, если бы ей не приходилось общаться со старым вором Пнырей и докладывать ему подробно о Мальцеве абсолютно все. Для вора влиятельный чиновник был чем-то вроде фарфоровой свиньи-копилки. Варя знала, как только вор решит, что копилка полна, он разобьет ее.

К счастью, вор не торопился. Он считал коллекцию своей собственностью, не сомневался, что никуда эти сокровища не денутся, время работает на него, и пусть пока заместитель министра тащит в свой сейф бесценные экспонаты, зачем спешить? Все держалось на жадности старого вора – жизнь Дмитрия Владимировича, Варина жизнь. Был у Мальцева еще и родной брат, Павел Владимирович, доктор искусствоведения, такой же фанатик ювелирного антиквариата, и само собой разумелось, что он тоже не останется в живых, когда Пныря сочтет нужным забрать коллекцию себе.

Могло пройти еще несколько лет, и кто знает, возможно, Пныря просто скончается прежде, чем решит присвоить коллекцию. В глубине души Варя надеялась именно на такой исход. Однако катастрофа могла произойти значительно раньше. Если бы Мальцев узнал, какие функции на самом деле выполняет при нем красавица жена, он, конечно, моментально расстался бы с ней. Но это еще полбеды. Пныря не прощал провалов, и как только человек переставал быть ему полезен, он исчезал.

Пныря был одинок, как и положено вору старой формации, своих детей не имел, к старости стал сентиментальным и к умной, красивой, обаятельной Варе испытывал почти отцовские чувства. Это только усугубляло опасность. Было доподлинно известно, что наиболее жестоко Пныря расправлялся с теми, кому доверял, и провалы в работе воспринимает как личное предательство.

Именно на этот крючок и подцепил Варю следователь Бородин. Сделал он это потому, что на Вариней совести была смерть двух человек и никаких доказательств ее причастности не имелось. Варя никого не убивала, просто навела бандитов на старого полубезумного ювелира и его жену. В результате пожилая пара погибла, а огромный бесценный бриллиант, за которым охотились многие, рискуя жизнью и свободой, оказался в руках Пныри.

Сейчас Варе было двадцать два. Она училась в Университете искусств, жила с Мальцевым в его огромном загородном доме, и, глядя на нее, невозможно было представить, что она вынуждена стучать бандиту Пныре на своего мужа, а следователю Бородину на бандита Пнырю.

Империя Пныри была обширна, связи опутывали практически весь уголовный мир, и благодаря Варе Илья Никитич узнавал много интересного.

«И все-таки, откуда у девчонки мой адрес? – раздраженно спросил себя Бородин, переворачивая газетную страницу. – При всем ее очаровании не надо забывать, кто она и с кем общается. Нельзя расслабляться. Адрес – это нехорошо. Разумеется, можно узнать по телефонному номеру, через компьютер, но зачем?»

В коридоре послышались шаги, Илья Никитич вздрогнул. В кухню заглянула мама, потерла сонные глаза, зевнула и спросила:

- Илюша, ты почему не спишь?
- Жду.
- Кого?
- Одного человека. Иди, мамочка, ложись.
- Два часа ночи, Илюша. Какого человека? Женщину?
- Да. Молодую и красивую.
- Так я оденусь, приготовлю что-нибудь, - заволновалась Лидия Николаевна. - Ой, а ты почему в таком виде? Это неприлично, Илюша. Сейчас же переоденься!

Илья Никитич был в старых, истертых до белизны широченных джинсах, которые держались на резиновых подтяжках, в линялой синей футболке и шлепанцах на босу ногу.

- Мама, иди спать, пожалуйста. Это вовсе не то, что ты думаешь. Ко мне придет человек по работе. Ты, между прочим, ее знаешь. Варя Богданова.

- Варя? - Лидия Николаевна округлила глаза. - А какое отношение она имеет к твоим восемнадцати ножевым?

- Мамочка, я прошу тебя! - взмолился Илья Никитич.

- Ну, я должна с ней хотя бы поздороваться. Я сейчас, одну минуточку.

Когда-то Лидия Николаевна вместе с сыном навещала в больнице бедную девочку, жертву маньяка, потом встретила с Варей в Университете искусств, куда ее приглашали каждый год читать лекции по русскому портрету конца XIX века. Она знала, что Варя стала женой заместителя министра, но все равно продолжала считать ее бедной девочкой, едва не убитой маньяком, доведенной до самоубийства подонками «желтыми» репортерами, а потому относилась к ней с симпатией и состраданием.

- Неужели девочка опять вляпалась в какую-нибудь гадость? - спросила Лидия Николаевна, вернувшись на кухню через несколько минут в домашнем платье, причесанная и умытая. Илья Никитич неопределенно хмыкнул в ответ. Лидия Николаевна села рядом с ним на лавку, заглянула в газету и громко прочитала:

- «Домашним животным категорически нельзя находиться в комнате, где человек спит, потому что у кошек и собак облегченный контакт с темными сущностями и вокруг них всегда витает какая-нибудь нечисть. Темные сущности могут перейти на людей, принося им болезни и несчастья».

Она покачала головой, тяжело вздохнула, выразительно поджала губы, но ничего не сказала, встала, открыла буфет, вытасила вазочку с шоколадным печеньем, включила электрический чайник, и в этот момент зазвонил домофон.

- Мама, ты не помнишь, ты случайно не давала Варе наш адрес? - быстро спросил Илья Никитич.

- Да, конечно.

- Зачем?

- Что значит - зачем? Она попросила, я дала.

- В связи с чем она тебя об этом попросила? Но Лидия Николаевна уже сняла трубку домофона и громко произнесла:

- Да, Варюша, заходи.

Вернувшись в кухню, она ополоснула кипятком заварной чайник, посмотрела на сына:

- Ты, Илюша, стал слишком мнительным, очень тебя прошу, читай поменьше этой дряни, - она кивнула на газету. - Варя Богданова тебе присылала открытку с поздравлением в день рождения. Забыл?

Раздался звонок в дверь, Бородин пошел открывать.

- Ой, какой вы смешной! - воскликнула Варя, переступив порог. - На Карлсона похожи в этих подтяжках. Здравствуйте!

Лидия Николаевна с ней расцеловалась, сказала, что выглядит она великолепно, налила чаю всем, кроме себя, и отправилась спать.

- Галина Семеновна Солодкина - очень интересная женщина, - задумчиво произнесла Варя, когда они остались вдвоем, - по большому счету, я должна сказать ей спасибо. Если бы не она, я до сих пор ни о чем бы не догадывалась. Черт, курить хочу. У вас, конечно, нет сигарет?

- Конечно, нет. Вот, конфетку возьми. Говорят, помогает. - Бородин пододвинул ей вазочку с карамелью.

- Спасибо. Сладкого не люблю. Да, Солодкина для меня вроде желтого света на светофоре. Я действительно ей искренне благодарна, хотя, конечно, моя благодарность ей на фиг не нужна. Илья Никитич, скажите честно, у вас что-то есть на эту даму? Она как-то связана со зверским убийством?

- Пока не знаю. Если связана, то весьма косвенно.

- Жаль. Было бы отлично. Нет, я понимаю, сама она никого пальцем не тронула, но заказать могла, очень даже могла.

Илья Никитич заметил, как сузились у Вари зрачки, как побелели губы. Она откинула волосы со лба, глотнула чаю и несколько секунд молчала, опустив ресницы, крутила в руке свой африканский амулет.

- Между прочим, ее подарок, - она подкинула на ладони короткие бусы из крупных прозрачных камней, розовых, сиреневых, голубых, зеленых, - красивая штучка, да?

- Что за камни? - спросил Бородин, взяв у нее амулет.

- Аметист, халцедон, оникс. Галина Семеновна думает, что я сплю со стариком, а потому хочет со мной дружить. Между прочим, это неплохо, что она так думает. Я не стала ее разубеждать.

- Погоди, Варюша, давай-ка по порядку. Во-первых, как и когда ты с ней познакомилась?

- В мае, в Сочи.

- Ты была на юбилее? - Илью Никитича даже бросило в жар. - Почему ничего не рассказала?

- Вы и так знаете, - усмехнулась Варя, - думаете, я знаю больше?

В мае в Сочи произошло событие, о котором до сих пор говорили во всех структурах, в МВД, Прокуратуре и ФСБ. Вору Пныре стукнуло семьдесят, юбилей праздновался в Сочи ровно неделю, на него съехались самые знатные уголовники России и ближнего зарубежья. Сказочная роскошь банкетов, возвышенные хвалебные тосты, озера коньяка и шампанского, горы икры, огромные осетры, молочные поросята, накачанные, вооруженные до зубов, несокрушимые, как скалы, охранники, обилие «Мерседесов», джипов, красоток всех мастей, бурные потоки лести, все это окончательно вскружило голову старому вору. Он ощутил себя бессмертным, а потому потерял бдительность.

По рекомендации Пныри на юбилейных торжествах должны были короновать молодого перспективного уголовника по кличке Жмака. Церемония была уже закончена, когда один из присутствующих, пожилой дальневосточный авторитет Гера Курильский получил информацию по своему мобильному телефону, что Жмака на зоне опустили.

По законам уголовного мира с опущенным нельзя сидеть за одним столом, к нему даже прикасаться нельзя, чтобы не стать таким же, как он. А тут - коронация, самая ответственная в уголовной жизни процедура. То есть получалось, что сорок три известнейших, авторитетнейших вора в один миг добровольно самих себя опустили.

Подобные позорные скандалы случаются редко и надолго остаются в памяти честной братвы. И хотя все понимали, что старый Пныря не виноват, но случилось все на его празднике и по его рекомендации.

- Я там не был, - покачал головой Илья Никитич, - поэтому ты, конечно, знаешь значительно больше.

- Вы что, думаете, я была на коронации? - Варя засмеялась. - Старик меня, конечно, любит, но не до такой степени.

- Нет, Варюша, я человек грамотный и прекрасно знаю, что посторонние, а тем паче женщины к таинству коронации не допускаются. Но ты была рядом с Пнырей до и после, ты присутствовала при разговорах. Кстати, Мальцев знает?

- Издеваетесь? - усмехнулась Варя. - Я просто поехала в Сочи на майские праздники, я ведь очень напряженно учусь, мне надо иногда отдыхать. Конечно, он знал из газет, что там происходило в это время, но при чем здесь я? Смешно, в самом деле! Честно говоря, не понимаю, зачем я старику там понадобилась? Но знаете, в последнее время он просто жить без меня не может. Говорит, энергетика у меня очень хорошая, полезная для его здоровья. У него ведь теперь все люди делятся на плохих и хороших по энергетическому принципу. Доноры и вампиры. Как увидит человека, сразу начинает принимать, приглядываться к его ауре. А потом ставит диагноз: тянет или не тянет.

- Я там не был, - покачал головой Илья Никитич, - поэтому ты, конечно, знаешь значительно больше.

- Вы что, думаете, я была на коронации? - Варя засмеялась. - Старик меня, конечно, любит, но

не до такой степени.

- Нет, Варюша, я человек грамотный и прекрасно знаю, что посторонние, а тем паче женщины к таинству коронации не допускаются. Но ты была рядом с Пнырей до и после, ты присутствовала при разговорах. Кстати, Мальцев знает?

- Издеваетесь? - усмехнулась Варя. - Я просто поехала в Сочи на майские праздники, я ведь очень напряженно учусь, мне надо иногда отдыхать. Конечно, он знал из газет, что там происходило в это время, но при чем здесь я? Смешно, в самом деле! Честно говоря, не понимаю, зачем я старику там понадобилась? Но знаете, в последнее время он просто жить без меня не может. Говорит, энергетика у меня очень хорошая, полезная для его здоровья. У него ведь теперь все люди делятся на плохих и хороших по энергетическому принципу. Доноры и вампиры. Как увидит человека, сразу начинает приноживаться, приглядываться к его ауре. А потом ставит диагноз: тянет или не тянет.

- Что?

- Энергию.

- Варя, ты серьезно? - спросил Бородин, внимательно вглядываясь в ее лицо. - Я, честно говоря, не всегда понимаю, когда ты шутишь, когда нет.

- Совершенно серьезно, Илья Никитич. Он почти сошел с ума. С одной стороны, церковь, батюшки, бабульки богомольные - лучшие подружки, с другой - экстрасенсорика, парапсихология. Раньше он и слов таких не знал, а теперь вот просветили. - Она зло прищурилась. - Между прочим, отличный способ манипулировать человеком. А я, дура такая, не сразу сообразила, в чем дело, только когда с Солодкиной познакомилась.

- Кто же его просветил? - тихо спросил Бородин.

- Петюня. Петр Петрович. Начальник охраны. Он, видите ли, теперь у нас отвечает еще и за энергетическую безопасность. Он привел к нему Солодкину. Знаете, в каком качестве? Ни за что не догадаетесь...

- Подожди, - перебил ее Бородин, - но ведь фирма «Галатее» и так принадлежала Пныре, они должны быть знакомы давно.

- А сейчас познакомились ближе. Петюня нашептал ему, что мадам - эксперт по энергетике драгоценных камней.

- Он знает о коллекции?

- Естественно! Он не просто знает, он ее хочет как женщину. Он сохнет по ней, с ума сходит. - Варя криво усмехнулась. - А Галина Семеновна Солодкина - большой специалист по вывозу антиквариата за рубеж, у нее связи в Министерстве культуры. Понимаете, почему они теперь так нежно дружат?

- Варюша, ты не преувеличиваешь?

- Если бы. - Она печально усмехнулась. - Я ведь вам не сказала самого главного. Все не решаюсь.

- Я уже понял, Варюша. Ты не решаешься сказать, что именно Петюня устроил комедию в

Сочи, чтобы подставить Пнырю? У тебя есть факты или это только твои предположения?

Варя долго молчала, продолжая крутить в руках амулет, пауза затянулась, и Бородин заметил, что глаза у нее совершенно мокрые. Такого он никогда не видел и не мог представить, чтобы Варя, сильная, жесткая, бесстрашная Варя плакала.

- Ты есть хочешь? - спросил Илья Никитич, встал и открыл холодильник. - На меня, например, ночью всегда жор находит. Днем сижу на диете, а ночью очень кушать хочется. Варюша, ну в чем дело?

- Вы поешьте, я не хочу. - Она всхлинула. - Простите, Илья Никитич. Никогда не была истеричкой. Самой противно. Понимаете, я случайно услышала, как Петюня договаривался с человеком, который позвонил Курильскому. Так получилось. Пошла купаться ночью, заплывла к дикому пляжу, а у них там как раз была встреча. Этот Жмака - он на самом деле никакой не опущенный. Петюня заключил взаимовыгодную сделку с человеком, которому мешал Жмака. Вы ведь знаете, его потом убили, прямо там, в Сочи.

- Они тебя видели?

- Я забыла на берегу гостиничное полотенце, а утром Петюня принес мне его в номер. Я, конечно, сказала, что не мое.

- Ну хорошо, а если ты попытаешься все рассказать Пныре?

- Он доверяет Петюне как самому себе. Первым делом он вызовет его для выяснений, а после этого я не проживу и дня. Я могла бы действовать, если бы мне не было так страшно. Но знаете, беременность совершенно меняет характер. Становишься жутко уязвимой, и голова работает значительно хуже. Есть только один реальный вариант - скомпрометировать Петюню через Солодкину. Если окажется, что мадам реально связана с человеком, который нанес ни в чем не повинной женщине восемнадцать ножевых ранений и подставил больную девочку, старику вряд ли это понравится, учитывая его сегодняшние настроения. С этого я могу начать копать под Петюню.

- Слишком зыбко, Варюша, - покачал головой Илья Никитич, - знаешь, я, пожалуй, подогрею грибы с картошкой. - Он достал из холодильника сковородку, поставил на плиту. - Ты составь мне компанию, не люблю есть в одиночестве.

- Спасибо, - улыбнулась сквозь слезы Варя, - я понимаю, что все это слишком зыбко и неопределенно, но других вариантов у меня пока нет. Я ведь не могу просто сказать: «Пныря, миленький, твой начальник охраны сволочь, он хочет тебя тихо свести с ума». После истории со Жмакой многие стали говорить, что Пныря старый, у него едет крыша, и у многих осталась тяжелая обида. А иметь рядом обиженных воров в законе - это серьезно. Петюня хочет высосать из старика все, а потом незаметно убрать. Он не может просто убить, ему сначала надо ограбить, потом легально, торжественно занять место Пныри. Его интересуют банковские счета, связи, он положил глаз на коллекцию Мальцевых и уже договаривается с Солодкиной, как переправить ее за границу.

- Да, конечно, сказать ему прямо, что начальник охраны затеял переворот, ты не можешь, это слишком рискованно, - кивнул Бородин, - но разве что-то изменится, если Солодкина связана с убийством, которое я сейчас расследую? - Он порезал хлеб, соленые огурцы, поставил на стол две тарелки. - Конечно, не авокадо с креветками, но тоже ничего.

- Спасибо, Илья Никитич, как все-таки с вами уютно.

Несколько минут они ели молча. Варя успокоилась, щеки ее порозовели.

- Как только Петюня начнет заниматься коллекцией, он уберет Мальцева, и меня тоже. Вот это я знаю совершенно точно. А что касается Солодкиной - я просто надеюсь на чудо.

- Что тебе известно о ее сыне?

- Ему сорок, работает в каком-то навороченном молодежном журнале, женат на девочке девятнадцати лет, имеет дочь Машу трех месяцев. Солодкина обожает невестку и внучку, без конца о них рассказывает. А о сыне молчит.

- Думаешь, с ним какие-то проблемы?

- Уверена. Я пару раз спрашивала о нем, у нее стало другое лицо, другой голос, как будто туча набежала.

- Любопытно, - пробормотал Илья Никитич, - очень любопытно, какие там могут быть проблемы? Алкоголь? Наркотики? Психическое заболевание? Впрочем, ты, скорее всего, преувеличиваешь, Варюша. Вполне возможно, что невестка и внучка вызывают у нее восторг просто потому, что появились в ее жизни недавно. В самом деле, сыну сорок, и только сейчас она стала бабушкой. Наверное, долго ждала.

- Наверное, - рассеянно кивнула Варя, - скажите, а почему вас больше интересует семья Солодкиной, чем ее бизнес?

- Потому, что у меня есть странное чувство, что если эта дама либо ее сын каким-то образом связаны с убийством, то дело тут не в бизнесе. Знаешь что, попробуй при ней рассказать историю о восемнадцати ножевых ранениях и о больной девочке, которая призналась в убийстве своей тети. Скажи, что прочитала об этом в газете или видела по телевизору в криминальных новостях. И посмотри на реакцию.

- Я бы с удовольствием это сделала, - усмехнулась Варя, - но беда в том, что мадам сейчас отдыхает на юге Франции.

- Жаль... А с сыном и невесткой ты не знакома?

- Я же сказала, нет. А почему вы не можете просто послать к ним оперативников? Сын в Москве, насколько мне известно, невестка тоже. Пусть их допросят, и все дела.

- Во-первых, у меня нет достаточных оснований, во-вторых, боюсь спугнуть. Мне кажется, если они причастны, то очень серьезно. Либо вообще никакого отношения к этим убийствам не имеют. То есть все или ничего. Можно, конечно, прислать оперативника с какой-нибудь легендой, но это в любом случае будет для них совершенно посторонний человек. Вот если бы их прощупал кто-то свой...

- Вы сказали - к убийствам? Их несколько?

- Два. И одно покушение, причем на сотрудника милиции.

- Ох, как интересно. - Варя покачала головой, слезы высохли, глаза сухо, горячо заблестели. - Но тогда получается серия... Подождите, у меня есть идея! Солодкина хотела дать мне почитать какую-то книжку о религии вуду. Знаете, там в Сочи было казино «Вуду», на стенах жуткие африканские маски, огромные фотографии всяких шаманов и зомби. Мы с мадам

поспорили, я говорила, что все это ужас, а она стала меня убеждать, будто религия вуду очень светлая, чистая, гуманная и нельзя судить о том, чего не знаешь. Сказала, что у нее есть об этом замечательная, серьезная книжка. Так вот, мне вдруг приспичило срочно почитать серьезную книжку о вуду, я не могу ждать, когда она вернется, и позвоню ее сыну.

- А что, попробуй, - кивнул Бородин без всякого энтузиазма, - подожди, я сейчас. - Он вышел из кухни, вернулся, держа в руках небольшой плотный лист бумаги. - Вот, Варюша, возьми на всякий случай. Это словесный портрет предполагаемого преступника, сделанный пять лет назад. Говорят, оригинал не сильно изменился.

Глава двадцать третья

Звонок визжал у Ксюши в голове. Она с трудом разлепила веки. Маша спала рядом спокойно и крепко. Личико ее порозовело, голубизна вокруг губ пропала. Сквозь тонкий просвет между шторами бил ослепительный солнечный свет. Ксюша не могла понять, почему в голове у нее стоит настойчивый звон, сначала решила, что где-то рядом сам по себе включился невидимый будильник. Наконец до нее дошло, что звонят в дверь. Меньше всего ей хотелось видеть кого-либо. Она подумала, что явился Олег с дачи и сейчас последует неприятная сцена.

Осторожно, стараясь не разбудить ребенка, она выскользнула из постели, накинула халат, босиком отправилась в прихожую, прежде чем спросить, кто там, припала к дверному глазку, но ничего не увидела. Звонок между тем затих, вероятно, за дверью услышали Ксюшины шаги и шорох. Ксюша еще раз взглянула в глазок, пытаясь понять, почему он вдруг ослеп и на площадке стало темно.

«Жвачка! - догадалась она, вспомнив триллер, который совсем недавно смотрела. - Глазок снаружи залепили жвачкой, именно так делал серийный убийца Дик Биттоу, прежде чем позвонить в дверь очередной жертве».

Несколько минут Ксюша напряженно слушала тишину за дверью. «Конечно, это не Олег. Он бы сейчас грезвонил, орал и стучал. Ключ у него есть, если, конечно, не потерял или не украли... Дверь закрыта на задвижку, значит, мы дома... Это не Олег!»

Звонок опять взвизгнул, и Ксюшу затрясло. Она отскочила от двери, обрушив старинную напольную вазу, к счастью, бронзовую. Звонок орал, как живой. Чей-то хамский палец давил кнопку изо всех сил. Ксюша зажала рот ладонью, звон не прекращался, казалось, от него сейчас не только лопнут перепонки, но взорвется дом. Ваза с колокольным гулом медленно покатила по коридору.

- Откройте, милиция! - рявкнул за дверью мужской голос.

Ксюша вздохнула с облегчением.

«Они осознали свою ошибку и вернулись!» - радостно подумала она и уже протянула руку к дверной задвижке, но вдруг совершенно неожиданно для себя крикнула:

- Пожалуйста, отлепите жвачку от дверного глазка и покажите ваше удостоверение!

Несколько секунд было тихо, потом за дверью выругались и сказали громко:

- Гражданка Солодкина, прекрати хулиганить, мать твою, сейчас же открой дверь.

- Не открою! Как ваша фамилия?

- Майор Кузнецов!

- Ого, даже майор. А может, сразу полковник? Не велика ли честь для меня? Ладно, господин генерал, подождите пять минут. Я позвоню в отделение, выясню, кто вы такой. И между прочим, нечего мне тыкать.

За дверью опять выматерились, но уже выразительней и длинней. Палец вмял кнопку звонка, а невидимая тяжелая нога принялась колотить в железную дверь.

- Открывай, сука!

- Все, я звоню в милицию! - выпалила Ксюша, и ей показалось, что из горла вместе с криком выпрыгнуло сердце. - Тебя все равно поймают, ты ублюдок! Иди отсюда!

В ответ послышалась жуткая, какая-то запредельная брань, с матом и проклятиями. Осталось только сесть на пол и зажать уши. «Что теперь? Опять звонить в милицию? - Перед ней тут же возникло сонное опухшее лицо капитана Смачного, его брезгливый, мерзкий, полный ненависти взгляд. - Нет, не буду я им звонить. Все равно не помогут. Пока доедут, он уйдет, и опять не будет никаких доказательств, кроме жвачки на глазке, опять они скажут, будто я либо сумасшедшая, либо сама все подстроила. Надо позвонить соседям, вдруг кто-нибудь дома? Если да, то они должны услышать его вопли, увидеть его через свои дверные глазки. Он ведь не мог залепить все на лестничной площадке. Пусть они сообщат в милицию, им поверят...»

Ксюша кинулась в кухню, где лежала толстая телефонная книжка с номерами всех соседей по лестничной площадке, принялась листать, поняла, что фамилий не знает, только имена и отчества. За дверью между тем стало тихо.

«Ушел?» - насторожилась Ксюша, механически проглядывая плотно исписанные страницы. И в этот момент зазвонил телефон. Она подпрыгнула от неожиданности и схватила трубку.

- Доброе утро, - произнес спокойный низкий женский голос, - скажите, пожалуйста, Галина Семеновна еще не вернулась из Франции?

- Нет. Она вернется через пять дней, в следующую среду.

- Правда? Мне казалось, что раньше. А вы Ксения?

- Да.

- Очень приятно. Меня зовут Варвара, вы меня не знаете, но Галина Семеновна мне много рассказывала о вас и Машеньке. А где Олег? Как у него дела?

- Он на даче. У него все нормально. Спасибо.

- Скажите, вы сегодня будете дома?

- Я... да, конечно, а что?

- Понимаете, Галина Семеновна перед отъездом обещала дать мне почитать одну книгу, но мы не успели встретиться. Сейчас мне очень нужна эта книга, и если вы не против, я заеду.

- Да... то есть, я не знаю... а какая книга? Как называется?

- «Тайны вуду», автора, честно говоря, не помню.

От звука нормального человеческого голоса Ксюша немного успокоилась, но все равно соображала плохо.

- Я сейчас посмотрю, подождите одну минуточку, - ответила она и направилась с трубкой в кабинет Галины Семеновны, стала просматривать книжные полки. Книг было много, но они стояли в строгом порядке, и долго искать не пришлось. Отдельную полку занимала литература по оккультизму, парапсихологии, астрологии. Галина Семеновна очень этим увлекалась. Именно там и заметила Ксюша тонкий красный корешок с черными изломанными буквами «Тайны вуду».

- Да, есть, - выдохнула она в трубку, - приходите. Вы знаете адрес?

- Конечно. Я буду через полчаса.

Положив трубку, Ксюша на цыпочках подкралась к двери. Там было все так же тихо. Если убийца и ушел, он непременно вернется. В дверь звонить не станет. Вероятнее всего, он подкараулит ее где-нибудь во дворе и тогда уж непременно убьет.

«Господи, ну за что? - простионала она про себя и почувствовала очередной спазм в горле. - Сейчас опять у меня начнется истерика. Я буду рыдать, бесконечно, до обморока, я стану полнейшей идиоткой, и рано или поздно, чтобы успокоиться, вмажусь за компанию с Олегом».

В голове у нее образовалась полная каша. Она была совершенно убеждена, что некий человек явился ночью в квартиру исключительно для того, чтобы ее убить. То, что он пришел во второй раз, только подтверждало его намерения. О его мотивах она не думала. Она считала, что мотивы для убийства бывают в кино и книгах, потому что без этого неинтересно. А в жизни все совсем наоборот. Человек уничтожает другого просто так, словами, поступками, равнодушием, выстрелом из пистолета, ударом ножа, ядом. В конце концов, какая разница? Наташка Трацук с ее правдой в глаза, Митя с его убийственным пренебрежением, Олег с его дрожащим шприцем, девки-близняшки с их глумливыми шуточками, милицейский капитан с его хамским пофигизмом и оскорбительными подозрениями, все они действовали по принципу: «Я хочу, чтобы тебя не было». А почему - разве важно? Вряд ли кто-то из них мог бы самому себе четко объяснить, чем им мешает маленькая, худенькая, молчаливая Ксюша, которая никого не трогала, никому не делала зла. Так почему же надо искать мотивы у этого белобрысого с пистолетом? «Я хочу, чтобы тебя не было». Вполне достаточный мотив.

Вкрадчивый голосок нашептывал, не на ушко, а прямо в душу, что все ее ненавидят, просто так, потому что у нее такая судьба, и белобрысый с пистолетом - лишь логическое разрешение ненависти.

«Мания преследования, бред самоуничтожения, свеженький, крепенький психоз, все как по учебнику, - думала Ксюша, бесцельно разгуливая по квартире, - бедная Машенька, у нее сумасшедшая мама. Я, разумеется, все это заслужила, поскольку вышла замуж за человека, который мне противен, соврала, что ребенок - его, и теперь пользуюсь благами, на которые не имею никаких прав. Покупаю себе шмотки „от Кутюр“, жру клубнику со сливками. И нет, чтобы расслабиться, получать от всего этого удовольствие. Я гнусно, скучно рефлексирую, сгораю от стыда. Я сама себя загнала в ловушку. Но Маша ни в чем не виновата...»

В гостиной хрипло забили настенные часы, Ксюша вспомнила, что сейчас к ней придет какая-

то Варвара за книжкой и, пока спит ребенок, надо быстро принять душ, привести себя в порядок. Оказавшись в ванной, она вздрогнула. В зеркале ей померещилось мокрое, аккуратно вылепленное лицо, сощуренные глаза. Она вдруг подумала, что лица этого почти не запомнила, если бы потребовался словесный портрет, она вряд ли была бы полезна. Только общий облик, синие джинсы, белые кроссовки, светлые, остриженные ежиком волосы. У нее перед глазами стоял зловещий туманный образ, воплощение зла и ненависти. Голова раскалывалась, как при тяжелом похмелье.

Она скинула халат, залезла под душ. Стало немного лучше. Если выпить крепкого сладкого чая с молоком и что-нибудь съесть, будет совсем хорошо.

«Нельзя так раскисать! – строго сказала себе Ксюша. – Он не тебя пришел убить, ты ему на фиг не нужна. Как он мог узнать, что ты удерешь с дачи в Москву? Сама ведь сказала милиционерам, что он думал, будто в квартире никого нет. Тогда хоть что-то соображала, а теперь совсем свихнулась. Все просто. Он влез в квартиру, чтобы своровать что-то конкретное у Галины Семеновны. Это связано с ее бизнесом. Я ему помешала, он разозлился, сорвался, стал размахивать пистолетом, потом явился опять. Это, вероятно, очень неправильно с его стороны. Это не логика, а нервы. Он сорвался, а не я. Со мной все нормально».

Ксюша растерлась полотенцем, подняла с пола халат и вдруг заметила под раковиной какой-то узкий черный предмет. Она взяла в руки, повертела и не сразу поняла, что это.

– Ваня, если ты сейчас скажешь, что в туалетном бачке в квартире невесты Фердинанда вы не нашли нож с ромбовидным лезвием, завернутый в несколько слоев полиэтилена, я заставлю тебя съесть весь морковный салат. – Илья Никитич крутанулся в кресле, извлек пластиковую банку и поставил ее на стол перед капитаном Косицким. – И еще, Ваня, я навсегда запрещаю тебе курить в моем кабинете. Ну, где орудие убийства?

– Не смешно, – мрачно помотал головой Иван и принялся разминать сигарету, – салат я, положим, могу съесть, хотя меня от морковки воротит. И курить могу уйти в коридор. Но обыск мы все-таки провели не зря.

– Ешь! – злорадно ухмыльнулся Бородин, снял крышку и сунул капитану в руку пластиковую вилку. – Это чрезвычайно полезно для здоровья. Каротин улучшает зрение, укрепляет зубы и повышает иммунитет. Приятного аппетита.

– Илья Никитич, может, вы сначала меня послушаете? – Иван с отвращением покосился на морковку. – Вы ведь думаете, что обыск не дал ничего, вообще ничего. А это не так.

– Неужели наркотики? – Бородин всплеснул руками. – Или мешок тротила?

Иван щелкнул зажигалкой, глубоко затянулся и произнес очень медленно, по слогам:

– Кар-точ-ки.

– Что, прости? – Илья Никитич склонил голову набок.

– Визитные карточки, с французским именем, парижским адресом.

– Ага, ясно. Фердинанд – французский шпион, – прошептал Бородин и тихо присвистнул: – Да, Ванюша, молодец, поздравляю. Надо срочно звонить в ФСБ. У меня там есть хороший знакомый, подполковник Свиридов, он, правда, занимается борьбой с терроризмом, но тут

определенно может быть связь.

- Да, конечно, звучит смешно, но дело в том, что карточек этих пятьдесят штук. Одинаковых. Он заказал их, понимаете? Заказал для себя. Зачем? Чтобы выдать себя за французского корреспондента. Это слово я сумел разобрать, хотя учил немецкий. Почему именно пятьдесят? Потому что нельзя ведь заказать только три штуки. Ему, я уверен, нужна была всего одна. А знаете, как называется журнал, в котором работает корреспондент Пьер Жермон? - Капитан сделал паузу и торжественно произнес: - «Лез анфан»!

- То есть «Дети». - Илья Никитич поставил локти на стол, сплел пальцы и уложил на них подбородок. - А что, действительно существует такой журнал?

- Не важно. Как вы думаете, почему для шибзика тема интерната самая болезненная?

- Потому, что его обожаемая Лика мучилась раскаянием, отдав племянницу чужим людям. - Бородин пожал плечами. - Это как раз совершенно ясно.

- А мне не ясно. - Косицкий низко опустил голову и взглянул исподлобья. - Мне не ясно, Илья Никитич, почему вы не желаете понимать очевидных вещей. Допустим, мы с вами выяснили наконец адрес интерната. Что бы мы предприняли?

- Ну, для начала я бы тебя отправил по этому адресу с какой-нибудь легендой.

- Правильно, - кивнул Иван, - и какая легенда была бы оптимальной?

- Ну, не знаю. Корреспондент...

- Вот! - Косицкий поднял палец. - Однако мы с вами имеем возможность подстраховаться на случай проверки, а у Фердинанда такой возможности нет. Тетя Юка выучила его французскому. Он подрабатывает переводами, и вполне понятно, что ему пришло в голову представиться французским корреспондентом.

- Ну да, конечно, если не убийца, то хотя бы конкурент, - проворчал Илья Никитич, - Ваня, ну ты же сам говорил, он у нас умный. Неужели ты думаешь, он собирается сам покарать преступника? У него нет оружия, он слабый, нездоровый человек.

- Что касается оружия, мы с вами знаем: достать пушку сейчас совсем не сложно. А что касается ума, то в данном случае эмоции все-таки перевешивают. Смертной казни у нас пока нет. Знаете, если бы с женщиной, которую я любил, такое сделали, - Косицкий болезненно сморщился, - я... я мог бы, пожалуй, решиться. То есть, конечно, в последний момент я бы, вероятно, сдержался, но знаю совершенно точно: я бы не сидел сложа руки. Я бы по крайней мере искал. А уж если бы меня заподозрили в этом кошмаре... Надо допросить его еще раз.

- Он не скажет, - покачал головой Бородин, - ты, пожалуй, прав. Он собирается действовать самостоятельно. Он нервничал на допросе, однако упорно гнул свою линию, пытался косвенно убедить меня, что убийство связано с событиями десятилетней давности. И в общем это вполне логично. Что у нас есть в этом направлении? Журнал в доме убитой, тот самый, который передал ей в кафе Олег Солодкин. Десять лет назад его мать Галина Семеновна хлопотала об устройстве четырехлетней слабоумной девочки. То есть собственной внучки? Ну ладно, она не считала Люсю своей внучкой, ненавидела Ольгу. Сначала убила ее, потом пристроила ребенка?

- Да не убивала она. - Иван махнул рукой. - Я никогда не видел ни Ольгу, ни эту Солодкину.

Две женщины, молодая и пожилая. Если бы речь шла о пуле, яде, ноже, о машине, которая как бы случайно сбита на улице, тогда я бы поверил. Но представить, как одна женщина берет другую в охапку и выкидывает в окошко... Нет уж, извините, это похоже на недобросовестную детективную литературу.

- И все-таки так тоже иногда убивают, - неуверенно заметил Бородин. - Ольга была склонна к суицидальным демонстрациям. Допустим, между ними происходил напряженный, злобный разговор. Проще говоря, скандал. Ольга в истерике решила напугать, пригрозить, распахнула окно, встала на подоконник...

- А Солодкина ее подтолкнула? - Иван вскочил и принялся ходить по кабинету. - Ну да, пожалуй, возможно. Однако, если человек выпадает из окна, это сразу видно и слышно. Черного хода в доме нет. Как ей удалось уйти незамеченной? Ведь наверняка было следствие, опрашивали соседей. Неужели никто не видел Солодкину, не знал о встрече? Надо поднять архивные документы.

- Сядь, Ваня, не могу, когда ты ходишь, как маятник. Я уже просмотрел все, что осталось по тому суициду. Труп обнаружили в шесть часов утра тридцатого июня. По заключению эксперта, смерть наступила за пять часов до этого, то есть около часа. Ольга Коломеец находилась в квартире одна с ребенком. Мать и сестра ушли в гости. Был день рождения Ласточкиной Юлии Сергеевны. Они остались там ночевать, Ольга не пошла с ними потому, что у нее болело горло, накануне переела мороженого и потеряла голос. О том, что сестра и мать вернутся только утром, она знала. Ни с кем в тот вечер встречаться не собиралась, никого не ждала в гости. И соседи, как записано в протоколе, никого не видели. Наркотических веществ в крови не обнаружено.

- Ни крика, ни звука падения не слышали? - Иван все еще ходил по кабинету, но тут остановился, схватил электрический чайник, налил в стакан холодной кипяченой воды, выпил залпом.

- В протоколе написано, нет. Видишь ли, окно выходит в сторону бомжовского дома, там постоянно что-то происходило, к ночным воплям и грохоту соседи успели привыкнуть, к тому же летом многих не было в Москве. Ну что ты воду хлебашь? Включи чайник, давай лучше чайку выпьем. И сядь наконец, успокойся.

- Получается, он прав? - вздохнул Иван. - Там воды мало совсем, я налью. Получается, прав Фердинанд? - произнес он, открыв дверь. - Солодкина все-таки причастна к убийству, через десять лет Лилия окончательно убедилась в этом, решила действовать. Вот вам и встреча в кафе. Она косвенно предупредила Олега Солодкина. Официант сказал, она очень плохо говорила о его матери, а его жалела. Солодкин передал разговор мамаше, та моментально сообразила, в чем дело... Однако не могу поверить, что такая состоятельная умная дама наняла в киллеры сумасшедшего маньяка. И как она успела сделать это за сутки?

Он ушел с чайником, вернулся через минуту, бегом, и с порога выкрикнул:

- Она заранее была с ним знакома и знала, что он маньяк! Это оказалось кстати! Это инсценировка, вот что! - Он включил чайник, сел и закурил. - Теперь основной вопрос - где она такого откопала? Представляете, ручной маньяк, дрессированный. И при чем здесь нитки? Ну при чем, а?

- Знаешь что, Ваня, мы сейчас чайку выпьем и ты съездишь на дачу к Солодкину. Он наверняка там.

- Знаешь что, Ваня, мы сейчас чайку выпьем и ты съездишь на дачу к Солодкину. Он наверняка там.

- А Фердинанд?

- Я к нему наружку приставлю, исключительно ради твоего душевного спокойствия.

Глава двадцать четвертая

- Простите, вы не могли бы отлепить жвачку от дверного глазка? - произнес испуганный детский голос за дверью.

- Попробую, - ответила Варя, вытащила из сумочки бумажный носовой платок и принялась оттирать застывшую белую замазку. - Знаете, тут нужно спиртом или одеколоном, ладно, у меня, кажется, есть туалетная вода.

Возиться пришлось довольно долго. Варя слышала за дверью торопливые шаги, потом раздался детский плач. Молоденькая невестка Солодкиной стояла за запертой дверью с ребенком на руках и ждала. Наконец стеклышко глазка стало чистым, и через минуту защелкали замки. Варя увидела на пороге худенькое бледное существо в шортах и футболке с красивым трехмесячным младенцем на руках.

- Вы никого не заметили у подъезда? - спросила девочка быстрым свистящим шепотом, не поздоровавшись. - Да заходите же скорей, заходите. - Она на секунду высунула голову на площадку и тут же захлопнула дверь, заперла на все замки и на задвижку.

- А кого я должна была заметить?

- Нет, никого конкретно. Простите, я глупость спросила.

Полчаса назад, узнав, что Олег на даче, Варя подумала: а не поехать ли туда? Вряд ли будет толк от разговора с молоденькой невесткой. Однако книжка про вуду оказалась в московской квартире, а выдумать предлог, чтобы заявиться на дачу, Варя не могла. Услышав просьбу отлепить жвачку, она стала подозревать, что приехала не напрасно, что-то здесь происходит.

- Ох, какая красавица, - Варя погладила Машу по светло-русым кудряшкам, - на вас очень похожа. Надо же, как улыбается! Я таких маленьких близко никогда не видела. Ксения, вы кого-то ждете? Или боитесь? Может, вам помощь нужна? Галина Семеновна говорила, вы совсем ребенок, и в общем, она права. Если бы я не знала, что вам девятнадцать, больше четырнадцати не дала бы. Так в чем дело? Кто вам глазок жвачкой залепил? Кто мог стоять у подъезда?

- Нет, все нормально. Никто. Совершенно никто. Спасибо. Просто я сейчас учебник психиатрии читаю и, как положено, нахожу у себя сразу все мании, фобии, психозы. Вот сейчас у меня настоящая мания преследования. - Она засмеялась так фальшиво, что самой стало неловко. - Я вам книжку принесу, вы, наверное, спешите?

- Ксения, можно я руки вымою?

- Конечно. Ванная там. А может, вы чаю хотите?

- Очень хочу, спасибо, - улыбнулась Варя.

- Подождите минут десять, хорошо? Я сейчас ее покормлю. Она только что проснулась. Вы проходите в гостиную, я сейчас.

В ванной, на полочке у раковины, Варя увидела странный предмет, похожий на старинную складную опасную бритву, очень дорогую, с рукоятью из черного дерева, с тонкой инкрустацией, перламутровой и золотой. Варя осторожно взяла бритву в руки и разглядела странные символы, напоминающие ассири-вавилонскую клинопись. Оконечность рукояти украшал выпуклый череп, сделанный весьма искусно из желтоватой слоновой кости, в глазницах поблескивали крошечные красные камни, возможно, рубины. Варя прикоснулась к черепу и вскрикнула от неожиданности. Из рукояти с легким щелчком выскочило светлое стальное лезвие, вовсе не бритвенное. Оно было ромбовидной формы, как у кортика. Варя попыталась убрать лезвие назад, в рукоять, но край оказался таким острым, что невозможно сильно надавить пальцем. Она еще раз нажала на череп, и лезвие само спряталось на место.

«Что делает в ванной такая дорогая старинная вещь? Ведь не чистят же этим ногти!» - подумала она, аккуратно положила нож на полку, вышла из ванной, погасила свет.

Ксюша сидела в гостиной на диване, на руках у нее спал ребенок.

- Сейчас я ее уложу и поставлю чай, - прошептала она, вскинув на Варю круглые блестящие голубые глаза.

- Ничего, я не тороплюсь. - Варя уселась в кресло. - Уф-ф, совершенно сумасшедший день. У вас так хорошо, тихо.

«Она была бы очень симпатичной, даже красивой, если бы не эта паническая затравленность в глазах. Кормящая мама должна светиться покоем и счастьем. Чудесный здоровенький ребенок, отличная квартира, не знаю, как муж, но свекровь в ней души не чаёт. Чего ей не хватает? - размышляла Варя. - И почему, интересно, она приехала с дачи в Москву одна с ребенком?»

- Ксюша, а почему вы не на даче?

- Мне надо было показать ребенка врачу.

- Что, какие-то проблемы со здоровьем?

- Нет. Насчет прививок. Подождите, я сейчас, - она встала и на цыпочках вышла из гостиной.

Варя оглядела стены, увешанные картинами. Поленов, Врубель, Шагал. Если не подлинники, то очень качественные репродукции. Антикварная мебель, в горке красного дерева английский фарфор. Масса прекрасных дорогих безделушек, словно в антикварном салоне. Дом Галины Семеновны выглядел так же, как она сама, пестро, помпезно, дорого.

- Все, я поставила чайник, - сообщила Ксюша, появившись на пороге, - а вы давно знакомы с Галиной Семеновной?

- Порядочно.

- Вот книжка, которая вам нужна. - Ксюша положила на журнальный столик книгу в бумажной кроваво-красной обложке, со зверской разрисованной мордой и черной изломанной надписью «Тайны вуду». - Вы этим увлекаетесь?

- Не особенно. Я учусь в Университете искусств, мне надо написать курсовую о влиянии афро-

азиатского языческого мистицизма на постмодернизм конца двадцатого века.

- А, понятно, - рассеянно кивнула Ксюша, - пойдёмте на кухню, чай пить. Я, честно говоря, еще не завтракала. Есть хотите?

- Не откажусь. Давайте я вам помогу. Вы, наверное, очень устаете с ребенком? Может, перейдем на «ты», не возражаешь? Разница в возрасте у нас небольшая. Тебе девятнадцать, мне двадцать два.

- Конечно, - Ксюша наконец улыбнулась, - есть фрукты, йогурт, сыр. Хочешь гренки с сыром?

- Хочу. Ты долго собираешься оставаться в Москве?

- Не знаю. - Ксюша поставила чашки на стол, и Варя заметила на среднем пальце правой руки свежий порез, довольно глубокий, замазанный зеленкой.

«Значит, недавно возилась с этим ножичком. Вероятно, впервые держала его в руках. Я ведь тоже чуть не порезалась», - отметила про себя Варя.

- Да, скажи, пожалуйста, в ванной на полочке лежит складной нож, очень дорогая вещь, старинная. Правда, старинные ножи очень редко бывают складными, но от этого он становится еще более ценным. Наверное, нельзя его держать в ванной, там влажно. Это ведь антиквариат, диких денег стоит.

Ксюша застыла, несколько секунд смотрела на Варю испуганными, бессмысленными глазами и вдруг спросила нарочито небрежным тоном:

- Ты разбираешься в антиквариате? Можешь сказать, что это за нож?

- Твоя свекровь разбирается лучше, - улыбнулась Варя, - так почему он валяется в ванной?

- Я не знаю, - Ксюша растерянно заморгала, - я понятия не имею, откуда он взялся.

- Очень интересно. А кто заклеил дверной глазок жвачкой, тоже не знаешь?

- Наверное, мальчишки пошутили, - выпалила Ксюша, судорожно сглотнув, - тебе сколько гренок?

«Вряд ли в этом элитарном доме сейчас, жарким летом, остался хоть один мальчишка, - подумала Варя, - и почему она сама не могла открыть дверь и отодрать жвачку от глазка?»

- Две штуки, - сказала она вслух с улыбкой и тут же нахмурилась. - Смотри, у тебя кровь течет из пальца. Перекись есть?

- Да... - Ксюша ушла в ванную. И в этот момент зазвонил телефон. Он стоял рядом с Варей, секунду подумав, она сняла трубку.

- Ксюша? Куда ты исчезла? Я звоню от соседей, это кошмар какой-то, он дрыхнет и дрыхнет, я уж думала, совсем помер, - затараторил взволнованный женский голос. - В гамаке во дворе проспал почти сутки, потом улегся в столовой, вставал пару раз, в сортир ходил, и опять дрыхнет, храпит, как боров, сил моих нет, я говорю, Олег, включи телефон или скажи мне цифровой код, а он чего-то бормочет непонятное, мне, между прочим, даже с сердцем плохо стало, ты исчезла с ребенком, меня не предупредила. Ну, не молчи, скажи, что мне делать? Я ведь не хозяйка, мне в Москву надо съездить, а как я дом на него, такого, оставлю, а? Ты меня

слышишь, Ксюша?

- Это не Ксюша, я ее сейчас позову, - сказала Варя.

- А! - испуганно вскрикнула трубка. - Кто это? Где Ксюша?

- Меня зовут Варвара, я знакомая Галины Семеновны, вот, Ксюша уже идет. - Варя передала ей трубку.

- Да, я. Раиса, подождите, не надо так кричать, я ничего не понимаю... Ну, ладно, пускай спит... Нет, не надо вызывать врача, не волнуйтесь, он просто устал, у него такое бывает... Ну, может, он ночью работал, а днем отсыпается... Знаю, конечно, четыре тройки, ну да, потом «ес», синюю такую кнопку нажмите, и все. Зарядное устройство в верхнем ящике комода. Вы можете подождать еще день? Мне надо сходить с Машей в поликлинику, взять направление на прививки, а наш врач принимает только в четверг. Ну что вы так переживаете, расслабьтесь, отдохните. Я позвоню вечером.

Она положила трубку и выразительно закатила глаза.

- Совершенно безумная женщина.

- Кто она?

- Домработница. У нее сложные отношения с Олегом. Ей не нравится, что он все время спит.

- А может, он правда заболел? Действительно странно, что человек спит сутками.

- Ага, заболел, - Ксюша зло усмехнулась, - конечно же! Заболел! Бедненький! Я даже диагноз знаю. Нарколепсия, приступ патологического сна. - Она рухнула на стул, сжала ладонями виски и пробормотала: - Не могу больше. Все. Не могу! Уйду, хотя совершенно некуда.

- Олег наркоман? - тихо спросила Варя. Ксюша молча кивнула, встала, вытащила гренки из микроволновой печи.

- При нарколепсии человек спит страшно долго и крепко, может отлежать себе какую-нибудь конечность так, что потом приходится ампутировать, - глаза Ксюши холодно сверкнули, - может и умереть во сне. Конечно, этого я ему не желаю. Ешь гренки, они вкусные, пока горячие.

Несколько минут молча ели, наконец Ксюша произнесла:

- Я тебя впервые вижу. Так получилось, что сорвалась при тебе. Извини. И, пожалуйста, не говори никому.

- Хорошо, - кивнула Варя.

- Главное, Галине Семеновне не говори. Она скрывает это изо всех сил, даже от себя самой. Она хороший человек, сына любит без памяти. Но есть у нее одна странная черта. Общественного мнения она боится куда больше, чем реальности. Понимаешь? Иногда мне кажется, ей легче пережить его смерть, чем огласку. Не дай бог, кто-нибудь узнает, что у Галины Семеновны Солодкиной, такой благополучной, такой блистательной дамы, единственный сын - наркоман.

- И давно он на игле?
- По-моему, всю жизнь.
- Когда замуж за него выходила, ты знала об этом?
- Догадывалась. Но только потому, что собираюсь стать врачом, читаю кучу медицинской литературы, знаю симптомы. Галина Семеновна упорно повторяла, что он очень своеобразный человек, странный, как все творческие личности, у него целый букет болезней. Даже домработница Раиса, которая в доме лет двадцать пять, не знает. Или делает вид, что не знает.
- Серьезно? Как такое может быть?
- Очень просто. Человек может годами сидеть на игле, а его близкие ни о чем не догадываются. Ладно, хватит. Я чувствую себя предательницей по отношению к Галине Семеновне, когда это с тобой обсуждаю.
- Извини, но как же ты решилась от него рожать?
- Как видишь... - Ксюша развела руками. - Еще чаю?
- Спасибо. Гренки у тебя замечательные. Слушай, а этот нож ты все-таки в ванной не держи. Очень ценная вещь. У вас не дом, а настоящий музей. Оказывается, еще и оружие старинное есть.
- Да, наверное. Полный дом антиквариата. Почему не быть оружию?

Послышался детский плач, Ксюша резко встала.

- Ну вот, уже проснулась. Книжку не забудь. Она в гостиной, на журнальном столике. Было очень приятно познакомиться.
- Я тебе там на кухне оставила свой телефон, - сказала Варя, прощаясь в прихожей, - звони, не стесняйся. Вдруг понадобится помощь, все-таки ты здесь одна с ребенком. У меня машина.
- Спасибо, - улыбнулась Ксюша.

Выйдя за дверь, Варя услышала, как защелкали замки и задвижка. В пустом дворе она огляделась. Старушка в соломенной шляпе выгуливала болонку, молодой лысый толстяк в шортах возился у ярко-красного «Форда», поджарый белобрысый парень в темных очках курил, сидя напротив подъезда, на спинке поломанной скамейки. Издалека было видно, какие у него новенькие белоснежные кроссовки. Варя несколько секунд вглядывалась, шурясь от яркого солнца, потом подошла к своей машине, села за руль, включила зажигание, но вместо того чтобы тронуться с места, заглушила мотор, вышла из машины, еще раз оглядела двор и решительно направилась к белым кроссовкам.

- Простите, вы меня не толкнете? - обратилась она к парню и широко улыбнулась. - Машина совсем новая, но что-то там постоянно глохнет.

Парень пристально посмотрел ей в лицо сквозь очки, сплюнул и хрипло выдавил:

- Нет.
- А что же мне делать? - Варя беспомощно огляделась по сторонам. - Я ужасно опаздываю.

Значит, вы не можете мне помочь? Ну ладно... Молодой человек! – крикнула она во все горло, обращаясь к толстяку у «Форда», и развернулась так резко, что маленькая сумочка, висевшая у нее на плече, взлетела и заехала по лицу белобрысого. Тот вскочил, стал тихо и бешено материться. Очки упали. – Ох, извините, пожалуйста, извините, – запричитала Варя, заглядывая ему в лицо, – очки не разбились?

– Уйди, сука, – прошипел белобрысый, – уйди, убью!

– Сумасшедший! – фыркнула Варя. – Я же извинилась. И очки твои целы. Молодой человек! – Она побежала к красному «Форду». Его лысый хозяин стоял у открытого багажника, вытирал руки и смотрел на Варю. – Вы не могли бы машину мою толкнуть? – попросила она с нежной улыбкой.

– Да, конечно. А что у вас случилось?

Толстяк готов был не только толкнуть, но влезть в мотор, взглянуть, какие могут быть неполадки в таком новеньком, таком классном автомобиле.

– Нет, с мотором наверняка все в порядке. Это со мной не в порядке. Меня техника не любит.

Толстяк несколько минут задумчиво смотрел вслед новенькому белоснежному «Фольксвагену» и думал о том, почему ему так не везет. Если попадается по-настоящему красивая девушка, то никогда не получается завязать разговор, попросить у нее телефончик, познакомиться.

– Какая! Ну какая, а? – печально бормотал он, возвращаясь к своему «Форду».

А Варя, проехав пару кварталов, притормозила, достала из сумочки фоторобот, который дал ей Илья Никитич, долго, задумчиво глядела на него, скользила глазами по строчкам ориентировки: «Рост от ста семидесяти до ста семидесяти пяти, телосложение среднее, волосы светлые, глаза карие, лицо овальное, нос прямой».

* * *

Люся забила с головой под одеяло, чтобы не слышать выстрелов и жутких криков, от которых все леденело внутри. Но под одеялом было еще страшней. Получалось, что стреляют и кричат в полнейшей темноте. Перед глазами у нее сначала плыли огненные круги, потом из них сложилась ясная картинка. Голый по пояс человек с хвостиком на затылке, с разноцветными татуировками на могучих плечах косил автоматной очередью детей и женщин, словно они были полевой травой. Его подружка, смуглая красавица с выгоревшими до белизны длинными волосами, извивалась в диком танце и достреливала из пистолета тех, кто пытался спрятаться. Жертвы кричали и падали, заливаясь кровью. Убийцы смеялись, шутили, иногда подбегали друг к другу, чтобы поцеловаться. Все происходило в небольшом придорожном кафе поздним вечером, где-то на юге Америки, где круглый год лето, растут огромные кактусы и все ходят в шортах.

Люся дрожала и плакала под одеялом, изо всех сил сжимала веки, пальцами затыкала уши, но кошмар не исчезал. Она понимала, что находится в больнице и, кроме бледно-зеленых стен, пустой соседней кровати, лимонной круглой лампочки под потолком, окошка с решеткой, ничего нет. Обычный набор звуков – шаги и голоса в коридоре, птичий щебет и шорох листьев в больничном парке, приглушенный, спокойный гул большой улицы за оградой, скрип койки. И ничего больше. Ни стрельбы, ни криков.

Ужас жил в маленьком ящике, в телевизоре, но был слишком велик, пространство за экранном

стеклом теснило его, он вываливался наружу, огромный и наглый, вливался через глаза и уши людям в головы и продолжал там жить независимо от того, включен ли телевизор. Каждый раз, уезжая от мамы Зои, она увозила с собой все боевики и ужастики, которые бесконечно крутили в семейном детском доме не только на видеокассетах, но и наяву, в просторном каменном подвале два раза в месяц, в полнолуние.

Фильм о двух убийцах, мужчине и женщине, косивших людей, как траву, крутили чаще других. Там главные герои были такими умными, ловкими, красивыми, так легко уходили от полиции, так весело расправлялись со всеми, кто попадался на пути, что у них стоило поучиться. Мама Зоя объясняла, что это очень правильный фильм, правдивый и откровенный, без соплей. Его герои живут не по фальшивым гнилым законам так называемой христианской морали, от которых давно всех тошнит, а повинуются своим здоровым природным инстинктам. Поэтому они такие классные ребята, им все удается, им везет.

Люся помнила каждое слово мамы Зои, но смысла речей не понимала. Фильм о парочке влюбленных убийц повторялся в ее голове отчетливей и чаще других не потому, что его постоянно крутили. В конце фильма была сцена, которую Люся каждый раз проживала заново.

Во время побоища в придорожном кафе мальчик лет восьми прятался в огромном холодильнике в кухне. Бандиты уже собрались уходить, но хотели проверить, все ли мертвы, пинали тела ногами, посмеиваясь и обмениваясь шутками. Мужчина, повернув носком ботинка голову мертвой темноволосой девушки, говорил: «А она хорошенькая, смотри, какие сиськи!» Его подруга шлепала его по щеке, потом, прицелившись, стреляла мертвой девушке в лицо и говорила: «Ну, давай, трахни ее!» У тела пожилого, очень толстого мужчины убийца восклицал: «Посмотри, сколько отличного бекона достанется червям!»

А мальчик все сидел в холодильнике. Слезы леденели на его щеках, ему не хватало воздуха, он осторожно приоткрыл дверцу.

Парочка между тем задержалась на пороге, чтобы в очередной раз поцеловаться. Их губы слиплись, как резиновые присоски.

- Тихо, ну пожалуйста, сиди тихо, - умоляла мальчика Люся.

Но он дрожал так сильно, что в холодильнике зазвенели бутылки, одна выпала на кафельный пол и оглушительно разбилась. Бандиты оторвались друг от друга, огляделись, словно проснувшись, кинулись в кухню, распахнули дверцу. Красотка, погрозив мальчику пальцем, ласково улыбнулась и произнесла: «Ай, как нехорошо обманывать старших», и тут же выстрелила ему в голову.

Каждый раз Люся умирала вместе с мальчиком. А когда опять ставили фильм, ждала, что бутылка не выпадет, бандиты покинут кафе и укатят прочь на своей грязной открытой машине, а мальчик вылезет из холодильника и побежит по белой лунной дороге, встретит своих родителей, хозяев кафе, которых на самом деле не убили, а только ранили, и все кончится хорошо.

Было много других фильмов, вероятно, еще более страшных. Неторопливые чудовища с паучьими лапами пожирали людей, отрывали головы, высасывали глаза, элегантные вампиры вонзали клыки в нежные шейки красавиц, полуистлевшие трупы поднимались из могил и медленно шли неровным строем, вытянув руки, оскалив мокрые бледные рты. За стеклянным экраном ползали черви, пауки, извивались змеи, с треском ломались кости, лопалась кожа. Как крупный красный снег, летели клочья человеческой плоти над взорванным школьным

автобусом. А по другую сторону, на ковре в уютной гостиной загородного дома, усыновленные питомцы мамы Зои грызли семечки и фисташки, тянули колу из банок. Семь пар глаз смотрели на экран, не отрываясь. К губам прилипала черная шелуха семечек, рты ритмично двигались.

Видеотека занимала большой книжный шкаф и постоянно пополнялась новинками. Каждая кассета проходила цензуру. Те, которые мама Зоя именовала «слезоточилками», безжалостно уничтожались. Кассету сжигали во дворе у мусорного бака.

В категорию «слезоточилок» попадали не только мелодрамы, но боевики, триллеры, ужастики. Главным критерием в отборе видеопродукции было отсутствие соплей. Если герой действовал, повинуюсь здоровым инстинктам, он был достойным примером для подражания, им любовались, в него потом играли, выдумывая продолжение киноистории. Но если вдруг правильный на первый взгляд герой позволял себе пожалеть кого-то, защитить или на его лице мелькала тень мысли, грусти, сомнения, любого живого чувства, он подвергался особому наказанию за вранье и предательство, за сопли.

Два раза в месяц, в полнолуние, в просторном подвале проводились дискотеки. Заранее готовилось символическое изображение осрамившегося киногероя. Чаще всего это была большая дешевая кукла, купленная в лобнинском универмаге. Пластмассового пупса разрисовывали, внутрь заливали густой, чуть подсоленный вишневый сок, щели аккуратно замазывали пластилином, чтобы сок не вытекал. Подготовленную куклу клали на цинковый стол, на котором был черной масляной краской начерчен крест. Участники надевали черные балахоны на голые тела, на головы натягивали страшные маски. В половине двенадцатого дверь подвала запирали на засов, зажигали толстые церковные свечи, включали африканскую ритуальную музыку. Били бубны, выли шаманы. Ряженые подростки плясали вокруг стола, подпевая шаманским заклинаниям. Куклу кололи специальными кинжалами восемнадцать раз, под струйки вытекающего сока подставляли специальную серебряную чашку и пили по глотку, передавая по кругу. Потом кукле отрывали ноги, руки, голову. Окончательно растерзав пупса, принимались за другие игры. Кто-нибудь изображал самоубийство. Привязывал веревку к специальному крюку под потолком, вставал на табуретку, накидывал петлю на шею. Узел затягивали совсем слабо, и он развязывался, когда из-под ног выбивалась табуретка.

Иногда играли в вампиров, впивались друг другу в шеи, кувыркались по бетонному полу, потом понарошку умершие изображали зомби, рычали, выли, дрались и лапали друг друга. Наконец, врубив металлический рок, скидывали балахоны, маски, устраивали дикие пляски. К этому моменту стол был застелен тяжелой вышитой скатертью, и туда падали парами, извивались и стонали.

Двое взрослых, живущих в доме, мама Зоя и Руслан, всегда присутствовали на дискотеках. Мама Зоя изображала Маман Бригит, одно из главных божеств вуду. Перед каждым новым актом спектакля ей молились, вставали на колени, кланялись, целовали ноги. Руслан был Бароном Самеди, то есть главным в ритуале растерзания куклы-жертвы. Именно он вонзал нож в пластиковое кукольное тело восемнадцать раз.

Все, что говорилось и делалось в подвале, было страшной тайной. Люся пугалась, даже если во сне видела это. Мама Зоя предупреждала, что добрый Лоа и злой Бака контролируют сны. Никто никогда за пределами подвала не обсуждал дискотеки. Утром все отправлялись на пробежку в рощу, потом делали зарядку во дворе. В любую погоду, даже в лютый мороз, купались в бассейне. Потом завтракали. После завтрака начинались занятия. Учителя приходили домой. В конце каждой четверти сдавали экзамены в лобнинской школе, всегда получали отличные оценки. С Люсей изредка занималась сама мама Зоя, по учебникам вспомогательной школы. Иногда Руслан учил ее драться, но не как других. Всех остальных

детей он тренировал во дворе, на маленькой площадке, или в спортивном зале, показывал им сложные боевые приемы, которые требовали ловкости и легкости, и, конечно, неуклюжая, толстая, слабенькая Люся с плохой координацией движений не могла при всем желании потянуть человека за руку и одновременно подсесть его ноги так, чтобы он потерял равновесие. Да и желания у нее никогда не возникало.

Она не понимала, как можно ударить живое существо, ведь куда ни попадешь кулаком или ребром ладони, везде больно. Когда при ней ладонью разбивалась деревянная доска, она зажмуривалась, отворачивалась и тихонько вскрикивала. Ей все казалось, что бьют не по мертвому, а по живому. Ведь с доской никто не будет драться, на ней только тренируются, чтобы ударить потом человека по шее или по голове.

Руслан звал ее в свою комнату, закрывал дверь и всегда говорил одно и то же: «Давай-ка, что ли, покажу тебе пару приемчиков, только ты разденься, голышом удобней».

Она раздевалась, она была послушной девочкой и не хотела, чтобы он сердился. Голую, дрожащую, в мурашках, потому что в комнате у него всегда было холодно, он валил ее на ковер, легко, как тряпчатую куклу. От жесткого ворса чесалась кожа. Руслан повторял хриплым шепотом: «Тихо, тихо...» Но кричать она не собиралась. Только сначала ей было больно, только в самый первый раз, а потом она с замиранием сердца ждала, когда он позовет, закроет дверь и прикажет раздеться.

Иногда то же самое ей приходилось делать с Толиком и Вовкой, но с ними было совсем иначе. От них она сильно уставала, потому что сразу двое – это тяжело и стыдно. А вот с Русланом другое дело, с ним получалась настоящая любовь. Стоило ему посмотреть на Люсю, прикоснуться к ней, и все ее тело наливалось тяжелым жаром. Она сладко, медленно таяла, как долька шоколада во рту.

...Осторожно высунувшись из-под одеяла, она тихонько погладила целлофан на конфетной коробке, которая так и лежала на тумбочке непочатая. Стрельба и крики улетучились сами собой. Она соскользнула с койки, подошла босиком к окошку и стала сквозь решетку смотреть, не шурясь, на солнечный свет, бьющий сквозь темную зелень. Из листьев и солнечных пятен складывались интересные узоры, то возникал кораблик, то игрушечный мишка.

Глава двадцать пятая

Близнецы Ира и Света шли по Тверской и жадно ловили свои отражения в зеркальных витринах. На этот раз они были одеты одинаково: эластичные мини-юбки, маечки на тонких бретельках, босоножки на высокой мягкой «платформе». Продублированы были даже украшения, тяжелые серебряные серьги с овальными лунными камнями, массивные медальоны на белых кожаных шнурках.

На Пушкинской площади к ним привязались двое кавказцев. Первый, молодой, жилистый, с очень темной кожей и светлыми глазами, произнес громко, почти без акцента:

- Девушки, можно вас на минутку?

Второй, постарше, маленький, толстый, в трикотажных шароварах и шелковой пестрой рубаше, подхватил еще громче, с грубым акцентом:

- Падажды, кырасавыцы-умницы, падажды, хочишь тысячу баксов? Слюшай, такой красывый,

сыразу двэ, и совсем одинаковый!

Не оборачиваясь, они пошли быстрее, но кавказцы тут же обогнали их и преградили дорогу.

- Достали, черножопые, - оскалившись, процедила Ирина.

- Что ты сказала? Повтори! - тихо прохрипел жилистый, и лицо его стало еще темней, а глаза сверкнули белым огнем.

- Ребята, извините, мы спешим. - Света одарила их ласковой, сладкой улыбкой, при этом незаметно, но больно пихнула сестру локтем в бок.

Не оборачиваясь, они пошли быстрее, но кавказцы тут же обогнали их и преградили дорогу.

- Достали, черножопые, - оскалившись, процедила Ирина.

- Что ты сказала? Повтори! - тихо прохрипел жилистый, и лицо его стало еще темней, а глаза сверкнули белым огнем.

- Ребята, извините, мы спешим. - Света одарила их ласковой, сладкой улыбкой, при этом незаметно, но больно пихнула сестру локтем в бок.

- Павтары, сука, - маленький вплотную подошел к Ирине, попытался ухватить ее за тонкую бретельку и царапнул по коже грязным ногтем.

- Отвали. - Ирина улыбнулась так же сладко, как сестра, и саданула толстяка коленкой в пах. Тот задохнулся, открыл рот, выпучил глаза. Одновременно вскрикнул и хрипло выругался жилистый. Он получил точно такой же удар от Светы.

Сестрички развернулись и, взлетая на упругих платформах, рванули галопом прямо через Тверскую, лавируя между гудящими машинами. Они пересекли проезжую часть за несколько секунд, даже постовой гаишник не успел их заметить. Кавказцы метались, провожая их оглушительным матом, жилистый бросился на мостовую, но визг тормозов огромного джипа и трель милицейского свистка слегка охладили его. Маленький сплюнул и хрипло произнес почеченски:

- Ладно, Хамзат, куда не денутся.

- Запомню, найду, из-под земли достану, - прорычал Хамзат.

Сестры между тем спустились в подземный переход.

- Совсем, что ли, крыша съехала? - мрачно спросила Света. - Только разборки с черными нам сейчас не хватает.

- Ненавижу, - Ирина скорчилась, как от кислого, и передернула плечами.

- Расслабься, - Света сняла очки, - не гримасничай, морщины будут. И вообще, приведи себя в порядок. У тебя помада размазалась.

- Слушай, хватит! - Ирина сняла очки одновременно с сестрой. Их движения были почти синхронны, но они не замечали этого. - Дело сделаем, пойдем в «Макдоналдс».

- Гамбургер хорош только тогда, когда выпадает из руки убитого обывателя, - отчеканила Ирина, не глядя на сестру.

Остановившись у витрины сувенирной лавки, она достала косметичку, оскалилась перед большим зеркалом и принялась аккуратно, не спеша, подкрашивать губы. Света прошла дальше, не оглядываясь, но шаг все-таки замедлила. Ирина догнала ее у входа в торговую галерею. Стеклянные двери бесшумно разъехались. Сестры ступили на эскалатор, поднялись на второй этаж. Там было пусто и холодно, работал кондиционер, в дорогих бутиках скучали продавщицы и охранники. Цены здесь были такими, что даже объявления о скидках до шестидесяти процентов почти не привлекали покупателей. Сюда приходили побродить, поглазеть, и только изредка попадались среди нормальных зевак-бездельников деловитые сумасшедшие, готовые выложить пятьсот долларов за хлопчатобумажную маечку и тысячу за мятый льняной пиджачок, вернее, за фирменные этикетки, за несколько букв на крошечном кусочке подкладочного атласа.

- Стоп, - сказала Ира, - мы пришли.

В бутике, отделанном под старину, с гипсовой лепниной и бежевыми плюшевыми креслами, не было охранника. Одинокая молоденькая продавщица сидела в уголке, уткнувшись в книгу. Мелодично звякнул дверной колокольчик. Продавщица встрепенулась, оторвала глаза от дамского романа.

- Добрый день. Я могу вам помочь?

- Нет, спасибо, - улыбнулась ей Света.

- Вы ищете что-то конкретное? У нас новая коллекция, посмотрите, пожалуйста, вот, совершенно очаровательные вечерние платья, остромодная линия. Примерьте, - она сняла с вешалки сразу несколько вещей и проводила сестричек к примерочной. Тяжелые шторы задернулись. Продавщица вернулась за свой столик, взялась за книгу. Ее прервали на самом интересном месте, и она надеялась, что успеет дочитать главу до конца, пока девушки будут раздеваться, одеваться, разглядывать себя в зеркалах. Конечно, читать на рабочем месте категорически запрещено, однако менеджер отправился обедать, охранник вышел покурить, так что стесняться некого. Да и вообще, лучше к клиенту не приставать. Здесь ведь не рынок, где принято хватать покупателя за руку и навязывать товар. Пусть девочки останутся наедине с шикарными моделями, пусть вдоволь налюбуются на себя, авось купят хоть что-то. Они сразу показались продавщице вполне перспективными покупательницами. От них веяло благополучием и уверенностью. Такие юные красотки-близняшки могли быть фотомоделями, манекенщицами, любовницами очень состоятельного человека.

«Интересно, они вдвоем обслуживают кого-то одного или у каждой есть собственный платежеспособный приятель?» - подумала продавщица. Впрочем, действие любовного романа в пестрой обложке было интересней магазинной рутины. Продавщица так увлеклась, что почти забыла о красотках в примерочной.

Сначала появилась Света в серебристой сетчатой тунике, оглядела себя в огромном зеркале, попросила у продавщицы посмотреть, что там тянет в проеме, затем выпорхнула Ирина в черном платье с открытыми плечами и пышной юбкой, потребовала ручное зеркало, чтобы разглядеть, как сидит сзади. Потом обе исчезли, и через три минуты появились уже в других моделях.

- Эти не убирайте, - заявила Света, - мы еще раз примерим.

- Да, конечно, - улыбнулась продавщица.

Минут через десять у нее задвоилось в глазах, как будто спьяну, хотя, разумеется, она не пила ни капли. Даже голова немного закружилась от мелькания совершенно одинаковых лиц. Двойняшки были такими шумными, энергичными, двигались так стремительно, что продавщица не поспевала за ними. Вероятно, красотки решили перемерить все, что было в бутике. Одно казалось им слишком широко, другое узко, третье содержало синтетические волокна, а от них может быть раздражение на коже, в четвертом вырез был чересчур глубоким, пятое сковывало движения, у шестого провисал воротничок. Чем более кислым становилось лицо продавщицы, тем тщательней сестренки ощупывали ткань, вертели вещи в руках, выворачивали наизнанку. Чем сильнее напрягалась продавщица, тем свободней вели себя клиентки, вскрикивали, хихикали, поправляли макияж, расчесывали волосы, подробно, с шуточками, обсуждали достоинства и недостатки каждой модели. Они чувствовали себя как дома и еще ни разу не поинтересовались ценами.

- Ой, а как я тебе в этом рваном чулке? - спросила Ира, выплывая из примерочной в длинном облегающем платье из небесно-голубого эластичного бархата. На бедрах, на животе, на спине были фигурные прорези-дыры.

- Это «Шанель», - тихо заметила продавщица, - из последней коллекции.

- Угу, - кивнула Ира, - шинель. Кусок портянки. А кирзовые сапожки есть у вас? - Она ослепительно улыбнулась продавщице. - Шучу. На самом деле очень красиво. Просто класс.

- Вот, всегда так. Если ей что-то нравится, она начинает гадости говорить, - пожаловалась Света тоном заботливой мамы, - дурацкая привычка. Та-ак, а где здесь цена? - она стала перебирать многочисленные яркие ярлыки.

- Сорок три тысячи, - потупившись, тихо отчеканила продавщица. Она работала в бутике всего лишь третий месяц и до сих пор не привыкла к космическим ценам, ей как будто даже стыдно было произносить вслух эти цифры, словно она признавалась в чем-то неприличном.

- Ну, в общем, дороговато, конечно, почти две тысячи зелеными... - задумчиво протянула Света.

- Это все-таки «Шанель», сами понимаете, - начала оправдываться продавщица и схватилась за калькулятор, - тысяча восемьсот пятьдесят по сегодняшнему курсу. Если решитесь, я свяжусь с менеджером, мы можем сделать скидку десять процентов.

- До полутора скинете? - деловито поинтересовалась Света.

- Попробую, - продавщица улыбнулась и набрала мобильный номер менеджера. Тот разрешил продать платье от «Шанель» за полторы тысячи.

- Мне так редко что-то нравится, и потом, это ведь практически на двоих... - крикнула Ирина из примерочной.

- Где у вас здесь обменка? - спросила Света, когда сестра вышла из-за штор.

Продавщица вздохнула с облегчением. Если действительно удастся продать это дорогущее платье, можно считать, день прошел не напрасно. Размер крошечный, только на таких вот юных худышек налезет, модель, мягко говоря, экстравагантная. Сама она ни за что не решилась бы показаться на людях в таком платье, даже если бы оно досталось ей даром.

Продавщица боялась, что девочки передумают и исчезнут, готова была принять у них и доллары, но в торговый зал вошла неприятная дама средних лет, за ней вернулся охранник. Парень был новенький, чужой, и рисковать не стоило. Каждое утро менеджер повторял, что доллары нельзя принимать ни в коем случае. Только рубли. Повторил это и сейчас, по телефону.

- Обменный пункт на первом этаже. Жду вас, девочки.

Они улыбнулись и выпорхнули из бутика. Продавщица забрала ворох вещей из примерочной, но развесить не успела. Новая посетительница настойчиво требовала внимания. Продавщица занялась дамой, подобрала для нее несколько легких пиджаков и блузок. Та скрылась в примерочной, но тут же вышла опять.

- Посмотрите, здесь кто-то сумочку оставил. - В руке у нее была небольшая ярко-красная сумочка из лаковой клеенки на толстой цепочке под золото. Продавщица подумала, что вряд ли такая дешевка принадлежит красоткам-близнецам, к тому же обе у нее глазах вышли из зала с сумками очень стильными, дорогими, из натуральной белой кожи. Она попыталась вспомнить, кто заходил перед ними, но поняла, что бесполезно. Оставалось проверить содержимое. Вдруг там есть документы, паспорт, записная книжка...

Продавщица взяла сумочку в руки и щелкнула пластмассовой застежкой. Раздался взрыв. На всем этаже рухнули витринные стекла и зеркала, ранения различной степени тяжести получили сорок пять человек, продавцы, охранники, посетители, работники бара. Погибло четверо. Трех, находившихся непосредственно на месте взрыва, разнесло в клочья. В соседнем антикварном отделе огромная бронзовая люстра обрушилась прямо на голову единственного покупателя. Черепно-мозговые травмы оказались смертельными.

* * *

В маленьком ресторане на Кузнецком тихо играла музыка. Пожилого ресторанный пианиста час назад срочно вызвали на работу в неурочное, дневное время, играть и петь для редкого и чрезвычайно дорогого гостя. Репертуар был заранее известен: простенькие задушевные шлягеры конца шестидесятых, кое-что из блатного фольклора.

Перед появлением гостя двое его телохранителей тщательно осмотрели зал и подсобные помещения. Затем из бронированного джипа вылез он сам, маленький, худой, сутулый. Из-за жары он был одет совсем просто: мятые льняные брюки, белая несвежая сорочка с короткими рукавами. Он тяжело дышал и вытирал платком бледный, совершенно лысый череп. На голых руках, поросших густой седоватой шерстью, были видны рубцы, следы выведенных татуировок. Он приветливо поздоровался со всеми, от метрдотеля до гардеробщика, а пианисту лично пожал руку. Он был бодр, но немного задумчив. Тонкий рот кривила странная лирическая улыбка.

- Вот, Михалыч, какие дела, племяш мой приехал из Воронежа, - объяснил он пианисту доверительно, вполголоса, - племяш, Генка, сын сестренки моей Гали. Родная кровь. Минут через двадцать должны его сюда подвезти, ты будь другом, Михалыч, как он войдет, сразу сыграй для него «Сиреневый туман». Он любит.

- Нет проблем, - кивнул пианист, легко пробегая пальцами по клавишам.

- А пока что, лично для меня, давай «С одесского кичмана».

Пианист заиграл и запел. У него был мягкий баритон, не слишком сильный, но душевный.

Пономарев Владимир Васильевич, семидесятилетний вор в законе по кличке Пныря, уселся в кресло, прикрыл глаза, принялся мычать и покачиваться в ритме песни. Метрдотель и двое официантов растерянно застыли у стола, никто не решался потревожить гостя. На фоне его лирических переживаний вопрос «Что кушать будем?» прозвучал бы кощунственно.

Пныря с возрастом становился все сентиментальней. Он смотрел старые советские фильмы и плакал, слушал песни и подпевал сквозь слезы. В карманах он держал мелочь для нищих и часто просил шофера остановиться, опускал темные бронированные стекла, собственноручно подавал милостыню. Особое умиление вызывали у него чистенькие интеллигентные бабушки, которые не просто просили, а продавали носки, варежки, кружевные воротнички. Если он замечал такую рукодельницу из окошка джипа, мог дать ей и сто, и двести рублей, любил поговорить, повздыхать, старушку называл «мамонькой» и часто, слишком часто пускал слезу.

Кроме того, он занялся благотворительностью, заинтересовался детскими домами, выбрал один, для дефективных детей-сирот, распорядился, чтобы туда завезли два дорогих стационарных компьютера с наборами игровых и учебных программ, три телевизора с видеоманитофонами, дважды навещался лично, причем в эскорте автомобилей был один, доверху набитый детской одеждой, игрушками, сладостями...

Товарищ, товарищ, скажи ты моей маме,

Что сын ее погибнул на войне,

С гранатой в руке, и с шашкой в другую,

И с песней веселой на губе.

Пныря подпевал громко, фальшивым жалобным фальцетом. Слезы текли по его впалым щекам. Официанты терпеливо ждали. В конце последнего куплета пианист выдал несколько мощных аккордов, которые совпали со странным, гулким грохотом где-то поблизости.

- Что это? - шепотом спросил один официант другого. Тот нахмурился и пожал плечами. Охрана Пныри напряженно переглянулась. За грохотом последовал вой сирен.

- Коля, выгляни, узнай-ка, в чем дело? - поморщился Пныря и, ласково кивнув пианисту, попросил со вздохом: - А теперь сразу давай Высоцкого, «На братских могилах...». Помнишь?

Метрдотель, воспользовавшись паузой, спросил, что же намерен гость сегодня кушать и что приготовить для его драгоценного племянника.

- Генаша, как появится, сам закажет. Я уж с ним и пообедаю. Пока что соку мне принеси. Все равно какого, лишь бы холодного. Ну, Михалыч, давай Володеньку, с хрипотцой, как ты один умеешь. Давай, милый, а я подпою.

Пианист глотнул минералки, откашлялся и запел на тон ниже, с надрывным хрипом, подражая великому барду. Пныря опять закрыл глаза, заурчал, путая не только мелодию, но и слова, покачиваясь и уже наливаясь слезами, однако на этот раз песню ему дослушать не пришлось. Вернулся охранник Коля и сообщил, что в торговой галерее на Пушкинской что-то взорвалось.

- Чечены балуются, - благодушно произнес Пныря, продолжая покачиваться, но вдруг лицо его побагровело, он вскочил, опрокинув стул, ухватил Колю за лацкан пиджака и, глядя на него

снизу вверх, прошептал:

- Там Генка!

В первый момент никто ничего не понял, Коля растерянно покосился на второго охранника, Севу, тот молча, недоуменно пожал плечами.

- Генка, племяш мой, по магазинам ходит! А куда ему еще идти, как не в галерею на Пушкинской? Я ведь сам и посоветовал! Хотел с ним пойти, да уж больно жарко, и магазинов я не терплю. А ведь собирался. Да, собирался, потом лень стало, отправил его одного... - Он бормотал очень тихо, неразборчиво, и приходилось напрягать слух, чтобы понять его. - Позвоните в «Склифосовского»! - вдруг выкрикнул он слабым, срывающимся голосом. - Пусть пришлют реанимацию!

- Так там две галереи, - осторожно заметил метрдотель, ставя на стол высокий стакан с ледяным апельсиновым соком, - ведь еще неизвестно, где именно был взрыв, какой мощности, и где в это время находился ваш племянник. А «скорая» наверняка уже выехала. Сейчас это быстро, все-таки центр Москвы...

- Что ты болтаешь? Звони! Пусть пришлют по две реанимации к каждой галерее! - гаркнул Пныря.

Метрдотель послушно набрал «03». Диспетчер сообщил, что к месту взрыва в торговой галерее уже отправлено несколько бригад.

- Поздно, - пробормотал Пныря и застыл посреди зала, растерянно, беспомощно озираясь. У него тряслись руки. Он казался жалким больным старикашкой, напуганным до смерти. Таким его еще никто никогда не видел, да и не должен был видеть. Все присутствующие смущенно отвернулись.

О коварстве и жестокости старого вора ходили легенды. Сентиментальность никого не вводила в заблуждение. Он мог рыдать над нищей бабушкой, раздавать сиротам шоколадки, а в это время по его приказу профессиональный убийца начинял взрывчаткой автомобиль, в котором должна была отправиться на дачу семья какого-нибудь упряма-бизнесмена, отказавшегося платить положенный процент в казну его величества Пныри. Говорили, будто он сам лично развязывает языки тем, кто не желает делиться необходимой ему информацией, не соглашается на его условия, становится у него на пути. Оголенные провода под напряжением, раскаленные утюги, иглы под ногти - все это Пныря якобы умеет и любит. Допросы в бетонном бункере где-то под Москвой, по словам очевидцев, отличались особенной, патологической изощренностью. Впрочем, в роли очевидца никто еще ни разу не выступил. Легенды передавали с чьих-то чужих слов, и легенды эти подозрительно напоминали дурно сварганенные боевики-ужастики о мафии. Как допрашивал Пныря, никто своими глазами не видел. А если кто и видел, то молчал в тряпочку.

В путеводителях по сегодняшней криминальной России Пныря был постоянным персонажем, ему посвящались целые главы, он иногда читал и ухмылялся. Старому хитрому вору нравилось быть загадочным героем уголовного фольклора и бульварной беллетристики. Он рассуждал так: если о тебе говорят, стало быть, ты что-то значишь в этой жизни. Если о тебе говорят с чувством - не важно, каким, злым или добрым, стало быть, ты значишь очень много. Самые несчастные люди те, которые никому не интересны, про которых сплетен не распускают, совсем никаких.

Пауза затянулась. Охрана ждала распоряжений. У ресторанной obsługi растерянность

постепенно сменялась любопытством. На потухшего, дрожащего Пнырю было жалко смотреть, и никто не понимал, почему, собственно, старик так запаниковал? Ну да, его племянник шляется по магазинам, и где-то там, в одной из дорогих торговых галерей, что-то взорвалось. Но, во-первых, к племяннику приставлена толковая охрана, и, если что, ребята его собой прикроют, они головой отвечают за драгоценную жизнь воронежского гостя. Во-вторых, совсем не обязательно, что Генаша оказался в эпицентре взрыва. Он может быть в другой галерее, может, вообще давно вышел на улицу и сейчас явится сюда.

Первым опомнился пианист. Он встал, подошел к старику, обнял его за плечи. Они были одного возраста, одного роста, но пианист выглядел крупнее, крепче.

- Вова, ну что ты? - спросил он Пнырю и заглянул ему в глаза. - Не факт, что он там. Не факт, понимаешь?

- Я чувствую, - прохрипел Пныря, - я слишком привязался к нему, слишком люблю его, гаденыша, своих-то нет.

- Да что ж ты его хоронишь раньше времени? - покачал головой пианист. - Отправь ребят, пусть все узнают. Сотовый при нем?

- Сотовый есть, и ребят я отправлю. Но только все и так ясно, я чувствую, Михалыч. Это не просто взрыв. Это по мою душу...

- Кто? - шепотом спросил пианист.

- Желающие найдутся.

- Кто слышал, что ты собираешься в галерею? - уточнил пианист. - Вспомни, кто слышал, но не знает, что тебя там нет?

- Молодец, Михалыч! - Пныря вдруг распрямылся, глаза его сухо, страшно блеснули из глубоких глазниц, он схватил со стола радиотелефон и, уже набирая номер, рявкнул охранникам: - Ну, что застыли? Сева, дуй туда, к оцеплению, Коля, проверь машину и здесь все еще раз хорошенько проверь. Петра вызови срочно.

- Так это... - растерянно моргнул охранник Сева, - Петр Петрович в отпуске, в Испании. Только вчера улетел.

- Пусть назад летит! - рявкнул Пныря так, что задрожала посуда. - Чтобы к вечеру явился!

Телефон племянника был отключен. Зато Петр Петрович, начальник Пныриной службы безопасности, ответил тут же. Охранник передал трубку Пныре. Судя по звуковому сопровождению, Петр Петрович находился в этот момент на пляже.

- Хорошо, вылетаю ближайшим рейсом, - ответил он без всяких вопросов и возражений.

Пныря отбросил телефон и посмотрел на часы. Именно сейчас, сию минуту, его племянник Геннадий Николаевич Ларчиков должен был явиться в ресторан обедать. Пныря залпом выпил холодный апельсиновый сок. Больше всего ему сейчас хотелось заткнуть свою проклятую интуицию, как затыкают уши, но десятилетия бурной воровской жизни с отсидками, голодовками по сорок дней, перестрелками, предательствами, горой трупов союзников и противников даром не проходят. Чутье старого вора обострилось до невозможности. Он, как

троянская царевна Кассандра, умел предчувствовать опасность и беду. Пророчествам мифологической красавицы никто не верил, а безошибочному чутью вора Пныри доверяли многие. И правильно делали.

Через несколько минут у входа в ресторан завизжали тормоза. В зал ввалились двое накачанных молодых людей. Их лица и белые рубашки потемнели от крови и копоти. Они были легко ранены осколками разбитого окна, но отказались от помощи, с трудом прорвались через милицейское оцепление.

В момент взрыва надежные охранники, которым была доверена драгоценная жизнь Генаши, пили пиво в баре торговой галереи. Гена Ларчиков сам отпустил их отдохнуть, он был скромным и добрым. Его смущало внимание, которым окружил его в Москве дядя, и он старался облегчить жизнь охранникам.

- Отдохните, ребята, - сказал он им за десять минут до взрыва, непосредственно в антикварном отделе, - здесь пусто, да и кому я нужен?

Воронежскому скромному инженеру хотелось побаловать свою молодую красавицу жену, привезти ей из Москвы что-то настоящее, старинное. Дядя Вова отвалил ему кучу денег на подарки. Он хотел спокойно, без спешки, выбрать украшение для любимой, это дело сложное, можно сказать, интимное, а ребята топтались за спиной и мешали сосредоточиться.

- Там бар на третьем этаже, идите, глотните холодного пивка, - предложил он охранникам.

Потом, сразу после взрыва, они выбрались из-под осколков и поспешили к Генаше. Вокруг была паника, крики, дым. Они упрямо делали племяннику искусственное дыхание, как если бы пытались спасти собственную жизнь. Но было поздно.

Пныря, увидев охранников без Генаши, не сказал ни слова. Уронил лысую голову на руки и тихо завыл, как побитый пес.

* * *

Сестрички давились от смеха, корчились, словно у обеих прихватило животы. Брызнули слезы, потекла тушь, и пришлось снять темные очки. Они пытались успокоиться, но стоило им взглянуть друг на друга, и накатывала новая, мощная волна хохота. Они шли по Большой Бронной и поддерживали друг друга, чтобы не упасть.

На Патриарших они отдышались. В начале бульвара был ларек, в котором продавались сардельки-гриль с жареной картошкой. Рядом стоял единственный столик. На солнечной стороне народу оказалось мало, а у ларька вообще никого, только одинокий пожилой толстячок читал газету на ближайшей лавочке.

Они заказали сардельки, купили две банки воды, одновременно упали на раскаленные пластиковые стулья, одинаково поморщились и охнули, вскрыли металлические банки с теплой колдой, поднесли к губам. Света бросила на стол пачку сигарет.

- Ирка, доставай свой «Ронсон». У моей «Зиппо» горючее кончилось.

- Так быстро? Чего же ты не заправишь? - Ирина принялась рыться в сумке в поисках зажигалки.

- Наверняка уже потеряла, - усмехнулась Света, наблюдая, как сестра вытаскивает

косметичку, щетку, газовый баллончик, пустой флакон из-под туалетной воды «Чарли», скомканный пакет от чипсов, несколько мятых пустых полиэтиленовых мешков, роман-ужастик в мягкой кроваво-черной обложке, нераспечатанную прозрачную упаковку с колготками, – ну что, барахольщица, потеряла? Классная была зажигалочка, покупай тебе после этого хорошие вещи. Ладно, вон тетенька нам ручкой машет, наши сардельки готовы. Я пойду, заберу, заодно попрошу зажигалку, а ты пока, уж будь добра, убери все со стола.

– Сардельки дрянные, из мяса дохлых собак, – проворчала Ира, – надо было пойти в «Макдоналдс».

– Ну, привет! Сама же сказала, что ненавидишь американскую жаренку.

– Там пирожки вполне приличные, и картошечка... – Ира принялась сгребать свое хозяйство назад, в сумку. – А вообще здесь лучше. Тихо, народу никого.

– Ну, куда ты суешь назад всякий мусор? Дай, я выброшу. – Света поднялась, прихватила пакет от чипсов, пустые мешки, флакон.

– Эй, подожди, там еще осталось на донышке!

– Нет там ничего. Барахольщица несчастная... – Света взглянула на сестру сверху вниз со снисходительной нежной улыбкой, но вдруг застыла и нахмурилась. Из сумки показался уголок небесно-голубого шелковистого бархата и тут же скользнул назад, как живой. – Совсем офигела? – произнесла она одними губами.

– Свет, ну ведь жалко, – Ирина подмигнула и виновато пожала плечиком, – оно такое красивое, так идет мне, и тебе тоже. Нам ведь такое в жизни не купить, полторы тысячи баксов... все равно бы пропало... Свет, ну ты чего? Нам ведь вообще выйти не в чем.

– Куда выйти? Думай, что говоришь! Заверни в мешок и выкини в урну.

– Ни за что! – помотала головой Ирина.

– Девочки, вы сардельки свои заберете или как? – закричала продавщица.

– Да, сейчас! – рявкнула Света, еще раз грозно взглянула на сестру и направилась к ларьку.

Когда она вернулась, со стола все было убрано. Ира сидела, обняв свою белую вместительную сумку, и смотрела на сестру преданными сверкающими глазами.

Обе молча принялись пилить вилками толстую розовую шкурку сарделек. Но ничего не получалось, девочки отложили вилки и стали есть прямо так, руками, не только сардельки, но и жареную картошку. Они успели здорово проголодаться, ели с жадностью, набивали полные рты, размазывали кетчуп по губам. У Иры упал хлеб, и она, подняв кусок с асфальта, тут же запихнула его в рот.

Аккуратный толстячок поглядывал на них с любопытством. Он сразу обратил внимание на двух красоток-близняшек и был немало удивлен, заметив, что едят они, как голодные бомжата, грязно, некрасиво. Жрут, а не кушают, при этом движения их совершенно синхронны, словно они – зеркальные отражения друг друга.

Мигом покончив с сардельками и картошкой, обе блаженно откинулись на спинки стульев и закурили.

- Светуль, я все-таки не буду его выбрасывать, ладно? - плачущим голосом произнесла Ира. - У меня просто рука не поднимется.

- Нет, - Света решительно тряхнула волосами, - лучше забудь об этом платье. Мы не можем так рисковать. Не имеем права.

- Ну, Светуль, - всхлипнула Ира, - там ведь никого не осталось. Кто узнает? Ты не думай, я не собираюсь в нем по Москве шляться, я ведь понимаю...

- Умница, - криво усмехнулась Света, - ну и зачем оно тебе, если ты все равно никуда не сможешь его надеть?

- А чтоб было! Должно быть у женщины платье от «Шанель», иначе это не настоящая женщина. - Ира шмыгнула носом, на глазах у нее выступили слезы. - Нет, ну правда, Светуль, мы с тобой заслужили, чтобы у нас было такое платье, одно на двоих. Можно надеть дома, на несколько минут, когда никого нет, просто повертеться перед зеркалом. Ну, ты посмотри на него! - она загасила сигарету, еще раз вытерла руки салфеткой, расстегнула сумку, осторожно вытянула небесно-голубое, невесомое, бархатно-шелковистое чудо, нежно погладила ткань, приложила к щеке.

- А чтоб было! Должно быть у женщины платье от «Шанель», иначе это не настоящая женщина. - Ира шмыгнула носом, на глазах у нее выступили слезы. - Нет, ну правда, Светуль, мы с тобой заслужили, чтобы у нас было такое платье, одно на двоих. Можно надеть дома, на несколько минут, когда никого нет, просто повертеться перед зеркалом. Ну, ты посмотри на него! - она загасила сигарету, еще раз вытерла руки салфеткой, расстегнула сумку, осторожно вытянула небесно-голубое, невесомое, бархатно-шелковистое чудо, нежно погладила ткань, приложила к щеке.

- Убери сию минуту! - нахмурилась Света.

- Нет, ну ты посмотри, потрогай.

- У меня руки грязные. Убери!

Ира послушно спрятала платье и принялась гипнотизировать сестру жалобным, умоляющим взглядом. Глаза у обеих были точно такого, небесно-голубого цвета, как шелковистый бархат платья.

- Ладно, не хнычь, - тяжело вздохнула Света после долгой паузы, - пусть пока лежит, конечно, жалко такую красоту выбрасывать. Но смотри не вздумай там, у нас, надевать. Мигом стукнут маме Зое, тогда, сама знаешь, что будет.

- Да что я, совсем идиотка? - Ира радостно хихикнула.

Толстячок на лавочке продолжал глядеть в газету, но уже не читал, а прислушивался к разговору. Он был рад отвлечься. Очередное скандальное разоблачение крупного государственного чиновника, три столбца грубого бойкого текста, холодная истерика, оплаченная другим чиновником, конкурентом разоблачаемого, вызвала тошную тоску, вредную для здоровья. Летний день тускнел, пруд казался грязным, утки жирными и общипанными, аллея заплыванной, листья пыльными, солнце жгучим и злым, радостный воробьиный щебет начинал резать уши, а прелестные близняшки за столиком у ларька представлялись преступницами, воровками, бог знает кем.

Сколько раз Илья Никитич Бородин зарекался читать газеты, но машинально покупал в ларьке по дороге на службу очередную порцию прессы, с отвращением поедая глазами строки, оправдываясь и извиняясь перед собой, дескать, необходимо быть в курсе текущих политических событий.

- Я так спрячу, что ни одна крыса не найдет, - Ира высморкалась в салфетку, - а когда все кончится, ты сама мне спасибо скажешь, мало ли куда нам придется пойти, будет хотя бы одна на двоих приличная шмотка.

- Ага, вот застукают нас, такое начнется, - нервно усмехнулась Света, - из нас все вытянут, все, до словечка. А если дойдет до...

- Молчи, зануда! - Ира вскинула руку и прижала пальцы к Светиным губам. - Ничего ни до кого не дойдет. У тебя с нервами плохо, сестренка. Ты думай о том, что нам осталось потерпеть совсем немного. И потом начнется настоящая жизнь.

- Я не могу, - Света оттолкнула Ирину руку и помотала головой, - я боюсь, Ирка, я все время боюсь, и ты тоже...

- Ну да, да, и что? Вешаться теперь? Слушай, а может, смотаемся туда прямо сейчас?

Света молча покачала головой и покрутила пальцем у виска.

Илья Никитич замер, пытаясь переварить услышанное, и не заметил, как рядом с ним присела на краешек скамейки стройная элегантная дама. Он обратил на нее внимание только тогда, когда она тихо произнесла:

- Добрый день, Илья Никитич. Извините, я немного опоздала, заставила вас ждать в такую жару, причем на самом солнцепеке. Мне почему-то казалось, что в это время солнце будет с другой стороны.

- Здравствуйте, Евгения Михайловна! - он улыбнулся, поспешно встал, взял ее руку, хотел поцеловать, но, как всегда, не решился, ограничился сухим рукопожатием, - жара - это ничего. Это даже приятно. В Москве так редко бывает настоящее лето, в прошлом году я не помню ни одного ясного солнечного дня, сплошные дожди.

- Люся приходит в себя, я даже сократила дозы транквилизаторов. У меня масса информации, - сказала Руденко. - Со стороны это может показаться полнейшим бредом, но, кажется, я знаю, как зовут убийцу.

- Да что вы говорите! - Бородин улыбнулся радостно, но как-то рассеянно, и доктор Руденко немного обиделась.

- Его зовут Руслан. Люся называет его Русланчиком. Есть большая вероятность, что он член какой-то сатанинской секты. Там, знаете, дикая смесь - вампиры, ведьмы, божества религии вуду.

- Нет, а чего? - продолжала между тем уговаривать сестру Ирина. - Неужели тебе не хочется взглянуть, что там творится? А, Светуль? Ну, на минуточку! Мы просто мимо пройдем, по другой стороне улицы.

- Отстань, - Света взглянула на часы, - все, нам пора. Электричка через час, пока до вокзала доедем...

- Свет, ну давай, а? - Ира вскочила так резко, что сумка упала с колен. - Нам все равно от Пушки до Савеловского по прямой...

- Через Маяковку, - покачала головой Света, - мы доедем до вокзала через Маяковку.

- Там с пересадкой, и идти дальше. Потеряем время, - возбужденно зашептала Ира, подхватила сумку и побежала по аллее в сторону Пушкинской.

- Стой, балда несчастная! - простонала Света, кинувшись вслед за сестрой.

Бородин тревожно посмотрел им вслед, схватил Евгению Михайловну за руку и пробормотал:

- Давайте немного погуляем, поговорим по дороге. - Он чувствовал, что его так и тянет в сторону Пушкинской, и усмехнулся про себя: «Сейчас мы выйдем на площадь и узнаем, что часа полтора назад там кого-то застрелили или сработало взрывное устройство в автомобиле. Нет, это у меня от жары. В моем возрасте нельзя сидеть на солнцепеке с непокрытой головой».

- Илья Никитич, вы поняли, что я вам сказала? - нахмурилась Евгения Михайловна. - Мне кажется, вы где-то не здесь.

- Я здесь, простите, меня разморило на солнце. Я очень внимательно вас слушаю. Вы сказали, его зовут Руслан, и что-то еще о вампирах, ведьмах и вуду.

- Я понимаю, звучит совершенно безумно, я сразу после разговора с Люсей все записала, вам надо обязательно прочитать. Правда, почерк у меня докторский, то есть совершенно непонятный. Я сегодня же введу текст в компьютер, отпечатаю на принтере.

- Да, конечно... спасибо...

Он почти бежал, у него началась одышка, было трудно говорить. Евгения Михайловна едва поспевала за ним.

- Илья Никитич, куда мы так несемся, мы же собирались просто погулять, вас разморило на солнце, очень опасно бегать в такую жару.

- Я привык бегать, - он взял ее под руку, - вот дойдем до Пушкинской, потом будем гулять.

- А что на Пушкинской?

- Надеюсь, ничего.

Глава двадцать шестая

- Классная дача у Солодкина, - неожиданно выпалила на бегу Света, - как тебе его жена?

- Никак. Он ее рано или поздно все равно посадит на иглу. Так что и говорить о ней нечего. Можно считать, труп. Как и сам Солодкин. Если человек на игле, он труп.

- Слушай, неужели правда Люська его дочь?

- Конечно. Во-первых, она на него действительно похожа, во-вторых, он же не ради нас, таких красивых, мотается со своей видеокамерой в «Очаг». Идиотам вообще везет, а уродам и

дебилам особенно. Ты не заметила? – Ира хохотнула и скорчила отвратительную рожу – вытаращила глаза, растянула поджатые губы, пальцем сплющила нос и на минуту стала чем-то похожа на Люсю.

– Тогда почему он не возьмет ее домой? И почему появился только сейчас?

– Отцовские чувства разыгрались, совесть замучила, а может, просто свихнулся от наркотиков. Да хрен его знает, – Ира махнула рукой, – я вообще не понимаю, зачем такие, как эта Люська, живут на свете.

То же самое Ира сказала семь лет назад, когда они попали в семейный детский дом и увидели Люсю. Низенькая, толстая, с плоским лицом, с круглыми глупыми глазами. Такой уродины, такой идиотки сестрички еще не встречали.

Она все время улыбалась и старалась всем угодить, понравиться, со всеми хотела подружиться, но особенно навязчиво льнула к близняшкам, ходила за ними по пятам, заглядывала в глаза, чистила им сапоги, стелила постели, красиво взбивала подушки и сама была готова стелиться перед ними, словно коврик, у которого нет другого назначения, кроме того, чтобы по нему ходили ногами. Она подметала и мыла пол каждый день, а перед сном изводила рассказами о своей волшебнице тете, у которой в пушистых клубочках пряжи хранятся немыслимые сокровища, драгоценные камни, золотые монеты. Близнецы обязаны были относиться к идиотке как к родной сестре. Они не имели права ее обидеть, за это их могли посадить в дисциплинарный карцер, в сырой темный погреб под сараем.

Но Люсю нельзя было не обидеть. От нее исходил особенный, ни с чем не сравнимый, сладкий и манящий запах жертвы. Разве может остановиться акула, чувствуя кровь? Разве в силах охотничья собака не бежать за подстреленной дичью?

К тринадцати годам Люся стала еще уродливей, лицо ее покрылось подростковыми прыщами. Сестры тихо корчились от смеха, наблюдая, как она прилипает к зеркалу, без конца чем-то мажет прыщи, возится со своими несчастными жиденькими сальными волосенками, делает идиотские прически, нанизывая на голову всякие яркие резинки, заколки, зажимы, штук по десять на каждую прядь.

Сестричкам на шестнадцатилетие подарили бутылку дорогого французского бальзама для волос. Однажды они заметили, что Люська потихоньку, без спроса, пользуется их бальзамом. Возможно, если бы она попросила, они бы разрешили, но она стеснялась, и это было противно. Сестрички не пожалели всей своей наличности, отправились в Лобню, купили тюбик с ароматным французским депилятором, который «удаляет нежелательные волосы нежно и эффективно», выдавили бальзам в майонезную баночку, спрятали, а бутылку наполнили депилятором. По цвету и густоте он практически не отличался от бальзама.

Они старались не смотреть на Люсю, когда она вышла из душа с полотенцем на голове. Их душил смех, они кашляли, хрипло, тяжело, как при бронхите. Самым мучительным был момент, когда Люся размотала полотенце и принялась расчесывать свои жалкие перышки. Сестричкам казалось, что они сейчас просто насмерть захлебнутся смехом. Почерневшие, скорченные пряди оставались на щетке, на руках, валялись на плечи. Люся выпучила глаза, раскрыла рот, но не могла издать ни звука, трясущимися пальцами ощупывала голову и все снимала, снимала сожженные клочья волос, собирала их в пригоршни, разглядывала ошеломленно и опомнилась лишь тогда, когда встретилась глазами со своим отражением в зеркале.

Кое-что все-таки осталось у нее на голове. Французский крем был нежен, но не так уж эффективен. Люся полысела местами, как будто болела стригучим лишаем. Именно этот диагноз и поставила ей Света, когда, кашляя и обливаясь слезами, попыталась по-матерински утешить бьющуюся в истерике девочку.

- Горе ты наше, дурочка несчастная. Вот видишь, даже я реву, так жалко твои шикарные волосы! Ирка тоже ревет. Ну что теперь делать? Мы тебя предупреждали, не трогай бродячих кошек, - говорила она, стряхивая мертвые, похожие на обгорелую паклю волосы с тумбочки под зеркалом, сметая их на совок, - мы, наверное, тоже заразились, и все в доме заразились. Нельзя думать только о себе, Люся. Ты живешь в семье и обязана нести ответственность за каждого ее члена.

- Если ты так любишь кошек, обязательно мой руки после того, как трогаешь их, - простила сквозь кашель и слезы Ирина, - нельзя быть грязнулей. Видишь, чем это кончается?

Дать волю здоровому смеху удалось только через пару часов, когда бледную дрожащую Люсю отправили в изолятор, а их - в Лобню, за фельдшерницей. Было одиннадцать вечера, лил холодный дождь. Фельдшерница жила на окраине, в собственном деревянном домике. Идти надо было по шоссе, потом через поле, по проселочной дороге, потом опять по шоссе, всего три километра. Они шли под одним зонтиком, в пятнистых камуфляжных куртках, в потертых джинсах, в резиновых сапогах, и всласть ныряли в бушующие горячие волны смеха, выпрыгивали, хватали ртом черный ночной воздух, наполненный искрами мелкого дождя, и к дому фельдшерницы подобрались чуть ли не ползком, так ослабли.

Фельдшерницу они подняли с постели, испуганные, со слезами на глазах, рассказали, что с их любимой сестренкой случилась беда. Ирина икала, и старушка заставила ее выпить залпом стакан воды.

Разумеется, фельдшерница никакого стригучего лишая у Люси не обнаружила, а когда узнала, что волосы отвалились после использования импортного питательного бальзама, прочитала целую лекцию о вреде зарубежной косметики и пользе народных средств: яичных желтков, кефира и крапивного отвара. Чтобы новые волосы выросли быстрее, посоветовала Люсе мазать кожу головы тертым сырым луком.

Люся последовала совету. Волосы отрастали быстро, но еще быстрее росла тихая веселая ненависть коллектива. Дети с удовольствием затыкали носы, изображали приступы тошноты, стоило Люсе появиться в классе, в столовой, в игровой комнате. Прозвище «вонючка» звучало только шепотом, когда не было поблизости взрослых. Устав не позволял использовать бранные слова, и дети вежливо объясняли, что от этой девочки очень плохо пахнет, с ней невозможно находиться рядом. Коллектив сильных детей нуждался в жертве, и взрослые позволили своим питомцам немного позабавиться. Правда, они тщательно следили, чтобы забава не заходила слишком далеко, и, когда у Люси появились первые признаки реактивного психоза, ей ласково предложили отказаться от луковых процедур, поскольку коллективу не нравится запах. Она бурно каялась, но продолжала таскать луковицы с кухни.

К Люсе иногда приезжала молодая приятная женщина, ее родная тетя Лилия Анатольевна Коломеец. Идиотка тяжело, как медведь, прыгала, без конца обнимала и целовала женщину, носилась по дому с воплем:

- Ко мне тетечка Лилечка приехала! Моя тетечка родненькая!

Явившись через неделю после истории с удалением волос и увидев свою несчастную

племянницу, «тетечка Лилечка» устроила настоящий скандал, велела Люсе собирать вещи и принялась допрашивать всех подряд, приставать с вопросом «Кто это сделал?».

Мама Зоя пригласила ее к себе в кабинет, они проговорили за закрытой дверью примерно полчаса, после чего «тетечка» удалилась вместе с Люсей. Вернулась Люся дней через десять. Волосы ее были коротко подстрижены, прыщей стало меньше. С тех пор тетя забирала ее довольно часто, почти на каждые выходные.

У них все кипело внутри, когда они видели, как суетятся вокруг этой уродины взрослые. Они готовы были полжизни отдать, чтобы иметь такую вот тетю и хотя бы изредка уезжать с ней от мамы Зои. Но никому, даже друг другу, они никогда бы не признались в этом.

Однажды появилась какая-то шикарная пожилая мадам на «Мерседесе», вся в бриллиантах. Говорили, что она спонсор, однако она первым делом познакомилась с идиоткой, как будто не было у мамы Зои других детей. Потом стал приезжать этот странный Солодкин. Он что-то болтал о кино и снимал все подряд. Просто сценки из жизни семейного детского дома. Руки у него так тряслись, что становилось страшно за дорогушую видеокамеру. И он тоже, как нарочно, не отлипал от Люськи, разговаривал с ней, гладил по головке. А ими, такими красивыми, умными, не интересовался никто на свете.

Дойдя до Пушкинской, они остановились у «Макдоналдса». На противоположной стороне, справа от памятника, было милицейское оцепление, стояли пожарные машины и «скорая», толпа текла по Тверской, огибала оцепление, отсеивая кучки зевак, которые, постояв немного, двигались дальше.

- Ну что, полюбовалась? - спросила Света. - Все, быстренько в метро, - она потащила сестру за руку.

- Нет, ну класс, а?! - весело крикнула Ира, и они скрылись в метро.

* * *

Илья Никитич подошел к милиционеру в оцеплении, показал свое удостоверение и спросил, в чем дело.

- В одном из магазинов галереи час назад сработало взрывное устройство, - объяснил молоденький сержант.

Бородин растерянно оглядывался по сторонам, будто искал кого-то в толпе.

- Илья Никитич, - зашептала ему на ухо Евгения Михайловна, - вы думаете, те две девочки, близнецы, как-то причастны к взрыву? Это за ними мы с вами гнались?

- Не знаю. Я слышал их разговор. Там прозвучала наша с вами легендарная «мама Зоя», и еще много чего прозвучало. Не знаю, голова идет кругом.

- Может, вам почудилось «мама Зоя»? Вы все время думаете об этом...

- Мне надо поговорить с кем-то из опергруппы. Евгения Михайловна, подождите меня на лавочке у памятника, я скоро.

В галерее работали трассологи ФСБ. Бородин тут же заметил своего знакомого, подполковника Свиридова, высокого седовласого красавца с черными бровями и усами.

- Илья Никитич, какими судьбами? - удивился Свиридов.
- Скажите, Федор Григорьевич, эпицентр взрыва находился в магазине эксклюзивной женской одежды?
- Да, а откуда вы знаете?
- Остался здесь кто-нибудь из работников галереи?
- Там на втором этаже несколько человек еще дают показания. Илья Никитич, объясните, в чем дело?
- Потом, Федор Григорьевич, потом. Сначала я должен поговорить со свидетелями. Там есть кто-то из сотрудников того магазина, где произошел взрыв?
- Есть менеджер. Он в это время как раз уходил обедать.
- Отлично!

В баре на втором этаже подполковник усадил Илью Никитича за стол, отошел и через пару минут вернулся вместе с бледным молодым человеком в дорогом светлом костюме.

- Я ведь уже все рассказал, - хрипло произнес молодой человек, полез в карман, вытащил мятую пачку «Парламента». Руки у него тряслись, на лбу блестела испарина, - я не могу больше здесь оставаться, мне нехорошо. Такой стресс...
  - Мой коллега задаст вам несколько вопросов, и вы сразу поедете домой, - утешил его подполковник.
  - Скажите, в вашем магазине продавались вечерние платья фирмы «Шанель»?
- Молодой человек сильно закашлялся, из глаз брызнули слезы, он загасил сигарету, вытащил бумажный носовой платок, громко высморкался и несчастным, сорванным голосом произнес:
- Да, недавно завезли новую коллекцию. А в чем дело?
  - Это действительно «Шанель»? - Бородин удивился, заметив, как бегают глаза менеджера, как часто он моргает.
  - Да, недавно завезли новую коллекцию. А в чем дело?
  - Это действительно «Шанель»? - Бородин удивился, заметив, как бегают глаза менеджера, как часто он моргает.
  - Нет, а что такое? - молодой человек стал вытягивать еще сигарету, никак не мог уцепить ее, отбросил пачку так резко, что она упала на пол, наклонился, чтобы поднять, и, разгибаясь, сильно стукнулся головой об угол стола.
  - Что вы так нервничаете? - мягко спросил подполковник.
  - А вы бы на моем месте не нервничали? - зло усмехнулся менеджер. - Меня чудо спасло, я мог запросто оказаться в магазине во время взрыва. Запросто! Может, это вообще меня заказали, вы знаете, какая у нас дикая конкуренция?

- Эдуард Сергеевич, - покачал головой Свиридов, - ну мы с вами это уже обсуждали. Взрыв был не заказным убийством, а террористическим актом, преступники не ставили перед собой цель убить кого-то конкретно.

- На вашем месте, Эдуард Сергеевич, я бы радовался, что остался жив, - заметил Бородин, - так все-таки это действительно были платья от «Шанель»? Вы получили их из Парижа?

- Я не понимаю, какое отношение это имеет к преступлению? И какая разница, откуда мы получили модели, которые все равно погибли?

- Ну ладно, - вздохнул Бородин, - происхождение моделей меня действительно не особенно волнует. Из Парижа вы их получили, из Пекина, из Гонконга, с фабрики «Красный пролетарий», совершенно не важно. На них были пришиты ярлыки «Шанель»?

- Ну да, да! - сморщившись, выкрикнул менеджер.

- Очень хорошо, - одобрительно кивнул Бородин, - и не надо так нервничать. Вы не могли бы припомнить, было ли в коллекции платье из небесно-голубого тонкого бархата?

Несколько секунд менеджер молчал, глядя стеклянными застывшими глазами прямо перед собой, наконец медленно и почти спокойно произнес:

- Будьте любезны, объясните, пожалуйста, почему вас так заинтересовала последняя коллекция вечерних платьев от «Шанель»? Какое отношение к взрыву имеет платье из голубого бархата? Что вы мне голову морочите, в самом деле?

- Послушайте, господин Радченко, вы выбирайте выражения, - подполковник грозно сдвинул свои угольные брови, - извольте четко отвечать на вопросы. Вас спрашивают, было ли в новой коллекции голубое бархатное платье.

- Я затрудняюсь ответить, - отчеканил менеджер и сделал надменное лицо, но руки у него дрожали все заметней.

- Позвольте узнать, почему? Вы плохо помните ассортимент последней коллекции? У вас должен быть документ с перечнем и описанием. Давайте посмотрим вместе.

- Нет, я, честное слово, не понимаю, с какой стати вы застреваете на таких пустяках... Это как-то непрофессионально... - Радченко поджал губы и скосил глаза, - ну что вы прицепились к несчастному платью?

- Мы прицепились потому, господин старший менеджер, что вы упорно не хотите ответить, - мягко улыбнулся Бородин, - вопрос действительно пустяковый, но у вас он вызывает столько эмоций, что нам стало чрезвычайно интересно.

Несколько секунд менеджер молчал. Бородин не торопил его, но взглянул на часы. По лицу менеджера, круглому, гладкому, с бесцветными бровями и неприятными губами-ниточками было видно, какая сложная внутренняя работа происходит сейчас в его голове. Ему стоило больших усилий успокоиться и произнести нормальным, тихим голосом:

- Я не могу вам ответить потому, что платье было продано. Купили его, понимаете? Стало быть, в магазине его уже нет. Ясно вам? Нет платья. Ни одного не осталось, и выручки не осталось. Пропал магазин.

- Его продали сегодня?
- Какая разница? Ну какая теперь разница? Сегодня, вчера, в прошлом месяце, – он покраснел и говорил очень громко, почти кричал, – это был лучший бутик фирмы, понимаете вы или нет?
- Эдуард Сергеевич, пожалуйста, ответьте на вопрос. Платье из голубого бархата продали сегодня?
- Да, сегодня! – рявкнул менеджер. – Я могу идти, наконец?
- Еще одну минуту. Кто и в котором часу его купил?
- Понятия не имею.
- Ну как же, Эдуард Сергеевич, – вкрадчиво произнес подполковник Свиридов, – вы же сами сказали, что сегодня с утра не отлучались из магазина. Покупателей у вас мало, а покупка серьезная, дорогая. Неужели не заметили?
- Это произошло без меня, – менеджер с ненавистью покосился на подполковника.
- Откуда в таком случае вы знаете? – любезно улыбнулся Свиридов.
- Продавщица Наташа Иваненко позвонила мне на мобильный и спросила, можно ли сделать скидку на это платье.
- Изначальная цена полторы тысячи долларов? – быстро спросил Бородин.
- Да, именно так. Модель красивая, но неперспективная.
- Маленький неходовой размер? На очень худую высокую женщину? – радостно уточнил Илья Никитич.
- Да, совершенно верно... А откуда вы?..
- Не важно, откуда я знаю. В котором часу вам позвонила продавщица?
- Я не помню.
- Ну как же? – вмешался подполковник. – Как же не помните? Вы ушли обедать, значит, продавщица звонила вам как раз во время обеда, то есть примерно за полчаса до взрыва.
- Я не помню, – прошептал Радченко, бледнея, – мне нехорошо, я совершенно ничего не помню.

Белого как смерть менеджера отпустили, он ушел, шатаясь.

- Он не хлопнется в обморок по дороге? – спросил Свиридов, провожая взглядом фигуру в светлом костюме, – по-моему, ему нужен врач.
- Федор Григорьевич, они сейчас едут в электричке. Савеловское направление. Либо ждут на вокзале, – быстро, хрипло заговорил Бородин, – две девушки, близнецы, на вид лет семнадцать. Я видел их полчаса назад на Патриарших, слышал их разговор, у одной из них в сумке было это самое платье из голубого бархата. С Патриарших они побежали сюда, на Пушкинскую, взглянуть на результат, а потом должны были отправиться на метро на Савеловский вокзал.

Свиридов моментально набрал номер на своем мобильном телефоне, передал трубку Бородину. Илья Никитич очень подробно описал приметы близняшек, сообщил, что одну зовут Ирина, другую Светлана.

* * *

Они попали в перерыв, но ждать электричку не пришлось. У касс к ним подошел маленький бритоголовый юноша в боксерской майке и длинных сатиновых шортах. На голом накачанном плече красовалась татуировка, череп, окруженный красными розами. Лицо юноши было багровым и потным, он тяжело дышал.

- Ой, Гулливер! - удивленно воскликнула Ира. - Ты здесь что делаешь?
- Вас ищу, - высоким, почти женским голосом сообщил юноша, - идем, быстро, блин, к машине.
- А что случилось? - спросила Света, - мы же на завтра договаривались.
- Быстро пошли, я сказал, в машине вам объяснят, блин.

Он схватил Иру за руку, тут же рядом со Светой возник другой юноша, повыше и потоньше первого, тоже в майке и шортах, и с такой же татуировкой на плече. Он стальными пальцами сжал Светино запястье. Девочки видели его впервые.

- Гулливер, это кто? - спросила Ира.
- Телок, - коротко ответил Гулливер.
- Слушай, Телок, мне больно, между прочим, - Света попыталась выдернуть руку, -пусти, дурак, совсем офигел! Гуля, ну в чем дело, ты можешь по-человечески объяснить?
- Велено вас доставить в Лобню на машине.
- Кем велено? Почему?
- Да ты че, Свет, в натуре, не переживай, вам же лучше, приятней, чем в электричке трястись. Сам позвонил, велел отловить вас на вокзале. Слышь, Теля, отпусти ее.

На бесплатной стоянке у вокзальной площади их ждал черный джип. Девочек усадили на заднее сиденье, юноши в шортах разместились по бокам. Машина выехала со стоянки и вскоре растворилась в потоке автомобилей на Новослободской.

А через минуту на стоянку примчались два милиционера, огляделись, подскочили к лиловой «Ладе», в которой сидел пожилой мужчина и читал газету.

- Вы видели здесь двух девушек? - обратились к нему милиционеры сквозь открытое окно. - Они одинаковые, высокие, худые, с длинными светлыми волосами.
- Как это - одинаковые? - пожилой испуганно заморгал.
- Близнецы. На вид лет семнадцать. Очень красивые, на фотомоделей похожи.
- Вроде видел, - важно кивнул владелец «Лады», - с ними еще два братка шли, голые, в трусах.
- Ну?! - обрадовались милиционеры. - Вы заметили, в какую они сели машину?

- В машину? - свидетель долго думал, морщил лоб, наконец произнес неуверенно: - В «Мерседес» шестисотый. А может, в джип. Уж конечно, не в «Москвич» и не в «жигуленок».

- Так в «Мерседес» или в джип? Это ж большая разница. Хотя бы скажите, какого цвета машина?

- Откуда я знаю? - почему-то рассердился свидетель. - Я за это зарплату не получаю.

Самое обидное заключалось в том, что дежурные лейтенанты, старший и младший, давно заметили девочек, младший отошел за мороженым, а старший остался и долго глазел на двух одинаковых красоток, просто потому, что на них было приятно поглазеть. Он видел, как они стояли у расписания, оживленно болтая о чем-то, потом прошлись вдоль ларьков, купили одну банку фанты, пили по очереди. Когда к ним подлетел лысый маленький «качок» в сатиновых трусах, старший лейтенант подошел поближе. Уж больно неприятно выглядел парень, и благородный милиционер подумал, не понадобится ли его помощь. Однако лысый оказался знакомым близняшек, и лейтенанту стало немножко жаль, что у таких красивых девочек такие противные знакомые.

Рация просигналила, когда красавицы уже исчезли в толпе вместе с лысым и еще с одним, таким же, но повыше, который появился на минуту позже и с другой стороны. К старшему лейтенанту подбежал его напарник, младший лейтенант. Он тоже получил ориентировку на близнецов. Они рванули к стоянке, но было поздно. Единственное, что они могли сделать, это сообщить по рации, что объекты, побывав на вокзале, скрылись на неизвестной машине в неизвестном направлении в сопровождении двух накачанных лысых мужчин в сатиновых трусах.

Глава двадцать седьмая

- Ну вот, я как тот рояль, который стоял в кустах, - улыбнулся Бородин, присаживаясь на лавочку рядом с Евгенией Михайловной, - пойдете куда-нибудь, поедим. Устал ужасно.

- Неужели правда они? - Евгения Михайловна покачала головой. - И вы точно помните, что они упомянули маму Зою?

- Отлично помню. Более того, я обратил внимание, что они говорили о ней со страхом.

- Две террористки боятся маму Зою? - грустно усмехнулась Евгения Михайловна. - Илья Никитич, а ведь нам с вами здорово повезло. Я чувствовала, что это дело должно сдвинуться с мертвой точки. Теперь ФСБ быстро найдет близнецов, они расскажут наконец, кто такая мама Зоя...

- Ох, Евгения Михайловна, давайте погодим радоваться, - Бородин поднялся, - что здесь есть поблизости?

- «Макдоналдс», «Пицца-хат», мой дом, - она взяла его под руку, - у меня в холодильнике судак в кляре, печеночный паштет, баклажановый салат, правда, из кулинарии, но все очень свежее и вкусное. В морозилке лежит мороженое, а главное, у меня есть запись разговора с Люсей Коломеец, и я за полчаса сделаю то, что обещала, распечатаю текст, выведу на принтере и дам вам прочитать. Я действительно живу совсем недалеко, на улице Чехова.

- Вы меня приглашаете в гости? - Бородин почувствовал, как предательски краснеет.
- Нет, если вы против...
- Я за, я категорически за!

Несколько минут они шли молча. Бородин так разволновался, что у него опять началась одышка.

«Старый, старый, старый дурак, - повторял он про себя в ритме шагов, - дурак и бездельник, ты посмотри на нее и на себя. Вообще, посмотри на себя со стороны, о чем ты думаешь? Что воображаешь в дурной своей башке? Вспомни этого мальчика, Колю Телечкина, его жену Алену с большим животом и красными от слез глазами. Рана у Коли на спине имела ромбовидную форму. Тот же нож. Из-за тебя, следовательно Бородин, лейтенант Телечкин чуть не погиб, ибо ты, вместо того чтобы вычислять ублюдка, ловить его, утопаешь в своей влюбленности, смешной и совершенно никому не нужной. Сегодня или завтра он еще кого-нибудь убьет. Как сказала несчастная пьянчужка Марина, для него это главный кайф. Конечно, с близнецами мне здорово повезло, такие счастливые случайности бывают два-три раза в жизни... Впрочем, везение - это всего лишь дармовщинка... Ничего хорошего от нее ждать не стоит».

- Илья Никитич, надо зайти в магазин, у меня нет хлеба и кофе кончился. Я за ночь выпила, наверное, литр крепкого кофе, извела все запасы, искала, кто такие добрый Лоа и злой Бака... Возьму, пожалуй, молотый. В зернах, конечно, лучше, но придется гудеть кофемолкой.

У кассы Бородин вытащил бумажник.

- Илья Никитич, я расплачусь, мы ведь не в ресторане, - удивилась Евгения Михайловна, - кофе вы все равно не пьете.

- Почему не пью? - проворчал Бородин и отсчитал деньги. - Вы наверняка варите отличный кофе, я ведь должен попробовать. Одну минуточку, - он взял у нее из рук пакет с покупками, - вы сказали, вуду?

- Сейчас я этого не говорила, - покачала головой Евгения Михайловна, - я только пожаловалась, что не спала всю ночь, выясняя, кто такие Лоа, Бака, Маман Бригит. Давайте я все-таки отдам вам деньги, мне неудобно, честное слово.

- Ну да, да... - он отстранил ее руку, - перестаньте, Евгения Михайловна, давайте не будем отвлекаться на всякую чепуху. Значит, религия вуду... однако это может быть пустым совпадением, - пробормотал он еле слышно и, откашлявшись, добавил ненатуральным бодрым голосом: - Простите, Евгения Михайловна, я вас перебил.

- Вы меня не перебили, - она улыбнулась, - вы меня озадачили. Про вуду я еще ни слова не сказала. Мне понадобилось перерыть кучу литературы, чтобы докопаться до этой несчастной вуду, а вы с ходу определили происхождение героев. Вам что, уже приходилось вести дела, в которых фигурировала религия вуду? Или вы так потрясающе образованны?

- Ну, во-первых, вы упомянули вуду сегодня, когда мы мчались на Пушкинскую, а во-вторых, мне совсем недавно пришлось услышать это слово.

- А, поэтому вы что-то сказали о пустом совпадении?

- Не важно. Нет никакого совпадения, даже пустого, - быстро произнес Илья Никитич, - сейчас модны всякие мистические штуки, вуду в том числе. Выпускается масса псевдонаучной литературы, делаются телепередачи, есть куча американских фильмов на эту тему. Живые мертвецы, зомби...

- Конечно, - кивнула Евгения Михайловна, - модно. Однако не только сейчас. Всегда. Взрослые любят страшные сказки не меньше, чем дети. В любой мифологии есть тема магического оживления умерших. У нас, например, живая и мертвая вода. Знаете, а ведь получается все более или менее логично. Удивительное ощущение, когда из хаоса, из бреда вдруг начинает проступать нечто определенное. Допустим, где-то под Москвой существует семейный детский дом. Вы не сумели найти его просто потому, что по документам он может вовсе и не называться детским домом. Это многодетная семья, где всех детей усыновили. Но одновременно это что-то вроде секты или тайного общества, где занимаются всякой дребеденью, опасной для психического здоровья. Вероятно, цели вполне прагматические, далекие от мистики. Абсолютная власть над детьми и использование этой власти в криминальных целях. В принципе, в каждой террористической организации есть черты мистицизма.

- Да. Пожалуй, вы правы. Если дети усыновленные, то у Люси может быть совсем другая фамилия. Она должна ее знать. Как думаете, скажет она вам?

- Сомневаюсь. Я уже пыталась. Конечно, не знать она не может, но упрямо молчит. Там был еще какой-то папа Василий. Впрочем, что я вам рассказываю? Лучше вы сами прочитаете. Ну вот, мы пришли.

Евгения Михайловна жила в темно-сером доме, мрачном и добротном, построенном в начале века. Квартира была коммунальной, соседи, старик со старухой, мгновенно высунулись из своей комнаты, чтобы посмотреть на гостя. Бородин поздоровался и спросил Евгению Михайловну, где телефон.

- Здравствуйте! - возбужденно крикнул он в трубку. - Это Бородин. Мне нужно узнать в подмосковных паспортных столах по Савеловскому направлению, выдавал ли кто-нибудь паспорта девушкам-близнецам. Когда? Погодите, когда начали выдавать - с четырнадцати? Ну, в общем, сейчас им от шестнадцати до восемнадцати, высокие, очень красивые блондинки с голубыми глазами. Да, совершенно одинаковые. Одну зовут Светлана, другую Ирина.

Соседи между тем продолжали стоять в дверях, вытянули шеи и раскрыли рты, как гуси. Бородин положил трубку и вопросительно взглянул на Евгению Михайловну. Она широко улыбнулась и, сложив ладони рупором, прокричала:

- Все в порядке! Ничего интересного!

Соседи закивали и спрятались в своей комнате.

- Они милые люди, - сообщила Евгения Михайловна, - но чрезвычайно любопытные. Оба почти глухие, телевизор включают так громко, что нам с сыном приходится вставлять затычки в уши, из-за этого мы тоже глоснем и орем, если хотим что-то сказать друг другу. А с паспортными столами вы отлично придумали. Надеетесь опередить ФСБ?

- Надеюсь, - признался Бородин, - если их возьмут, мне будет сложно их допросить по моему делу, придется либо рассчитывать на любезность подполковника Свиридова, либо обращаться к начальству. А не хочется.

На чистенькой просторной кухне было два холодильника и два стола. Евгения Михайловна включила чайник, принялась доставать пластиковые баночки с едой, нарезать хлеб. Бородин между тем рассказывал ей о несчастной алкоголичке Марине.

- Теперь есть словесный портрет, - произнес он печально, - но лицо настолько неприметное, что с таким же успехом по этой ориентировке можно разыскивать мужчину с плаката по пожарной безопасности.

- Картинка у вас с собой? - быстро спросила Евгения Михайловна.

- Разумеется. Несколько экземпляров таскаю в портфеле, как сентиментальный американец фотографии любимого семейства.

- Сегодня же поеду в клинику и дам Люсе, скажу, опять встретила Руслана и он просил передать ей его портрет, - она взяла фоторобот в руки, - да, действительно, совершенно плакатная физиономия, и никаких особых примет.

- Почему он не убил проститутку пять лет назад, оставил живую свидетельницу? - задумчиво спросил Бородин, вернувшись в кухню. - Почему вдруг исчез из квартиры? Когда он уходил, уже знал, что не вернется, иначе вряд ли забрал бы магнитофон, кассеты, африканские маски. Для всего этого нужна большая сумка либо чемодан. Допустим, кто-то ему позвонил, сообщил нечто важное, и он удрал. Но в квартире не было телефона.

- Почему он не убил проститутку пять лет назад, оставил живую свидетельницу? - задумчиво спросил Бородин, вернувшись в кухню. - Почему вдруг исчез из квартиры? Когда он уходил, уже знал, что не вернется, иначе вряд ли забрал бы магнитофон, кассеты, африканские маски. Для всего этого нужна большая сумка либо чемодан. Допустим, кто-то ему позвонил, сообщил нечто важное, и он удрал. Но в квартире не было телефона.

- Розетка была?

- Вот этого я не знаю. Думаете, аппарат он тоже мог прихватить?

- Конечно. Но это в принципе уже не важно, - Евгения Михайловна поставила на стол тарелки, выложила баклажановый салат в прозрачную миску, - он мог уйти просто потому, что ему стало скучно мучить полумертвую девушку. Надоело, и все. Она уже ничего не чувствовала, она ведь сказала, что он все время смотрел ей в глаза, пока истязал. А когда эти глаза перестали выражать что-либо, он потерял интерес к жертве.

- Допустим, - кивнул Бородин, - но почему он оставил живую свидетельницу?

- Во-первых, мог не заметить, что она еще жива. Во вторых, он наелся. Нажрался, понимаете? Получил свою дозу удовольствия и ошалел, не подумал о том, чтобы заметить следы. Ну, неохота ему было об этом думать. Ведь большинство известных маньяков не замечало следов. Просто бросали растерзанную жертву в лесу или еще где-то, более того, многие потом признавались, что им было особенно приятно представлять себе лица людей, которые найдут жертву.

- Мертвую жертву, - напомнил Бородин.

- Но убитую не ради молчания, а ради удовольствия.

- Иными словами, вы считаете, он болен?

- Да, конечно. Если ваша пьянчужка не обозналась.

Илья Никитич застыл с вилкой у рта. Кусок рыбы соскользнул назад, в тарелку. Он не стал говорить, что фоторобот уже был показан младшему лейтенанту Телечкину. Коля долго, мучительно вглядывался в картинку, печально вздыхал и наконец сообщил, что получается пятьдесят на пятьдесят. Может, это тот самый убийца, с черепами и свастикой, а может, совсем другой человек. Вот если бы увидеть его живого, тогда да, не ошибешься. А фоторобот – вещь приблизительная.

- Я понимаю, вы устали наткаться на тупики, – улыбнулась Евгения Михайловна, – ведь маска черта тоже оказалась выдумкой?

- Откуда вы знаете? – глухо кашлянув, спросил Бородин.

- Мне так кажется. Вы специально отправились в магазин, отыскали эту пакость, купили, потом натянули на голову. Это было в некотором смысле актом отчаяния. Дело зависло, убийца гулял на свободе, Люсе становилось все хуже, начальство настаивало, что в этом убийстве нет судебной перспективы. Вам надо было как-то действовать, вы понимали, что это только иллюзия движения, но не могли стоять на месте. Верно?

Бородин молча кивнул и наконец отправил в рот кусок рыбы.

- Должна вам сказать, – продолжала Евгения Михайловна, – когда я рылась в словарях и энциклопедиях, искала всяких идиотских Лоа, Бака, Маман Бригит, мне тоже казалось, что я занимаюсь совершенной ерундой, напрасно трачу ночь. Единственное разумное объяснение – надо что-то делать! Ну хорошо, я откопала, что вся эта нечисть проживает в африканской религии вуду. Таким образом, мне стало известно, что некие люди, окружавшие Люсю, увлекаются модной гадостью, играют в игры, для человеческой психики весьма опасные. Ну, и что дальше? Разумеется, все это в десять раз страшнее оттого, что происходит в семейном детском доме или в многодетной семье с усыновленными сиротами.

Бородин поднял палец и пробормотал что-то, глаза его при этом широко, выразительно распахнулись.

- Что, простите?

- Африканские маски! – прошептал он, дожевывая салат. – Она не обозналась! В квартире, где ее мучили, стены были увешаны страшными масками. И он забрал их с собой, когда ушел.

- Да что вы так волнуетесь? – пожала плечами Евгения Михайловна. – Уже сегодня к вечеру мы будем знать точно, он это или нет.

- От Люси? – Бородин грустно улыбнулся. – А вам не кажется, что это тоже иллюзия движения? Дело пятилетней давности безнадежно зависло, хотя жертва осталась жива, и она, в отличие от Люси, была нормальным, дееспособным свидетелем.

- Илья Никитич, вы что, забыли про близнецов и про взрыв?

- Конечно не забыл. Но мало ли женщин, которых называют «мама Зоя»? Имя достаточно распространенное.

- Скажите еще, что у нас полным-полно многодетных семей, увлекающихся вуду и черной магией, - Евгения Михайловна закурила, - знаете, почему он убил Лилию Коломеец? Она приезжала навещать Люсю и стала свидетельницей какой-нибудь ритуальной мерзости, естественно, захотела забрать оттуда девочку, возможно, пригрозила, что предаст все огласке.

- Нет, погодите, - Бородин помотал головой, - вы только что сами сказали, он маньяк. Зачем ему мотив?

- Илья Никитич, ну вы же опытный человек. Вы знаете, что серийники практически всегда признаются дееспособными. От нормальных людей они отличаются тем, что убивают спокойно и с удовольствием. Некоторые психиатры определяют это как моральную идиотию. Ну что мы с вами головы себе морочим? Ведь ясно, он убил бомжиху потому, что она его видела. И на младшего лейтенанта покушался тоже не просто так, не ради удовольствия. Бомжихе он нанес восемнадцать ударов, поскольку у него была такая возможность. Думаю, за этим стоит не только его личный кайф, но и ритуал. А с лейтенантом ему было не до ритуала. И проделал он все весьма толково, у всех возникла иллюзия, что Телечкина сбила машина. Он сумасшедший, но вовсе не дурак. Ну что, вы не раздумали пить кофе? Или все-таки чай?

- Кофе, - широко улыбнулся Бородин, - крепкий и сладкий. Я так давно мечтал об этом.

- Мечтали о чашке кофе? - засмеялась Евгения Михайловна. - Что же вам мешало?

- Как вы не понимаете, я мечтал выпить кофейку с вами, на кухне, у вас дома, или у меня, не важно. Мне это снилось в последнее время, как мы с вами сидим вдвоем, разговариваем, о чем, не имеет значения. Я на вас смотрю, слышу ваш голос, и все, ничего больше не нужно. Честно говоря, даже кофе не нужно, - он произнес свой короткий монолог очень быстро и тихо, на одном дыхании, и замолчал, спрятал глаза под тяжелыми сонными веками.

- Знаете, какая я зануда? - Евгения Михайловна покачала головой. - Со мной скучно пить кофе. И не пить тоже скучно. Я или молчу, или говорю много, тускло, научнообразно. Кроме моих больных подростков, мне уже давно ничего не интересно, и сын считает, что от моего занудства они становятся еще более сумасшедшими, я...

Зазвонил мобильный, и они оба вздрогнули. Евгения Михайловна защелкала зажигалкой, пытаясь прикурить.

- Привет, Варюша, - сказал в трубку Илья Никитич, - все без толку, как я и думал? Ты шутишь или серьезно? Что, прямо так и сидит? И ты совершенно уверена? Погоди, а ты сама где находишься? Зачем? Ни в коем случае! Так, быстренько адрес скажи мне. Нет, я запомню. Я сейчас свяжусь с районным отделением, его проверят. Давай-ка, девочка, уезжай оттуда. Нет, погоди, как прошел разговор? Что же ты сразу не сказала?! С этого надо было начинать. Все, я перезвоню тебе позже.

Он тут же вышел в прихожую, к телефону, передал, чтобы из ближайшего отделения в районе Миусской площади срочно отправили наряд, назвал адрес. Евгения Михайловна поняла по его голосу, что произошло нечто серьезное, и окончательно убедилась в этом, когда услышала приметы человека, которого следовало задержать.

На кухню он вернулся румяный, со сверкающими глазами.

- Кофе отменяется, - сообщил он, - может, сейчас наконец повезет.

* * *

Черный джип ехал по Новослободской совсем недолго, до ближайшего поворота, потом оказался на Бутырском валу, на площади Белорусского вокзала минут десять постоял в пробке, выскочил на Ленинградку, у Сокола свернул с трассы на тихую, совершенно деревенскую улицу.

- Ничего себе! - присвистнула Ира, глядя в окошко. - Это что за село посреди столицы?

Вдоль улицы тянулись заборы, деревянные, облезлые, косые, и железные, новенькие, прочные, покрытые свежей краской. За заборами виднелись домики с печными трубами и с тарелками телеантенн.

- Класс! - покачала головой Света. - А мы сюда зачем?

- По делу, - коротко рявкнул Гулливер.

- Ты же сказал, что мы едем в Лобню, - напомнила Ира, - ты, между прочим, так и не объяснил, почему на машине.

- Ну какая тебе разница? - Гулливер закинул руку, обнял Иру и потянул к себе. - Ты же такая любопытная, а, лапушка? - прошептал он, приблизив губы к ее уху и лизнув мочку.

- Эй, кончай лизаться и лапы убери! - Ира брезгливо поморщилась и передернула плечами.

- Привыкай, привыкай, киска, - сладко проурчал Гулливер.

Джип остановился у глухих железных ворот, за которыми виднелась крыша, украшенная сразу тремя тарелками. Ворота автоматически разъехались, впустив машину, и тут же сомкнулись.

- Это кто же здесь живет, такой богатенький? - спросила Света, оглядывая фасад новенького двухэтажного особняка, похожего на картинку из рекламного каталога. На крыльце сидел здоровенный детина в камуфляже, с автоматом на коленях, и курил, глядя на джип. Другой, такой же, распахнул дверцу. Девочки разглядели тупое бычье лицо.

- Это кто же здесь живет, такой богатенький? - спросила Света, оглядывая фасад новенького двухэтажного особняка, похожего на картинку из рекламного каталога. На крыльце сидел здоровенный детина в камуфляже, с автоматом на коленях, и курил, глядя на джип. Другой, такой же, распахнул дверцу. Девочки разглядели тупое бычье лицо.

Гулливер выпрыгнул и скомандовал:

- Вылезайте обе!

- Нет уж, мы лучше в машине подождем, - нервно оскалилась Ира и вжалась в спинку сиденья.

- Ты чего? - испуганно прошептала ей на ухо Света. Она не понимала, почему Ира не хочет вылезать из машины, это было странно и глупо. Если надо, их все равно вытащат. Света не видела в происходящем ничего опасного, однако привыкла доверять интуиции сестры. Ира с ее непредсказуемостью, сумасбродством обладала удивительным чутьем. На вопрос она ничего не ответила, но сильно сжала Светину руку.

- Долго ждать придется, - подал голос Телок, противно хмыкнул и пихнул Свету, - давай, вылезай, приехали.

- Ну, разве что водички попить! - бодро произнесла Ира, легко выпрыгнула из машины. - И пописать заодно. Здесь, наверное, унитазы золотые. Светуль, мы с тобой ведь никогда ни писали в золотые унитазы?

Света выпрыгнула неловко, стукнулась головой об острый край крыши. Ира заметила, что лицо ее тут же побледнело, глаза налились слезами.

- Больно? - спросила она шепотом и обняла сестру. - Ничего, сейчас холодненькое приложим, пройдет.

Камуфляж тут же оказался позади, и девочки спинами почувствовали, как он переместил свой автомат. Их провели в огромную гостиную, обставленную роскошно, но неудобно, в каком-то стеклянно-металлическом стиле. Из стекла были отлиты столы, большой обеденный и маленький журнальный. Вокруг обеденного стояли прозрачные стулья. Диван и кресла представляли собой замысловатые конструкции из легкого светлого металла с шарнирами и были завалены огромными прозрачными надувными подушками. Одна стена оказалась полностью стеклянной, за ней темно зеленели широкие пальмовые листья и поблескивала голубая вода бассейна.

- Ой, батюшки, - покачала головой Света, - это что ж за дизайн? На такой диванчик сядешь и не встанешь.

- Конечно, - звонко засмеялась Ира, - задница вспотеет и прилипнет. Так, ребятки, - она обвела взглядом троих сопровождающих, Гулливера, Телка и молчаливого камуфляжа с автоматом, - где у вас здесь сортир? Видите, у Светочки головка бо-бо, надо срочно сделать холодную примочку. Давайте-ка по-быстрому, чистую салфетку или полотенце.

Никто не ответил ни слова. Камуфляж взялся за ремень Ириной сумки, попытался снять.

- Эй, ты чего, юноша! - Ира вцепилась в сумку. - Это грабеж или шмон?

Сумка Светы уже была в руках Телка.

- Слушайте, мальчики, может, объясните, что за дела? Да не дергай, дурак, на, подавись! - Ира вырвала свою сумку у камуфляжа и швырнула на пол, ему под ноги. Он побагровел, замахнулся рукой, свободной от автомата, но не ударил, быстро нагнулся и поднял сумку.

- Нам правда надо в сортир! - голос Светы прозвучал жалко, хрипло, она смотрела только на сестру, стараясь не встречаться глазами с остальными.

- Что, сразу обеим? - усмехнулся Гулливер.

- Да, обеим! Срочно!

Трое переглянулись, камуфляж молча кивнул на дверь под лестницей.

Сантехника оказалась не золотой, но из какого-то светлого, гладкого, как зеркало, металла. Помещение состояло из двух маленьких комнат, в одной унитаз с раковиной, в другой душевая кабинка.

- Вот оно, твое платье от «Шанель», - прошептала Света, - я как чувствовала.

- Не могут они знать про платье, не могут!

- Достаточно заглянуть в твою сумку!

- Светка, соображай, а не паникуй, - Ира сдернула с вешалки белоснежное пушистое полотенце, смочила его холодной водой и приложила к Светиной голове, - ну, увидят они какую-то голубую тряпку. И что? Думаешь, они прямо так сразу определяют фирму? Да они в этом разбираются хуже, чем мы с тобой в ядерной физике. Нет, платье тут совершенно ни при чем. Тут другое, я должна подумать...

- И думать нечего. Лариска! Она все слышала, разболтала, могла, между прочим, наврать что угодно, например, будто узнала все от нас. В самом деле, ее ведь спросили, откуда она знает, и не признаваться же ей, что подслушала. Мы ведь с тобой сразу поняли, мама Зоя ни при чем, она не должна быть в курсе, иначе почему они приехали, когда ее не было, и велели нам молчать? Допустим, Лариска все разболтала маме Зое или Руслану. И мы с тобой виноваты, мы единственный источник информации. Только я не понимаю, зачем ей это?

- А так! - усмехнулась Ира. - Завидует, что нас забирают, а ее пока нет, вот и нагадила при первой возможности.

- И что они теперь собираются с нами делать? В дверь даже не постучали, ее просто открыли, поскольку изнутри она не запиралась. Девочек все так же молча провели через стеклянную гостиную в кухню, оттуда по короткой лестнице в темный подвал. Пахло соляной кислотой и свежей стружкой. Щелкнул выключатель, загудел и задрожал мертвенный люминесцентный свет. По бетонному полу были разбросаны строительные остатки, керамическая плитка, какие-то доски, ведра в засохшей краске.

- Эй, у вас крыша совсем съехала? Гулливер, ты соображаешь, что творишь? - крикнула Ира. - Нас будут искать! Вам всем головы оторвут!

В ответ щелкнул замок и застучали шаги по лестнице.

Глава двадцать восьмая

- Нет, ну мы не можем сидеть дома и никуда не выходить! Нам надо гулять, дышать воздухом, хотя какой воздух в центре Москвы? Мы, пожалуй, возьмем этот нож с собой, если злодей нас поджидает во дворе, просто отдадим ему, и все. Пусть подавится!

Ксюша делала ребенку массаж, постукивала ребрами ладоней по Машинной спинке, разминала ей ножки, ручки и произносила свой рассудительный монолог. Маша в ответ смеялась, что-то бормотала на своем младенческом языке.

- А мама у тебя все-таки полная идиотка, - продолжала Ксюша, - ну, спрашивается, кто меня тянул за язык? Конечно, эта Варя ужасно обаятельная, а я совершенно одичала, ни с кем не общаюсь, но это меня несколько не оправдывает. Я сделала, возможно, самую большую и опасную глупость в жизни - разболтала постороннему человеку семейную тайну. Если бы просто постороннему человеку, случайному попутчику, но это знакомая Галины Семеновны, я подставила ее, и себя, конечно, тоже. Свекровь обязательно узнает и не простит. Что теперь делать? Надеяться на Варино честное слово? А может, просто плюнуть и уйти? - Она принялась одевать ребенка, и каждая вещь, которую брала в руки, вдруг стала казаться такой красивой, удобной и необходимой.

«Ничего, совершенно ничего я не сумею взять с собой. Все до последней мелочи куплено на

деньги свекрови. В определенном смысле я сама куплена на ее деньги. Я могу уйти отсюда только голышом, с голой Машей на руках, иначе буду чувствовать себя воровкой. Ой, дура, ну что же я за дура такая!»

Зазвонил телефон, и опять она вздрогнула, опасаясь услышать отрывистый грубый бас проспавшегося мужа или зловещее молчание бандита. Ничего хорошего она не ждала. Но в трубке прозвучало удивленно и ласково:

- Ксюшенька, здравствуй, детка. Ты почему в Москве?

- Галина Семеновна, как я рада, что вы позвонили! - выпалила Ксюша и покраснела. - Я решила сейчас сделать Маше прививки, хотя бы полиомиелит.

- Но мы же с тобой это обсуждали много раз, мы договорились, что отложим прививки до осени. - В голосе свекрови звякнуло знакомое железо. - Я не понимаю, что тебе вдруг в голову взбрело? Ты могла бы, по крайней мере, дождаться меня. Как Маша? Здорова?

- Да, совершенно здорова.

- Ну, слава богу, я так волновалась. Объясни, будь добра, почему вдруг такая срочность с прививками?

- Мне позвонила медсестра на дачу, стала пугать, сказала, сейчас началась эпидемия и надо либо сделать прививку, либо написать расписку, что мы отказываемся и берем на себя ответственность.

- И ты испугалась, помчалась в Москву? Кто же вас привез?

- Мы доехали на электричке.

- О, господи, Ксюша, ну что ты творишь? Ты уже большая девочка. Я тут просто с ума схожу, звоню на дачу, телефон выключен. Звоню Олегу на работу, говорят, он на даче. И вот застаю тебя в Москве. Кстати, как Олег? Почему он не поехал с вами?

Невозможно было придумать более идиотского вопроса. И тем не менее умнейшая Галина Семеновна не жалела валютных минут международного телефонного разговора для продолжения обычного семейного спектакля под названием «У нас все великолепно!».

- Олег плохо себя чувствует, - озабоченно сообщила Ксюша, - он много работал, переутомился, к тому же на дачу приезжали гости, сотрудники редакции, всю ночь он не спал. Вы же знаете, какой он слабенький. Честно говоря, мы с Машей уехали еще для того, чтобы дать ему отоспаться, отдохнуть. Да, заходила ваша знакомая, Варвара, такая красивая, с черными волосами и синими глазами. Ей срочно понадобилась книжка про вуду, я нашла и отдала ей. - Ксюша выпалила все это сплошным потоком и резко остановилась, перевела дух.

Последовала небольшая пауза. Новость показалась Галине Семеновне странной, подумав, она произнесла медленно и снисходительно:

- Я рада, что ты познакомилась с Варей, она почти твоя ровесница. У тебя совсем нет подруг. Надеюсь, ты догадалась угостить ее чаем?

- Естественно.

- И о чем вы говорили?

У Ксюши неприятно похолодело в животе. Хорошо, что Галина Семеновна не могла увидеть ее в этот момент.

- Мы просто поболтали, она очень милая.

- Ну ладно. Я бы хотела, чтобы вы подружились. Когда ты собираешься вернуться на дачу?

- Завтра. Мы как раз утром пойдем в поликлинику, а вечером поедем.

- Надеюсь, не на электричке? Будь добра, закажи такси. Я ведь, кажется, оставила тебе достаточно денег. В телефонной книжке есть номер фирмы «Такси на заказ», прямо на первой странице. Ты поняла меня?

- Да, Галина Семеновна. А как вам отдыхается? Погода хорошая?

- Спасибо, детка, у меня все замечательно. Поцелуй Машеньку, передай Олегу, чтобы обязательно позвонил мне. Будешь уезжать, не забудь включить сигнализацию. И пожалуйста, веди себя разумней. Ты все-таки совершеннолетняя, к тому же мать. А что касается прививок, то, кроме полиомиелита, ничего пока не позволяй делать. Обещаешь?

- Да, Галина Семеновна.

- Я могу на тебя положиться?

- Конечно, Галина Семеновна.

- Погоди, мне не нравится твой голос. Я чувствую, ты что-то скрываешь.

- Галина Семеновна, не волнуйтесь, у нас все отлично. Машенька здорова.

Едва Ксюша положила трубку, телефон опять зазвонил.

- Привет, это Варя. Слушай, у вас дача по Ленинградке?

- Да, а что? - удивилась Ксюша.

- Ты когда собираешься ехать? Завтра?

- Да, вечером.

- Отлично! Я вас отвезу. Зачем тебе с ребенком тащиться на электричке? Я как раз завтра вечером должна съездить в Клин, в краеведческий музей. Это по дороге. В котором часу за вами заехать?

- Спасибо... Мне неловко, честное слово... я не знаю, сколько мы пробудем в поликлинике, и вообще...

- Ну, я думаю, к шести вы уже вернетесь. Все, договорились. В шесть я заеду.

- Вот как все хорошо, - произнесла Ксюша, положив трубку. - Сейчас мы просто погуляем, пожалуй, пойдем на Патриаршие, с колясочкой, как нормальные люди. По дороге купим какое-нибудь кино, пострашней, чтобы расслабиться, завтра первую половину дня будем просто

бездельничать, дождемся Варю, вернемся на дачу с комфортом и заживем, как будто не было никакого бандита с пистолетом и ножом и Олег вовсе не наркоман, а совсем наоборот, отличный муж, отец, талантливый... стоп, талантливый кто? Сценарист? Но у него нет ни одного сценария. Писатель? Допустим, наберется пара-тройка внятных страниц. Я честно старалась прочитать рукопись его романа о каком-то Эго, который впрыгивает в собственную кровеносную систему, оттуда перебирается в пищевод, проходит положенный путь, вплоть до прямой кишки, и попадает прямехонько в унитаз. Пожалуй, это единственный логичный момент во всем романе, но именно здесь повествование кончается. Ладно, будем считать, что он талантливый заместитель главного редактора. Он не наркоман, просто болеет иногда, как всякий нормальный человек. В самом деле, ведь умудряется верить в это пожилая, многоопытная, тертая жизнью Галина Семеновна. Мне, юной и наивной, должно быть совсем легко принять желаемое за действительное.

Ксюша одела ребенка, уложила в коляску, зашла в ванную, осторожно взяла в руки страшный нож с черепом на рукояти и подумала, что Варя, вероятно, права, эта штука представляет собой большую ценность. Было бы разумно отнести это в милицию в качестве вещественного доказательства, что ночью в квартире действительно побывал бандит. Но ведь возможен и совсем другой вариант. Нож принадлежит Галине Семеновне или кому-то из ее знакомых. Ей как специалисту по антиквару могли принести его для экспертизы, для продажи, и бандит явился сюда именно за ним. Нашел, отправился умываться, а потом забыл его в спешке. В таком случае нести нож в милицию было бы глупостью. Неизвестно, какая за ним стоит история, может, весьма криминальная. Антикварный бизнес отнюдь не стерильное дело, и получится, что Ксюша подставит любимую свекровь. Да, но при таком раскладе и бандиту отдавать его нельзя! И вообще, напрасно она не рассказала все свекрови по телефону. Вот с кем стоило посоветоваться, вот кто главная героиня дурацкой ночной драмы.

- Ну конечно! - воскликнула Ксюша с искусственной веселостью. - Это все забавы великолепной Галины Семеновны. А мы совершенно ни при чем, мы отправляемся гулять, отличная погода, и грозы сегодня не обещали. - Она положила нож на полку в ванной, рядом с банками и бутылками, закрыла дверь, погасила свет, надавила на штырек замка, заперла нож в темноте, как будто он был живой и мог убежать.

Выйдя с коляской во двор, она огляделась и не заметила ничего подозрительного. На детской площадке, на бортике песочницы, целовалась парочка. Какой-то дед волок поломанный стул от мусорного контейнера. Знакомая старушка из соседнего подъезда выгуливала своих карликовых пинчеров. Собачки, родные братья, были одеты в вязаные голубые кофточки. Ксюша знала, что им по шестнадцать лет, для собак это глубокая старость. Они зябли даже летом, и хозяйка вязала для них одежду, как для маленьких детей. Никого, кроме этих двух дрожащих пучеглазых крысят, у нее на свете не было.

- Добрый день, Вера Сергеевна! - крикнула Ксюша и подкатила коляску поближе. - Какие они у вас сегодня нарядные!

- Здравствуй, деточка, - важно кивнула соседка. - Ты почему в Москве?

Ксюша не сочла нужным в сотый раз повторять вранье о прививках и спросила со сладкой улыбкой:

- А вы давно гуляете?

- Давно, часа два, моим малышам надо много гулять, доктор говорит, в их возрасте свежий воздух и движение - это главное. У Лорика появился нехороший кашель, а у Гарика постоянно

трясется голова. – Она тяжело наклонилась, взяла собачек на руки. – Видишь, как они оба плохо выглядят?

– Ну что вы, Вера Сергеевна, совсем не плохо, они у вас такие хорошенькие. – Ксюша погладила трясушущую собачью головку. – Это Лорик или Гарик?

– Гарик. Их очень просто различить. У Гарика подпалины на грудке в форме бантика, а у Лорика круглые, как две медальки. И нос у Гарика светлей, и вообще, у них совершенно разные мордочки. – Она нежно поцеловала собачек в маленькие розоватые носы, сначала Гарика, потом Лорика. – Их мама трижды становилась лауреаткой конкурса красоты, очень славная была собачка, не только красивая, но и умная, прожила двадцать лет и сохранила до старости здравый рассудок. А вот отец – настоящий проходимец, кусал собственных хозяев, до зрелого возраста грыз обувь и гадил в квартире. Конечно, не тем будет помянут. Он трагически погиб. Ему едва исполнилось семь, когда он свалился с одиннадцатого этажа. У него была ужасная манера – лаять с балкона, и вот однажды так возбудился от собственной брани, что выскользнул в щель под ограждением. На хозяев было страшно смотреть. – Она протяжно, горько вздохнула, закатила грубо подведенные глаза. – Впрочем, по большому счету, они виноваты сами. Надо было правильно воспитывать собаку. А с другой стороны, дело не только в воспитании, но и в генах. К счастью, у Гарика и Лорика характер их матери, я это поняла сразу, с первых же дней их жизни, именно поэтому выбрала их из всего помета. Они у меня такие молодцы, вот сегодня нам пришлось пережить настоящий шок, мы так хорошо гуляли, замечательная погода, ни одной большой собаки во дворе, мы были совершенно спокойны. Но случилось нечто ужасное, я всегда знала, в наше время нельзя расслабляться, правда, Гарик, солнышко мое? – Она замолчала, чтобы наградить Гарика нежным поцелуем.

– Скажите, вы случайно не заметили здесь, во дворе, молодого человека в голубых джинсах и белых кроссовках? – выпалила Ксюша, вклинившись в паузу. – Такой неприятный блондин среднего роста, лет тридцати пяти.

Вопрос показался Ксюше настолько идиотским и бесполезным, что она даже покраснела. Во-первых, Вера Сергеевна никого, кроме Лорика и Гарика, в этом мире не видела, во-вторых, бандит мог десять раз переодеться, и в-третьих, какая разница, заметила его старушка или нет? Он где-то рядом и очень скоро опять появится, Ксюша чувствовала это всем своим организмом.

Лицо Веры Сергеевны между тем странно окаменело, щеки втянулись, подведенные глаза выкатились из орбит, и старушка стала удивительно похожа на своих питомцев.

– Вот именно об этом я и говорю! – выдохнула она и оскалила голубоватые вставные челюсти. – Я это чудовище никогда не забуду! – Она схватилась за ручку коляски и страшно зашептала Ксюше в лицо: – Люди, которые могут травмировать животное, вовсе не люди, их надо судить и расстреливать, да! Расстреливать и судить! – Собачки были все еще у нее на руках и принялись тоненько, возмущенно подвывать своей хозяйке.

– Значит, вы видели его? – спросила Ксюша.

– Значит, вы видели его? – спросила Ксюша.

– Он чуть не раздавил Гарика, – произнесла старуха торжественным басом. – Белые кроссовки, голубые джинсы, темные очки. Он сидел вот на этой скамейке и курил. Кинул свой окурочок в песочницу. Я подошла и сделала замечание, он ответил очень грубо, матом. Я сказала, что он хам и пусть убирается из нашего двора, иначе я вызову милицию и его привлекут за

хулиганство, а также за оскорбление. Он опять стал материться и даже замахнулся на меня. К счастью, рядом возился с машиной Вася Постышев из нашего подъезда, у него всегда при себе мобильный телефон. Я крикнула, чтобы он срочно вызывал милицию, потому что у нас во дворе преступник, и представь, этот мерзавец пошел прямо на моих малышей, хорошо, у меня сработала реакция, я вовремя потянула поводки! Но Гарика он все-таки задел ногой. Тут, конечно, с нами сделалась истерика, я не помню, что мы кричали. А мерзавец в белых кроссовках успел исчезнуть, как и положено преступнику. – Старушка перевела дух, ее рассказ был так эмоционален, что она устала, а главное, забыла любопытствовать, почему вдруг Ксюша спрашивает ее о мерзавце в белых кроссовках.

– Спасибо, Вера Сергеевна. – Ксюша поежилась, потому что ее сильно зазнобило. – Всего доброго.

Собачки приветливо тявкнули, их хозяйка равнодушно кивнула. Ксюша покатила коляску вдоль дома, свернула в переулок, оттуда на оживленную улицу.

«Ему нужен нож, а не мы, – повторяла она про себя как заклинание. – Зачем ему нас убивать, если ему нужен нож?»

Глава двадцать девятая

– Позовите Варю! – скомандовал старый вор, едва переступив порог своего скромного особняка в Сокольниках.

До этой минуты он молчал и плакал. Бледного, дрожащего Пнырю вывели под руки из ресторана, усадили в машину, охранник взял его вялую кисть, посчитал пульс, достал из аптечки упаковку каких-то импортных таблеток, высыпал на ладонь сразу три, запихнул их в рот хозяину, тут же поднес к его губам стакан минеральной воды. Пныря послушно, как ребенок, запил лекарство, до дна осушил пластиковый стаканчик, и его огромный острый кадык тяжело, неприятно задвигался под кожей. Мутные крупные слезы медленно катились по впалым пепельным щекам. Охрана обменивалась многозначительными взглядами.

Осторожные намеки на то, что у хозяина не все в порядке с головой, звучали в близком окружении авторитета все чаще. После истории с коронацией опущенного об этом стали говорить почти открыто. Многие были уверены, что старик владеет своей империей последние месяцы, и самые дальновидные старались дружить с начальником охраны Петром Петровичем Приходько, человеком толковым, серьезным и, по мнению многих, единственным, кто посвящен во все тайны хозяина.

Кроме тайны банковских вкладов, было еще множество других. Например, никто не знал, что связывает старика с юной черноволосой красавицей Варей Богдановой. Одни говорили, что Варя – последняя тайная любовь Пныри, другие уверяли, будто на самом деле она его незаконная дочь или внучка. В ней видели чуть ли не единственную наследницу его огромных капиталов. Впрочем, круг посвященных был невелик, только охрана и прислуга. Вор встречался с Варей тайно, где-нибудь на природе, в подмосковном лесу, в дом к нему она никогда не приезжала, и Пныря не ездил к ней. Она появлялась на всех торжествах, которые любил устраивать Пныря по поводу и без повода, в загородных ресторанах и в Сочи, куда старый вор иногда отправлялся на отдых, не признавая заграничных курортов.

Никто из нынешнего ближнего круга не имел понятия, где и с кем она живет. На среднем пальце правой руки она носила тонкое колечко белого золота с крошечным бриллиантом,

похожее на обручальное, и любопытствующие сделали справедливый вывод, что красавица замужем. Впрочем, это, конечно, не противоречило версии о любовной связи.

От внимания охраны не ускользала особенная, умильная улыбка, с которой всякий раз встречал Варю старый вор. Глаза его затягивались теплой влагой, голос звучал мягко, глухо, щеки розовели, и потом, в течение примерно часа после встречи, к хозяину можно было спокойно обратиться с такими вопросами и просьбами, за которые в любое другое время он приказал бы порвать смельчака на куски.

Когда было отдано распоряжение разыскать красавицу, никто не удивился. Но тут обнаружилось, что ее телефонный номер нигде не записан. Охранник осторожно сообщил об этом старику. Тот, рухнув в кресло, прикрыл глаза, пробормотал что-то невнятное и протянул руку, в которую охранник догадался вложить маленький мобильный телефон.

- Девочка, ты где сейчас? - прохрипел в трубку Пныря.

- Еду в машине, - удивленно ответила Варя. - Что-нибудь случилось?

- Где конкретно ты находишься?

- На проспекте Мира, - соврала она на всякий случай. На самом деле она находилась в конце Тверской, неподалеку от Миусской площади, в одном из тихих дворов, у дома, в котором жили Солодкины. Ей было интересно, выйдет ли из дома странная запуганная невестка Галины Семеновны и как будет выглядеть ее встреча с белобрысым бандитом, весьма похожим на фоторобот.

В отличие от младшего лейтенанта Телечкина, Варя заметила сходство моментально. Недаром она так увлеклась портретной живописью. Правда, полной уверенности не было. Ей вдруг стало казаться, что она раньше где-то видела этого человека, зыбкое воспоминание никак не желало проясняться, вокруг лепились образы подмосковного дома, массивной улыбчивой дамы с ямочками на щеках, каких-то спортивных подростков, и почему-то в этом во всем присутствовал Пныря.

Дурацкое, мучительное чувство «дежа вю» мешало сосредоточиться. Стандартное лицо глядело с фоторобота, и то же самое лицо мутным облаком плавало в глубине памяти. Она была почти уверена, что белобрысый хам, отказавшийся толкнуть ее машину, совпал не только с картинкой, именно поэтому она узнала его так быстро.

Обогнув квартал, она все-таки вернулась во двор, выбрала отличный наблюдательный пункт, поставила машину за «ракушками» таким образом, что сквозь щель между гаражами отлично просматривался подъезд.

Белобрысый все сидел на спинке поломанной скамейки. Оставалось позвонить Ксюше, убедиться, что за это время она не успела уйти, и предложить свои услуги в качестве шофера. Адрес дачи Варя не знала, а побывать там и взглянуть на сына Солодкиной ей очень хотелось.

Пныря хоть и зарабатывал солидную часть своих капиталов на наркобизнесе, наркотики ненавидел и презирал людей, которые ими балуются.

«Торговать можно, почему не торговать, если покупают? Это свободный выбор каждого человека. Бизнес есть бизнес. Но потреблять нельзя, ни в коем случае. Это самоубийство, то есть самый страшный смертный грех. Если человек за дозу может собственную душу продать, то партнера он тем более продаст. От таких надо держаться подальше. Это не люди, а мусор», -

говорил старый вор, хмурясь и нравоучительно поднимая палец.

Связь Галины Семеновны с белобрысым маньяком пока тонула в тумане, возможны были разные варианты: например, если окажется, что Солодкина жертва, то сердобольный Пныря искренне ей посочувствует, проникнется глубокой симпатией, а когда узнает, что опасность угрожает ее юной невестке и внучке, трехмесячному младенцу, пожалуй, возьмется помочь. Тех, кому помогает, Пныря особенно жалует, бережет их, как ветеран боевые награды. Но вот наркомания сына Солодкиной могла бы стать поводом для серьезного недоверия и даже гнева, причем гнев обрушился бы не так на Галину Семеновну, как на Петра Петровича, который поручился за эту женщину.

Поговорив с Бородиным, она не уехала, как обещала, а осталась посмотреть, что произойдет дальше.

Во дворе было тихо. Никто не обращал внимания на белый новенький «Фольксваген». Варя откинулась на спинку сиденья и чуть не заснула. Но вдруг услышала совсем близко тоненький истеричный собачий лай. Бабуля, похожая на городскую сумасшедшую, в цветастой шелковой юбке, открытой маечке и кокетливой кружевной шляпке, с двумя дрожащими пинчерами в голубых вязаных попонках, подошла совсем близко к Вариней машине, заглянула в открытое окно, уставилась на Варю выцветшими, густо подведенными глазами и надменно произнесла:

- Добрый день!

Варя улыбнулась и кивнула в ответ. Старушка чинно удалилась. Собачки затихли и засеменяли за хозяйкой. А через несколько минут послышался ее истошный, возмущенный крик и отчаянный визг собачек. «Ну точно, сумасшедшая, - отметила про себя Варя, - в каждом дворе такие есть». И тут же увидела, как мелькнула синяя спина белобрысого.

Как раз в этот момент ей и позвонил Пныря.

- Что ты делаешь на проспекте Мира? - спросил он совершенно больным голосом.

- Я же сказала, еду в машине.

- Откуда и куда?

- У одной моей преподавательницы день рожденья, надо купить подарок, уже заехала в пару магазинов, но ничего... - Варя осеклась, потому что увидела, как из подъезда выходит Ксюша с коляской. Белобрысый недавно исчез из поля зрения, однако она не сомневалась, он где-то рядом.

- Я же сказала, еду в машине.

- Откуда и куда?

- У одной моей преподавательницы день рожденья, надо купить подарок, уже заехала в пару магазинов, но ничего... - Варя осеклась, потому что увидела, как из подъезда выходит Ксюша с коляской. Белобрысый недавно исчез из поля зрения, однако она не сомневалась, он где-то рядом.

- Ты должна приехать ко мне, сию минуту, - прокашлял в трубку Пныря. - Это очень срочно.

- Что, прямо домой? - удивилась Варя, осторожно вылезла из машины и выглянула из-за гаража, чтобы увидеть, в какую сторону направилась Ксюша.

- Да, прямо домой. И как можно быстрее. Мне очень худо, девочка. Не спрашивай, что случилось. У меня большое горе. Ты приедешь, я объясню. - В трубке послышались частые гудки. Варя убрала телефон в сумку и увидела, как Ксюша беседует со старушкой, хозяйкой двух дрожащих карликовых пинчеров.

Так и не дождавшись конца разговора, Варя села в машину и отправилась к Пныре в Сокольники.

* * *

У стены стояла широченная тахта, застеленная клетчатым пледом. Ира упала на нее и, заложив руки под голову, уставилась в потолок. Света обошла подвал, подняла с пола острую стальную лопатку с деревянной ручкой, малярный мастерок, обтерла его тряпкой и молча спрятала под матрац.

- Умница. - Ира прикрыла глаза. - Посмотри, что еще может нам пригодиться. Здесь всего навалом. Вон сколько досок с гвоздями.

- Пригодиться для чего? - спросила Света с усмешкой.

- На всякий случай, - промурлыкала Ира и потянулась, хрустнув суставами. - Лучше иметь такое оружие, чем вообще никакого.

- У них автоматы, - напомнила Света.

- Если бы они хотели нас кончить, давно бы это сделали. У них другие задачи. Ты поняла, чей это дом?

- Нет.

- А я почти сразу догадалась. Здесь обитает Петр Петрович. Поскольку сейчас он изволит отдыхать на европейских курортах, нас посадили сюда до его возвращения.

- Откуда ты все это знаешь?

- Во-первых, у меня уши на макушке, во-вторых, интуиция. И она мне подсказывает, что париться нам здесь предстоит совсем недолго. Если дело в Ларискиной болтовне, то нас задержали для объяснений с П.П. Он дядька неглупый, мы объясним все, как есть, он поймет. Мы не виноваты, что Лариска подслушивала.

- А платье? - тихо спросила Света, присаживаясь на край тахты.

- Что - платье? Мы уже знаем, оно совершенно ни при чем.

- Это пока, - вздохнула Света, - а когда его увидит П.П.? Ты права, Гулливер и остальные мордвороты в этом ничего не смыслят, для них тряпка и есть тряпка. Но Петр Петрович - совсем другое дело.

- А почему П.П. должен его увидеть? Ты собираешься напялить нашу голубую «Шанель» и соблазнить сладкого Петюню? Не думаю, что он такой уж сладкий. - Она смешно сморщила нос. - Он из тех мужиков, которые забивают свою природную козлиную вонь дорогим

парфюмом, дезодорантами для подмышек, рта, ног, принимают душ и меняют белье трижды в день и все равно воняют, особенно в койке, когда пот градом.

- У тебя большой опыт? - усмехнулась Света.

- Опыт у нас с тобой, сестренка, один на двоих, но огромный и мерзкий. Полагаю, обеим на всю жизнь хватит.

Света упала рядом с сестрой на тахту и засмеялась. Смех ее звучал оглушительно и жутко, отскакивал гулким эхом от голых каменных стен. Наверху послышался стук, через минуту грохнула железная дверь и появился охранник с автоматом.

- Чего надо? - рявкнула Света, и лицо ее мгновенно стало серьезным.

- Кончай шуметь, - отчеканил охранник механическим басом.

- Ой ты, миленький, - сморщилась Ира, - испугался, да? На улице слышно? Ну, чего застыл? Иди, дружок. Свободен.

- Будете шуметь, урою, - пообещал охранник и скрылся за дверью. Несколько секунд они молча слушали грохот замков, тяжелые шаги по лестнице.

- Знаешь, у меня из головы не выходит, как Руслан обозвал нашу маму проституткой, - внезапно произнесла Ира и, приподнявшись на локте, взглянула сверху вниз на сестру. - Может, стоило его убить за это?

- Конечно. - Света оскалилась и открыла глаза. - Повесить. Я бы с удовольствием это сделала.

- Наша мама не была проституткой, - хмуро отчеканила Ира.

- Какая разница, кем она была, если мы ее никогда не видели? Может, ее вообще не существовало. Мы с тобой подкидыши, врожденные сироты, - пробормотала Света и после долгого молчания громко спросила: - Как ты думаешь, что они сделают с Лариской?

- Уроют. Если поверят нам, а не ей.

- А если наоборот?

- Наоборот не будет. Просто потому, что мы им нужней. Мы перспективней. Она ведь олигофренка, ты разве не знаешь?

- Кто, Лариска? - Света приподняла брови.

- Ну да, у нее диагноз. Она сама недавно мне сказала. Ты знаешь, как она любит поплакаться, какие все вокруг гады, какая она бедная, незащищенная сиротка, которую всякий норовит обидеть. - Ира тут же скорчила соответствующую гримасу, жалобную и глупую.

- Между прочим, у нас с тобой тоже диагноз. Ты помнишь психиаторшу в интернате?

- Еще бы, - хохотнула Ира, - эту сучку я до смерти не забуду. Помнишь, как ей положили тухлое яичко в сапог? - Ира подмигнула, и лицо ее смягчилось, ей было приятно погрузиться в воспоминания семилетней давности.

- Да, - эхом отозвалась Света, - потом устроили жуткое следствие, нас в одних трусиках,

босиком выстроили на всю ночь в физкультурном зале, причем сообразили собрать только тех, кому эта гадина написала чертов диагноз. Знали, сволочи, откуда ветер дует. Хорошо, что никто не сознался и никто никого не заложил. А холодно было и жутко. Директриса ходила вдоль строя в пальто, в шапке, следила, чтобы мы за руки не держались. Так ведь и не узнали, кто это сделал, даже мы не узнали.

Ира вздохнула и нежным, кошачьим голоском произнесла:

- Я это яичко месяц хранила в картонке от электрической лампочки, все думала, как бы использовать. Сначала хотела подложить в сумку нашей классной, но потом пожалела. Она ведь неплохая была, в сущности, не злая. А вот психиаторшу я ненавидела. Ох, какой же был кайф, когда я влезла во время урока в учительскую раздевалку. Попросилась в туалет, заглянула по дороге, дверь была открыта, и ни души. Она как раз купила себе сапоги, я слышала на перемене, как она хвасталась учителям. Они стояли в шкафу, новенькие, светло-коричневые, низ кожаный, голенище замшевое, средняя танкетка, мягкая, пружинистая, очень удобная. А внутри натуральный мех. Вот в этот теплый уютный мех я и подложила свое заветное тухлое яичко.

- Ирка, ты шутишь или издеваешься? - Света вскочила с тахты. - Скажи честно, ты это только что придумала?

- Я это сделала, - отчеканила Ира. - Семь лет назад именно я подложила тухлое яйцо в новый сапог психиатрше. Потому что она должна была заплатить за наш поганый диагноз, иначе я бы перестала себя уважать. Мы не олигофренки. Мы с тобой нормальные, более того, мы очень умные, красивые и портить себе жизнь никому никогда не позволим.

- Чего же ты мне не сказала?! - Света даже побледнела от возмущения. - Думала, не выдержу, заложу тебя? Ну, спасибо, сестренка, никогда тебе этого не прощу!

- Простишь. - Ира погладила сестру по щеке. - Куда ты денешься? А не сказала я потому, что мне больше всего на свете хотелось сказать. Понимаешь?

- Ой, вечно ты что-нибудь выдумашь. - Света махнула рукой. - Скажи уж честно, ты боялась, они меня сломают. Они ведь умели ломать, у них профессия такая. Правда, маме Зое и Руслану они в подметки не годятся, и, по большому счету, этим нашим интернатским теткам лично я очень даже благодарна. За науку.

- Не-ет, радость моя, - помотала головой Ира, - благодарить надо только себя. Это мы с тобой сироты, а не они. Тетки издевались над нами, вымещали на нас все свои проблемы, бабье одиночество или пьянство мужей, обиды на государство из-за крошечной зарплаты и плохой квартиры, климакс, геморрой и воспаление придатков.

- А что вымещает на нас мама Зоя? - чуть слышно спросила Света. - Какие у нее проблемы?

- Ни-ка-ких, - оскалилась Ира. - Мама Зоя на нас деньги зарабатывает. И хорошие деньги. У нее будет красивая, комфортная старость. А вот Руслан до старости не доживет, это я тебе обещаю.

- Ага, мы его повесим, - засмеялась Света. - На дубу в нашей роще. Мы ему устроим такую дискотеку, что мало не покажется. Когда он начнет биться в агонии, извиваться, как червяк, я прощу ему похабные речи о нашей маме. Только это, а все остальное - никогда.

Ксюша катила коляску к Патриаршим не как обычно, не по переулкам и проходным дворам, а через самые людные улицы. Солнце било в глаза, и даже сквозь темные очки она плохо видела. Больше всего ей сейчас хотелось, чтобы белобрысый, пока ее нет, влез в квартиру, забрал свой поганый нож и исчез навсегда. Но она отлично знала, что все будет по-другому. Она чувствовала его кожей, он находился где-то рядом, шел за ней. Оборачиваясь, глядя в зеркальные витрины, она не видела его, и от этого было еще страшней.

У наземного перехода, в ожидании зеленого, она услышала его дыхание. Резко обернулась, но за спиной стоял совсем другой человек, длинный нескладный парнишка лет пятнадцати в очках с толстыми линзами. Она быстро перекрестилась. Ей было так страшно, что даже захотелось позвонить родителям. Она не видела их почти два месяца, после жестокой ссоры, в которой виноваты были обе стороны. Родители считали ее брак недоразумением, им категорически не нравился Олег, и с Галиной Семеновной никак не возникало контакта.

- Что, кроме денег, привлекает тебя в этом семействе? - спросила мама с таким презрением, что Ксюше захотелось ее ударить. И она ударила, не физически, конечно, но словами:

- Я не хочу жить в дерьме, как вы, я не могу в этом растить своего ребенка. Вы же нищие, вы хуже бомжей, хотя оба кандидаты наук.

- Ты продала себя за деньги. Знаешь, как это называется? - сказала мама с ледяной улыбкой. У Ксюши перехватило дыхание, потому что мама ответила ударом в солнечное сплетение.

- Тебе не кажется, мамочка, что ты делаешь мне больно? - спросила Ксюша, давась слезами.

- Болеее, чем ты сама себе сделала, уже не будет. Я говорю тебе только то, что ты и без меня отлично знаешь.

- Я не хочу быть честной и нищей! - закричала Ксюша. - Ты бы лучше пожалела меня, ну почему ты такая беспощадная, мамочка? Да, я его не люблю, ну и что?

- Не любишь, так уходи.

- Куда? К вам? Я лучше умру!

Отец молча присутствовал при разговоре, стоял и курил на балконе и, конечно, все слышал, поскольку дверь была открыта. Курил он омерзительный вонючий «Беломор». Ксюша принесла ему два блока «Парламента». Она вообще притащила им кучу подарков. Вместе с Галиной Семеновной выбрала для матери чудесный летний костюм из голубого немнущегося испанского льна, духи «Опиум», а для отца - рубашку и галстук от «Версаче». Галина Семеновна не скупилась, очень хотела понравиться новым родственникам. Ксюша приехала к ним на такси, с огромной сумкой, в которой, кроме фирменных пакетов с подарками, были еще баночки с черной икрой, упаковки семги и севрюги, дорогая нарядная скатерть. Она еле дотащила эту сумку от машины до квартиры. В «кенгуру» спала крошечная Машенька, ей едва исполнился месяц. Ксюше так хотелось, чтобы родители смягчились, обрадовались подаркам, а главное, полюбовались внучкой. Но они были неумолимы.

- Забери все это! И запомни: ты можешь прийти сюда только в одном случае - если решишь остаться здесь, - сказал отец.

Конечно, подарки она не забрала, сумка так и стояла в крошечной прихожей, они даже не заглянули в нее. Схватив ребенка, Ксюша выбежала из квартиры, шарахнув дверью так, что Маша испуганно заплакала.

Потом они звонили пару раз, но, слыша мамин голос, Ксюша чувствовала болезненный спазм в горле и не могла произнести ни слова.

- Ты должна нас понять, - неуверенно бубнил папа. - Ну представь, что ты будешь чувствовать, если Машенька, когда вырастет, поступит так же? Я очень прошу тебя приехать, мы с мамой хотим видеть внучку.

- А почему они не могут приехать сами? - наивно спрашивала Галина Семеновна, прекрасно зная, что этого не будет никогда. Между нею и Ксюшиными родителями с первых минут возникла острая органическая несовместимость.

Почти не отдавая себе отчета в том, что делает, Ксюша купила жетон в ларьке, подошла к таксофону и набрала свой домашний номер. Протяжные гудки отзывались в ней невыносимой тоской. Дома никого не было. И вообще, никого не было на свете, кроме белобрысого ублюдка, который зачем-то шел за ней. Впрочем, понятно зачем. Хотел убить. Это было для него важнее, чем получить свой нож. Возможно, никто никогда не выстреливал ему в глаза дезодорантом, не ускользал от него так оскорбительно, как Ксюша. И теперь он не успокоится, пока не уничтожит ее.

Она наконец увидела его. Он стоял у стеклянной витрины спортивного магазина и ждал, пока она положит трубку.

* * *

Подъезжая к особняку Пныри в Сокольниках, Варя выключила телефон. Бородин мог перезвонить в любую минуту, не хватало только беседовать с ним при Пныре.

Ей еще не приходилось бывать в гостях у старого вора, но адрес она знала и без труда нашла высокий бетонный забор в тихом безлюдном переулке, неподалеку от парка. Ворота разъехались, пропуская ее машину. Варя увидела бело-голубую виллу, выстроенную в старом английском стиле. Охранник мрачно кивнул и повел ее в гостиную. Пныря сидел у пылающего камина. Лицо его было зеленоватым, глаза красными, заплаканными, выглядел он так, словно вернулся с того света, прихватив с собой часть мучений, которые ему там полагается испытать. Варя подошла и чмокнула его в колючую ледяную щеку.

- Пить, есть хочешь? - спросил он хрипло.

- Нет, спасибо. - Она села в кресло напротив и вопросительно уставилась в больные, запавшие глаза. Она не стала спрашивать, что случилось. Пныря слабо махнул охраннику, тот удалился и закрыл дверь. Молчание длилось несколько бесконечных минут, старый вор смотрел на Варю, и она старалась выдержать этот взгляд не моргая, не отводя глаз. Наконец он опустил веки, и Варя решила оглядеться. Сквозь щель между тяжелыми темно-синими портьерами падала золотая полоса, прямая и острая, как лезвие. От солнечного света огонь в камине казался прозрачным. В огромном аквариуме, в мутной зеленоватой воде, лежало небольшое бревно, покрытое то ли корой, то ли толстой плесенью. Варя с легким ужасом угадала в нем живого крокодила. Прямо над головой у Вари что-то живо, возбужденно зашумело, и смешной механический голос произнес:

- Где деньги? Ур-рою!

Высоко, на книжном шкафу, стояла клетка с жирным пестрым попугаем. Птица смотрела на Варю сверху вниз блестящими круглыми глазками.

- Генаша погиб, - еле слышно выдохнул Пныря.

Варя попыталась вспомнить, кто такой Генаша, но не сумела. Лицо Пныри казалось мертвым. Он не двигался, и ей захотелось проверить, дышит ли он. Конечно, дышал, прислушавшись, она различила тихое, нездоровое сопение. Из-под закрытых век выкатились две мутные симметричные слезы.

- Ты можешь ничего не говорить, девочка, - произнес он, судорожно всхлипнув, - просто побудь со мной. При тебе могу поплакать, при чужих нельзя. Дай мне руку.

- Око за око! - выкрикнул попугай и засмеялся жутким человеческим смехом. - Где деньги? Ур-рою, падла!

Варя пододвинула свое кресло поближе и погладила узловатую ледяную кисть, лежащую на подлокотнике. Пныря несильно сжал ее пальцы.

- Сегодня прилетит Петюня. Он обязательно их найдет. Я лично буду с ними разбираться. Они мне расскажут все и умрут очень медленно. Но легче мне не станет. Я любил его, гаденыша, как родного сына. Зачем он это сделал со мной? За что?

Варя терпела и не задавала вопросов. Пальцы, сжатые рукой Пныри, онемели, странный, мертвый холод медленно тек от них к плечу и дальше по всему телу. В гостиной было очень жарко, но Варю зазнобило. Ей вдруг захотелось вскочить и убежать вон, подальше от крокодила, от попугая с его человеческим хохотом, от Пныри с его ледяной мертвой хваткой. Впервые она по-настоящему ясно ощутила в себе крошечную отдельную жизнь, ребеночка, которому наверняка бесполезна эта мертвая хватка старого жуткого вора.

«Вот он держит меня за руку, и что-то такое передается через кожу. Мне страшно, а ребеночку какво? - подумала она и тут же попыталась отогнать эту бредовую мысль. Она знала, какая у Пныри интуиция, он мог запросто почувствовать ее отвращение, и это было куда опасней всяких туманных биотоков. - Я должна искренне пожалеть его, полюбить. Он старый, больной человек. У него случилось огромное несчастье. Ему плохо. Мне его очень жалко, я его люблю как родного. Бедненький, хорошенький Пныречка, я с тобой, ты можешь мне верить».

Самовнушение помогло. Рука, задеревеневшая, почти парализованная, стала согреваться. Страх пропал.

- Может, тебе поспать? - осторожно спросила она. - Знаешь, я, когда мне очень плохо, пытаюсь уснуть. А потом все кажется легче, голова проясняется. Ты ложись сюда, на кушетку, а я с тобой посижу. Я не уйду, буду с тобой сколько нужно.

Веки его приподнялись, рука сжала Варины пальцы больно, до хруста. Он медленно повернул голову и взглянул ей в глаза:

- А ты не врешь, девочка? Ты ведь должна ненавидеть меня.

- За что?

- Сама знаешь. Я виноват перед тобой.

- Нет, Пныря. Кто был виноват, тот свое получил, - проговорила она медленно и жестко. - А тебе я благодарна, на всю жизнь. Если бы не ты, я бы, наверное, до сих пор эту мразь любила. Он меня по стенке размазал, а ты соскреб, собрал в горсточку, можно сказать, реанимировал.

- Я тебя под Мальцева подложил, - эхом отозвался Пныря, - под жирного тупого борова. Ты прости меня, девочка. Ты могла бы замуж выйти за хорошего человека, ты могла бы стать счастливой.

- Перестань, - нервно хохотнула Варя, - тебе и так худо, что ты себя мучаешь? Ни в чем ты не виноват передо мной. К Мальцеву я привыкла, у меня все отлично.

- Перестань, - нервно хохотнула Варя, - тебе и так худо, что ты себя мучаешь? Ни в чем ты не виноват передо мной. К Мальцеву я привыкла, у меня все отлично.

- Привыкла, говоришь? - Слезы высохли, глаза сухо блеснули из черных глазниц. - Вот это напрасно. Скоро придется отвыкать.

Послышался тихий тяжелый плеск. Крокодил в аквариуме зашевелился, повернул голову и уставился на Варю мутными глазами. Чудовищная зубастая пасть приоткрылась, хвост глухо стукнул в стекло.

- Ты чего, малыш? - ласково спросил хозяин. - Кушать хочешь? погоди, дружок, тебе толстеть вредно. Повар сказал, ты утречком целого живого кролика слопал, так что потерпи, милый, до вечера.

Крокодил попятился боком и улегся в мутной глубине.

- Тварь, а понимает, - кивнул Пныря, и слабая улыбка тронула его губы. - Когда жрет живьем кролика или цыпленка, плачет. Слезы ручьем. Видишь, какой сострадательный?

- Разве можно разглядеть слезы в воде?

- Он на суше жрет.

- Ты что, выпускаешь его? - испугалась Варя.

- А как же! Конечно, не на ковер, он здесь мне все изгадит. Его в бассейн сливают из аквариума, а питание пускают бегать по бортику. Ну, двери, конечно, приходится запирать. Я, знаешь, люблю смотреть, как он резвится. Потом, правда, кровищи много, но там у меня английский кафель, все легко отмывается. Ну и воду, конечно, приходится менять. Он мне дорого обходится, но что поделаешь?

- Так он кроликов и цыплят живьем ест? - Варя слегка поморщилась.

- Живьем, - кивнул Пныря, - иначе ему не вкусно.

- Но он ведь может человека укусить.

- Может, а как же? На то он и хищник. Это как раз хорошо. Я на нем свою охрану дрессирую. Они его по очереди обслуживают, а я наблюдаю. - Он отпустил наконец ее руку и провел пальцем по щеке, по шее. - Значит, ты, Варюша, зла на меня не держишь? Это правильно, девочка, если не врешь, конечно. Зло нельзя в себе держать, оно растет внутри, душит и требует выхода. Я всегда по глазам вижу, когда у человека жаба в душе. У тебя глазки ясные,

чистые, потому и люблю тебя как родную дочь. Ты поняла, девочка? Как родную дочь.

В ответ Варя не нашла ничего лучшего, как прижаться щекой к его руке. С губ чуть не сорвалось надрывное и робкое «Папочка!». От этого вдруг стало дико смешно. Сцена получалась в духе дешевого сериала. Она давно заметила, что вокруг вора постоянно витает этот приторный фальшивый душок.

Оставалось только зарыдать и кинуться Пныре на шею. Смех, готовый предательски вырваться наружу, оказался кстати, на глазах выступили слезы, и вор решил, что она едва сдерживает рыдания.

- Ну что ты, девочка, не надо, - хрипло прошептал он и погладил ее по вздрагивающей спине. - Все будет хорошо. Видишь, как получается, кого любишь, того и теряешь. Как я теперь сестренке в глаза посмотрю? Единственный сын.

«Племянник! - догадалась Варя. - Ну да, конечно, он рассказывал что-то про родную сестру в Воронеже... Он все хотел перетащить их в Москву, сестру с племянником, но они почему-то сопротивлялись. Он бы отлично их здесь устроил, так же, как эту многодетную Изольду, дочь своего убиенного воронежского кореша Вани. У нее семеро детей, Пныря купил ей огромный дом под Москвой...»

И тут же в памяти опять всплыла картинка, на этот раз более четкая. Залитая солнцем лужайка, эскорт машин у ворот, подростки, играющие в мяч. Три девочки. Две совершенно одинаковые красотки с прямыми светлыми волосами, рыжая тощенькая, с разбитой коленкой. Начало мая, ясный ветреный и холодный день. На лужайке вместе с девочками резвится взрослый мужчина. Белые кроссовки, белый спортивный костюм. С Зойкиными детками занимается спортом бывший чемпион России по боксу. Моментальный стоп-кадр. Правильное стандартное лицо, светлый ежик волос...

- Кого любишь, того и теряешь, - донесся до нее глухой голос Пныри, - я души в нем не чаял, баловал, верил ему, как самому себе, а он смотри что устроил, гаденыш.

- Он что, покончил с собой? - осторожно спросила она.

- Типун тебе на язык! Взорвали его. Пошел, понимаешь, по магазинам, молодой жене подарок покупать, и тут как раз бабахнуло.

- Погоди, кто-то заранее знал, когда и в каком магазине он будет?

- Заранее не заранее, но бабахнуло как раз вовремя.

- Где это произошло?

- В галерее на Пушкине.

- Она большая, там магазинов много, бутики, ювелирные, парфюмерные, - задумчиво произнесла Варя, - невозможно угадать. Ведь не всю же галерею взорвали?

- Не всю. Один только магазин, там модная одежда. Бутик «Вирджиния». Генаша рядом был, в соседнем, ювелирном. Люстра грохнула, и прямо ему на голову. Как я сестре своей Гале в глаза посмотрю? Он у нее единственный сынок.

- Она уже знает? - Варя вскинула влажные блестящие глаза и затаила дыхание, чувствуя, как

холодеют руки.

- Нет. Ты позвони ей, но сразу не говори. Пусть вылетает в Москву. Такие вещи нельзя по телефону. Здесь и похороним Генашу, на Новодевичьем.

- Ты хочешь, чтобы я позвонила твоей сестре? - удивилась Варя. - Но мы с ней не знакомы.

- А кого мне еще просить? Сам не могу, сил нет. Этих просить? - Он кивнул на дверь. - Они челядь, шестерки, им мое горе по фигу. Позвони, девочка, у тебя рука легкая и голос приятный. Давай-ка я номер наберу, а ты скажешь.

- Почему именно я? Попроси эту свою, как ее? Изольду, дочь твоего воронежского друга Вани. Помнишь, мы заезжали к ней? У нее семеро детей, кажется. Там еще был какой-то боксер. - Она произнесла все это очень быстро, на одном дыхании, надеясь прояснить мучительное смутное воспоминание.

- Кого попросить? - рявкнул Пныря. - Зойку? Да они с моей Галей всю дорогу друг друга не переваривают. Ты звони. Зойка тоже чужая, просто долг у меня перед покойным Ваней, отцом ее, на всю жизнь, а так, чисто по-человечески, она мне чужая.

- Ну ладно, - вздохнула Варя. - Что сказать?

- Скажи: здравствуй, Галя. Твой брат Вова просил меня позвонить тебе. Срочно вылетай в Москву. Билеты тебе сегодня доставят домой. Ну, поняла? Разве это так трудно?

- Отчество у нее какое? - спросила Варя, пытаясь сдержать улыбку.

- Ну, если она моя родная сестра, то какое у нее отчество? Васильевна она, как и я. Однако ты лучше так, по-простому. Если обратишься официально, она напугается.

- Можно хотя бы на «вы»?

- Ни в коем случае. Надо теплей, ласковей. - Он набрал на своем сотовом номер и передал Варе телефон. Не подходили долго. Наконец послышался глухой женский голос.

- Галя? - осторожно спросила Варя.

- Кто это?

- Позовите, пожалуйста, Галю.

- Нету ее.

- А когда будет?

- Кто говорит?

- Это из Москвы, от ее брата Владимира.

- От Вовки, что ли? Ну вот и передай ему, что сволочь он последняя. - Раздались частые гудки. Варя растерянно посмотрела на Пнырю.

- Ну, что? - спросил он. - Разъединилось?

- Нет. Там трубку положили. Гали нет, подошла какая-то женщина.

- Анатольевна, соседка, - догадался Пныря. - Не любит она меня, стервоза. Ну, ну, не бойся, договаривай, что она тебе ответила.

- Охота тебе гадости слушать? - пожала плечами Варя. - Если ты знаешь, что она тебя не любит, какая разница, что она сказала?

- Ай, ладно. - Он выхватил телефон и опять стал набирать номер. На этот раз трубку взяли мгновенно. Пныря налился свекольным цветом и заорал:

- Анатольевна! В чем дело? Да, я! Когда? В какую больницу? Да не вопи ты, дура, не может у нее быть инфаркта, у нее сердце здоровое! Я сам буду говорить с врачами, я им устрою инфаркт! Вылетаю прямо сегодня! Все! - Он бросил телефон на пол, несколько минут сидел, тяжело отдуваясь. Лицо его постепенно бледнело.

- Сообщили уже, - прошипел он еле слышно. - Оперативно работают, суки, - он опять замолчал, лицо его сжалось, как будто окончательно усохло и превратилось в голый череп.

В тишине послышался стук, дверь приоткрылась, и показалась бритая голова охранника.

- Куда лезешь? Я сказал, не трогать меня! - рявкнул Пныря.

- Тут следователь к вам просится, - сообщил охранник, - машина у ворот. Пускать?

- Какой следователь? Что ты брешешь?

- По документам из ФСБ.

- Номер какой на машине?

- Правильный номер. Уже проверили.

- А по телефону? По телефону проверяли, я спрашиваю? Из какого он отдела?

- Он не сказал.

- Так узнайте! И позвоните туда. Понял, нет? Пока все не выясните, не пускайте. Ее машину, - он кивнул на Варю, - быстро подгоните к задним воротам.

Охранник исчез. Пныря хмуро взглянул на Варю и произнес:

- Иди-ка быстренько отсюда, там тебя через задний выход проведут. Не надо тебе перед ними здесь мелькать.

- Когда к тебе приехать? Тебе сейчас нельзя одному.

- Позвоню. Выметайся, быстро! Позвоню сегодня вечером. Все, тебя здесь нет.

Варя чмокнула его в лоб, провела ладонью по гладкой лысине и прошептала:

- Ты на них крокодила напусти!

Отъехав от особняка совсем недалеко, Варя остановила машину, включила телефон, вывалила

на сиденье все содержимое своей сумочки и, просмотрев около дюжины визитных карточек, нашла то, что искала. На глянцевом четырехугольнике было написано: «Фирма „Вирджиния“. Сеть магазинов эксклюзивной женской одежды. Радченко Эдуард Сергеевич. Менеджер».

Глава тридцать первая

Ксюша как будто прилипла к таксофону. Она уже трижды набирала номер родителей, хотя было ясно, что дома никого нет. Белобрысый все стоял у витрины и смотрел на Ксюшу. Ей хотелось заорать во всю глотку. Но она знала, что бандит исчезнет, а ее примут за сумасшедшую. Потом он непременно появится опять и как-нибудь так, что закричать она не успеет. Мимо проходили люди, какая-то бабулька задержалась у коляски и громко произнесла:

- Ой ты какой хорошенький, что ж он у тебя без шапочки? Смотри, ушки ему продует, - и, не дождавись ответа, пошла дальше.

Маша заворочалась, захныкала. Ксюша покачала коляску, чувствуя, что сейчас упадет, так сильно кружилась голова. И вдруг сам собой набрался еще один номер. Она поняла, куда звонит, когда трубку уже взяли, хотела тут же нажать отбой, но рука как будто окаменела.

- Ну, говорите, я слушаю, - произнес знакомый хриплый баритон.

- Митя, привет, - прошептала она, почти теряя сознание.

- О господи, Ксюша! Я не надеялся, что ты позвонишь, родители сказали, ты вышла замуж, твоего нового телефона не дают, в больнице сказали, ты уволилась. Где ты? Почему у тебя такой голос?

- Ты что, правда искал меня?

- Ну да, конечно. Я ужасно по тебе скучаю, и вообще...

- Что вообще? Как же твоя эта, с бриллиантами?

- Кто?

- Ну, высокая брюнетка, ты все ждал ее звонка, потом вы помирились.

- Да к черту ее! Я не понимаю, о ком ты говоришь. Слушай, давай встретимся сегодня вечером где-нибудь. Приходи ко мне часам к восьми. Сможешь?

Маша окончательно проснулась и громко заплакала.

- Подожди минутку. - Ксюша взяла ее на руки.

- У тебя там что, ребенок плачет? - удивился Митя.

- Да, Митенька, у меня ребенок. Девочка Маша. Тебе разве мои родители не сказали, когда ты спрашивал телефон?

- Нет. Ничего не сказали. Они вообще как-то очень жестко со мной говорили, я решил, ты их предупредила, что не хочешь меня видеть. Значит, девочка Маша? Сколько ей?

- Три месяца и две недели.

- Да, значит, ты замужем, у тебя ребенок, а я, конечно, полный идиот. Ксюша, зачем ты позвонила?

- Не знаю. Если я скажу тебе, что мне чрезвычайно худо, ты начнешь меня учить, что нельзя жаловаться, надо быть холодной загадочной стервой. Лучше я буду стервой и скажу, что мне отлично. А позвонила я просто так, от нечего делать. Представляешь, при маленьком ребенке куча свободного времени. А потому, что я умная и правильно вышла замуж. У меня домработница и никаких хлопот. У меня богатый муж, гениальная свекровь, они меня обожают, денег навалом, счастья еще больше. И я страшно рада, что ты не пришел тогда на Пушкинскую. Помнишь, мы хотели пойти в кино, но ты вдруг помирился с этой своей, которую забыл, как зовут.

Она так разволновалась, что на минуту забыла о белобрысом. Между тем он подошел совсем близко и смотрел прямо на нее сквозь темные очки.

- Ну да, да, я идиот, я ужасно виноват, причем перед самим собой больше, чем перед тобой, - быстро, сладко говорила трубка, - если бы не ребенок, у меня была бы еще надежда, но я тебя слишком хорошо знаю. Сколько мы с тобой не виделись? Год и две недели...

- Ты так точно помнишь? Ну да, правильно. Потом еще раз, мельком, в больнице, но это, конечно, не в счет.

- Может, ты все-таки приедешь? Я бы сам приехал, но у тебя муж, свекровь, домработница... Ну, придумай что-нибудь. Ты ведь можешь просто выйти погулять с ребенком, взять такси и повидаться с бывшим одноклассником. Смотри, она успокоилась.

- Да. На руках она всегда быстро успокаивается. Я тебе не верю, Митенька, - всхлипнув, произнесла Ксюша, - ты говоришь со мной именно так, как я хотела, чтобы ты со мной говорил, понимаешь? Я себе выдумывала сладенькую сказку, что ты ужасно пожалеешь, захочешь все вернуть, я утешалась этим и знала, что так не будет никогда. Все, у меня больше нет жетонов. Я звоню из автомата.

- Ты приедешь?

- Не знаю. Может быть. - Она повесила трубку. Сердце колотилось у горла. Маша притихла на руках. Белобрысый все стоял и смотрел.

- Ну, что уставился? - громко спросила Ксюша. - Думаешь, я тебя боюсь? Пошел вон! Эй, товарищ милиционер! - закричала она во все горло, не видя никакого милиционера поблизости. - На помощь! Милиция! Помогите!

Прохожие оборачивались, двое мужчин остановились, шагнули к Ксюше.

- В чем дело, девушка?

На секунду они заслонили белобрысого, Ксюша уже знала, что, если они обернутся, его уже не будет, и все-таки сказала:

- Человек в темных очках, у вас за спиной, он преследует меня.

- Кто, вот этот? - Один из мужчин поймал за руку случайного прохожего, лысого толстяка в темных очках. Тот возмущенно дернулся, но бравый заступник профессиональным приемом заломил ему руку за спину.

- Нет, нет, это не он, отпустите его, тот моложе, выше и худей, у него светлые короткие волосы, голубые джинсы, белые кроссовки, но он уже убежал.

Освобожденный толстяк двигал плечом, громко возмущался и не собирался уходить.

- Безобразия! Хватают на улице, руки выворачивают! Вы мне за это ответите! Документы! Сию минуту предъявите ваши документы!

Молодые люди хмыкнули и быстро зашагали прочь, оставив Ксюшу наедине с возмущенным толстяком и кучкой зевак, слетевшейся на крик.

Ксюша, не обращая внимания на скандал, который набухал неумолимо, уложила Машу в коляску, хотела ехать, но толстяк стоял на пути.

- Разрешите, - произнесла она спокойно.

- Не разрешу! - рявкнул он ей в лицо. - Ты с ними заодно!

- Вы бумажник проверьте, - посоветовала толстяку востроносая худая женщина с огромной хозяйственной сумкой. - Вон, у меня соседка позавчера покупала картошку с грузовика, сдачу посчитала, глядь, пяти рублей не хватает, стала с продавцом выяснять, пока ругались, кто-то у нее из сумки кошелек вытащил, так что вы, мужчина, проверьте.

- Вон, смотрите, у вас сумочка на животе расстегнута! - Крошечная бабулька в белом платочке ткнула пальцем толстяку в пузо, тот схватился за сумочку и закричал во все горло:

- Воры! Ограбили! Милиция!

- Ага, ищи их теперь, - радостно заметил кто-то. - Все, плакали ваши денежки, мужчина. Много было?

Ксюша потихоньку объезжала толстяка, пока тот проверял содержимое своей сумки, и уже почти объехала, когда востроносая ловко схватила ее за локоть:

- Куда?! Вот она, сообщница! Они целой бандой работают, да еще с ребенком, для отвода глаз, разве у честной женщины в наше время есть деньги на такую коляску?

Тут наконец явились два милиционера:

- Так, товарищи, в чем дело?

- Вот, мужчину ограбили, а девка сообщница, - затараторила тетка. - Я ее давно приметила, шастает здесь со своей коляской, с виду приличная, а воровка!

Ксюша остолбенела. Надо было что-то говорить, объяснять, оправдываться, но ситуация выглядела настолько дико, что она не находила слов.

- Пройдемте, девушка, и вы, гражданин потерпевший, пожалуйста, следуйте с нами. Так, кто тут у нас свидетель? Вы, женщина, тоже пройдемте с нами.

Через десять минут вся процессия входила в районное отделение милиции. Востроносая гражданка продолжала отчаянно верещать, толстяк замолчал, насупился.

В отделении Ксюша узнала, что в микрорайоне давно работает ловкая банда карманников и

она, гражданка Солодкина, является долгожданной сообщницей воров. Первую часть этой информации Ксюша услышала от дежурного старшего лейтенанта, а вторую выкрикнула востроносая свидетельница, и обворованный толстяк с удовольствием это подтвердил.

- Сколько у вас пропало денег? - спросил дежурный.

- Все пропало, что было, - сообщил толстяк. - Вот, только мелочь на доньшке. - Он отстегнул сумочку от пояса и высыпал содержимое на стол. Перед дежурным лежали ключи на пластмассовом брелке с розочкой внутри, какие-то таблетки, паспорт, карточка метро, горсть мелочи. - Было три тысячи рублей, точнее, три сто, полторы полочки, понимаете вы? - грозно рявкнул толстяк. - Где они теперь, я спрашиваю? - Он потряс сумочкой у дежурного перед носом. - Сейчас деньги воровать - все равно, что в войну карточки!

- В прежние времена за такое сразу к стенке! - взвизгнула старуха, обращаясь к Ксюше. - Ну, что смотришь? Что глаза вылупила, воровка!

- Так, давайте-ка потише, гражданочка, - проворчал дежурный и взял сумку из рук толстяка. - Разрешите? А вот тут, гражданин, у вас еще отделение, на молнии, посмотрите, что там.

- Там пусто, я что, не помню, куда деньги клал? - Толстяк открыл молнию, и лицо его побагровело. - Странно... ничего не понимаю... - Он извлек плотную пачку сотенных купюр и уставился на них вытаращенными глазами.

- Ну вот, давайте пересчитаем, гражданин, - тяжело вздохнул дежурный.

Толстяк принялся пересчитывать дрожащими пальцами, наконец прошептал:

- Три тысячи сто...

- Значит, три тысячи сто было и столько же осталось, - удовлетворенно кивнул дежурный. - Интересный какой карманник у нас пошел. Перед девушкой извиниться не хотите? И вы, гражданочка, тоже, будьте любезны, принесите свои извинения, а то уж больно много вы здесь наговорили.

- Ну вот, давайте пересчитаем, гражданин, - тяжело вздохнул дежурный.

Толстяк принялся пересчитывать дрожащими пальцами, наконец прошептал:

- Три тысячи сто...

- Значит, три тысячи сто было и столько же осталось, - удовлетворенно кивнул дежурный. - Интересный какой карманник у нас пошел. Перед девушкой извиниться не хотите? И вы, гражданочка, тоже, будьте любезны, принесите свои извинения, а то уж больно много вы здесь наговорили.

- Мне ее приятели чуть руку не сломали, и я еще буду извиняться?! - крикнул толстяк. - Я вот сейчас в поликлинику обращусь, там сделают рентген, может, вывих у меня или вообще перелом, почему я должен извиняться? Безобразие!

- И все-таки вы извинитесь, гражданин, - металлическим голосом произнес дежурный. - А насчет перелома и вывиха, это вряд ли. Больно уж резвый ты для перелома, - добавил он еле слышно, - вместо того чтобы по-человечески прощения попросить, права здесь качаешь.

- Вы мне не тычьте! Да я... да вы... безобразие! И не буду я извиняться, нечего мне извиняться, - бормотал толстяк, сгребая со стола свое хозяйство.

Старуха тоже извиняться не собиралась, подняла такой визг, что ее вывели на улицу под руки, и долго еще у всех звенело в ушах.

- Я могу идти? - тихо спросила Ксюша. - Верните, пожалуйста, мой паспорт.

- Ксения Михайловна, что у вас случилось? Почему вы кричали и звали на помощь? - спросил кто-то у Ксюши за спиной.

Она обернулась и увидела молодого человека в форме с ее паспортом в руках.

- Верните, пожалуйста, паспорт. Мне надо идти, - произнесла она, чувствуя, что сейчас опять заплачет.

- Капитан Мельников, - представился молодой человек. - Паспорт, пожалуйста, возьмите, но я попрошу вас задержаться и ответить на несколько вопросов. Не волнуйтесь, это не займет много времени.

Олег валялся на тахте в столовой перед телевизором, рядом на полу стояла пепельница, наполненная окурками. Раиса застыла в дверях, скрестив руки на груди. Было так накурено, что у нее запершило в горле и слезы выступили.

- Хоть бы окно открыл, проветрить, - сказала она откашлявшись. - Есть будешь?

- Нет.

- Может, чаю выпьешь? - Она прошла через столовую, с треском распахнула окно.

- Отстань, а? И закрой, комары налетят.

- Ничего, я сейчас спиральку подожгу. Ты бы жене позвонил, нельзя же так, в самом деле. Устроил здесь бардак, прости господи, девок пригласил неприличных. Ну какая нормальная жена такое вытерпит? Другая на ее месте тебе бы глаза выцарапала, вот что. Позвони, попроси прощения.

- Обойдется! - рявкнул Олег и закурил очередную сигарету.

- Чего ж ты женился на ней, если совсем не любишь?

- Слушай, ну что ты ко мне пристала? - Олег резко сел, спустил на пол ноги в грязных носках. - Что ты душу из меня тянешь, а?

- Не ори! Я живой человек, не могу все время молчать и обслуживать вас, как робот! Мне ребенка жалко, и, между прочим, не только Машу. У тебя, Олег, есть еще одна дочка, ей сейчас уже лет четырнадцать. Ее Оленька родила, а ты небось и не видел ее ни разу в жизни. Я, старая дура, хоть и не виновата в этих ваших грехах, а все равно чувствую себя сволочью последней, потому что столько лет молча наблюдала и не вмешалась ни разу. - Она выпалила это на одном дыхании, покраснела и зажала рот ладонью.

Несколько секунд Олег молчал, глядя на Раису с такой тупой тоской, что она испугалась. Вдруг из-за ее срыва он, обалдуй несчастный, что-нибудь с собой сделает? Дрыхнет целыми днями, валяется на тахте, курит так, что все вокруг насквозь провоняло дымом. Это не просто

безделье, это что-то психическое у него, депрессия, похоже.

- Пятнадцать, - произнес он наконец и слабо, странно улыбнулся.

- Что? - тревожно переспросила Раиса.

- Люсе шестого числа исполнилось пятнадцать лет.

Раиса раскрыла рот и тяжело опустилась на стул. Олег загасил недокуренную сигарету и нечаянно опрокинул пепельницу на пол. Раиса охнула, сорвалась со стула, выскочила из столовой и вернулась через минуту с веником и совком.

- Смотри, какая ты у нас дрессированная, - усмехнулся Олег. - Здорово матушка тебя воспитала. Она умеет. Не обижайся, я тоже дрессированный.

- Ноги подними, мешаешь. И носки надень другие. Нету, что ли, целых и чистых? Вон, три шкафа барахла. Так ты видишься с ней, с девочкой-то? А что Оля? Как она поживает?

- Оля никак не поживает, - ответил Олег механическим голосом. - Она умерла.

- Ой, батюшки! Давно? - Раиса смела окурки, выбросила в камин, потом, встав на четвереньки, принялась тряпкой оттирать остатки пепла.

- Да ладно тебе, перестань, сядь. Ольга умерла давно, больше десяти лет назад.

- Что, болела? - Раиса села на край тахты с тряпкой в руках.

- Вроде того. - Олег криво усмехнулся. - Из окошка выпрыгнула.

- Из окошка? - вскрикнула Раиса. - Надо же, вот ведь говорят, если человек пугает, никогда этого не сделает.

- Что ты имеешь в виду?

- А то, что я как-то сняла ее с открытого окошка, беременную. - Раиса поджала губы. - Знаешь, что она мне сказала тогда? Я на всю жизнь запомнила. Она сказала, что хозяйка ее ненавидит и все равно убьет, так лучше уж она сама. Вот так. А еще раньше была история. Электрический фен упал в таз с водой, когда Ольга свитер твой стирала. Как будто случайно. Нет, ну конечно случайно, что я говорю?

- Фен, значит. Электрический. И в розетку был включен, да? Смотри-ка. - Олег подмигнул. - В каждой шутке есть доля шутки. Матушка, правда, ненавидела ее. Она убедила себя и отца, что это Оля посадила меня, чистого мальчика, на иглу. Как будто не знала, что к тому времени я уже баловался всякими индийскими травками, покуривал марихуану и анашу, просто из творческого любопытства. Оленька сначала панически боялась наркотиков, но я внушил ей, что в них нет ничего страшного. Если она не попробует настоящего кайфа, мы никогда не пойдем друг друга. А она меня любила, дурочка. Между прочим, из всех баб только она одна и любила меня по-настоящему. Мы перепробовали все и остановились на ЛСД.

- На чем остановились? - заморгала Раиса.

- Наркотик такой. ЛСД называется, - улыбнулся Олег.

- Погоди, Олежек, ты наркоман, что ли? - Раиса осторожно погладила его по руке. -

Бедненький, это ж не лечится. Это медленная, мучительная смерть, я вот передачу смотрела, там показывали наркоманов, кошмар, полная инвалидность к тридцати годам, и СПИД у них часто бывает, ты-то как, соблюдаешь осторожность?

Олег уставился на нее воспаленными выпуклыми глазами и вдруг дико, страшно засмеялся. Тело его дергалось, брызнули слезы, наконец, справившись с собой, он спросил сиплым, сорванным голосом:

- Ты придуриваешься или серьезно? Ты что, правда не знала, что я наркоман? Двадцать пять лет практически живешь у нас, все у тебя на глазах, и ты не знала?

- Я думала, у тебя диабет и давление. - Раиса спрятала голову в плечи, как будто испугавшись, что он сейчас ее ударит. - Хозяйка говорила, у тебя целый букет болезней... А оказывается, вот оно что. И Оленька, значит, тоже? Ну, теперь я понимаю. А она все-таки выбросилась, бедненькая, при ребенке маленьком... ужас какой! Ну а девочка что?

- Девочка слабоумная. Я же говорю, мы с Олей сидели на ЛСД, этот наркотик как-то интересно влияет на хромосомы. Никто пока точно не знает, как именно. Врачи называют Люсю олигофренкой. Матушка боится, что кто-нибудь узнает о Люсе. - Олег рухнул на тахту и опять захохотал. - Ну как же, у Галины Семеновны Солодкиной, у такой успешной, такой богатой и блестящей дамы сын наркоман и внучка олигофренка!

- погоди, что ты смеешься все время? Плакать надо. Так где же она живет? С кем?

- Девочка? - Олег перестал смеяться, лицо его вытянулось в странной болезненной гримасе. Раиса со страхом и жалостью смотрела на его некрасивый курносый профиль. - А была ли девочка? - простонал он высоким, фальшивым фальцетом. - Толстая нелепая Люся, вся в прыщиках, вся такая добрая, ласковая. С ума сойти можно. Жил себе, жил, знал, что она существует где-то, но совершенно о ней не думал. А увидел, и что-то со мной случилось. Окончательно свихнулся. Скучаю по ней. Тянет меня туда как магнитом. Мотаюсь с видеокамерой, снимаю Люсю, а потом люблюсь потихоньку своим детенышем. Бред какой-то, безумие. Матушку едва инфаркт не хватил, когда узнала, что я туда езжу. Орала, рыдала, умоляла.

- Куда едешь? Можешь по-человечески объяснить?

- В гадюшник этот. В питомник. К Люсе. - Он не глядя протянул руку за сигаретой, стал щелкать зажигалкой, но газ кончился, он отшвырнул зажигалку и крикнул: - Дай спички!

- Ты очень много куришь, - машинально заметила Раиса, взяла коробок с камина и протянула ему. - Значит, девочку в детский дом сдали?

- Ну а куда же? Нет, ты не думай, это не простой детский дом, а самый что ни на есть лучший.

Семейный. Люсю окружают здоровые доброжелательные дети, например вот эти веселенькие близняшки, которые сюда приезжали с фотографом Кисой.

- Господи, так ведь ее там заключают, она ж больная, слабенькая, - покачала головой Раиса, - а они вон какие наглые.

- Это ты зря. Матушка оказывает детдому щедрую спонсорскую помощь, Люсю за это любят, пылинки с нее сдувают. Удочерили ее официально, фамилию свою дали. Все оплачено,

подмазано, документы в полном порядке, и забота, и домашний уют. У матушки совесть спокойна. С одной стороны, никто не ведает о нашем позоре, с другой – больной ребенок пристроен отлично, по высшей категории.

- И давно ты стал к ней ездить?

- Меньше года. Матушка мне все голову морочила, говорила, Люсю в Америку увезли, там много бездетных, вот и вывозят наших больных детишек. Здоровых за границу не выпускают, а больных – пожалуйста. Я с удовольствием глотал это вранье. Я думал, девочке в Америке лучше, там к дефективным относятся совсем по-другому. А однажды мне позвонила Ольгина сестра, Лиля, и повезла показать Люсю. Я тогда находился в крепкой завязке, то есть был почти нормальным человеком. Оказалось, Лиля ездит туда постоянно, иногда берет Люсю к себе. Она после смерти Ольги не решилась оставить девочку у себя. Молодая одинокая женщина, работает с утра до вечера, зарабатывает копейки, помощи никакой, ей только не хватало больной племянницы. А тут матушка моя со своими разумными предложениями, мол, там, в семейном детском доме, специальные реабилитационные программы и такой уход, какого она, Лиля, при всем желании не сможет обеспечить.

- Погоди, зачем хозяйке это понадобилось? – перебила его Раиса. – Вы же с Ольгой даже расписаны не были, она могла вообще умыть руки и не суетиться.

- Стало быть, не могла, – улыбнулся Олег, – она хоть и сильная женщина, и деловая, но все-таки не совсем животное. Она хотела как лучше. А может, и другие есть причины, не только нравственного порядка. Не знаю, она мне не докладывала.

Раиса помолчала, морщась от каких-то сложных раздумий, потом спросила тихо:

- Значит, ты так долго спал из-за наркотиков?

- Ага. Это называется нарколепсия. Со мной такое уже было. В принципе, можно сдохнуть запросто или какую-нибудь конечность отлежать так, что потом придется ампутировать.

- Ой, господи, – покачала головой Раиса, – ну ты, Олежек, от этой пакости собираешься освободиться? Или так вот будешь смерти ждать?

- Сейчас опять пытаюсь, в сотый раз, наверное. Жить хочется, понимаешь ли. Очень хочется жить. Как ты меня разбудила, так и терплю с тех пор. Кстати, учти, у меня скоро ломка начнется, ты не пугайся. Конечно, если станет совсем хреново, вмажусь методоном.

- Может, тебе в больнице полежать? Сейчас вон сколько рекламируют всяких клиник, где избавляют от наркотической зависимости.

- Да ну, фигня. – Он махнул рукой. – Я на своей шкуре перепробовал практически все. Надо хотя бы раз самому до конца переломаться, перетерпеть, без посторонней помощи.

- А Ксюша знает?

- О чем? О том, что у меня есть слабоумная дочь? Разумеется, нет.

- А что ты наркоман?

- Ну, это только ты у нас такая наивная, такая дрессированная. – Олег оскалил крупные прокуренные зубы. – Впрочем, у Ксюши все впереди. Пока знает, потом научится не знать.

- Как же она решилась рожать от тебя?
- А она и не решалась.
- Да ты что?!
- Ничего. Маша - не мой ребенок.
- С ума сошел? - Раиса перешла на шепот. - Как же это может быть? Я не верю, вот не верю, и все, что бы ты мне ни говорил!
- Ну, не верь, - разрешил Олег. - Что от этого изменится? Я почти двадцать лет на игле. От меня уже давно никто родиться не может. При всем желании. Да и желания нет давным-давно. Правда, это строго между нами, Раиса. - Он подмигнул. - Поняла?
- Нет, - покачала головой Раиса, - ничего я не поняла и понимать не хочу. Тебе, гаденышу, повезло, наконец нашлась девочка хорошая, чистая и ребенка родила здоровенького, загляденье, а не ребенок. Ты вот взял бы, собрал свою волю в кулак, бросил бы эти чертовы наркотики и зажил бы наконец нормально, как человек. Тебе же всего сорок, для мужчины самый лучший возраст. Забрал бы Люсю из детдома, мало ли что там хозяйка выдумывает? Нельзя с таким грехом жить, Олежек, нельзя. При живом отце, при живой бабке девочка в детдоме. Ну, пусть больная, пусть слабоумная, ты сам говоришь, она добрая, ласковая, она твой родной ребенок, будь ты человеком, заведи ее.
- Люся не слабоумная. - Олег зажмурился и помотал головой. - Она мутант, таинственное существо, живущее не по кретинским общепринятым законам, а по своим собственным. Слушай, а может, она просто ангел? А, Раиса? Хочешь полюбоваться ангелом?
- Послышались шаги по гравии, и через минуту в дверь постучали.
- Это кого еще принесло? - вздрогнул Олег.
- Может, Ксюша вернулась? - Раиса, кряхтя, отправилась на веранду. В дверях она увидела высокого приятного мужчину в новеньких джинсах и голубой рубашке.
- Добрый день. Капитан Косицкий. Уголовный розыск. - Он показал раскрытое удостоверение.
- Ой! - Раиса зажала рот ладонью. - Что случилось?
- Мне нужно побеседовать с Солодкиным Олегом Васильевичем. Он здесь?
- Да, проходите...
- * * *
- Вам знакомы эти люди? - Молодой вежливый капитан, заместитель начальника по розыску, разложил перед Ксюшей пасьянс из портретов.
- Нет, - ответила она, даже не взглянув.
- Так, Ксения Михайловна, давайте-ка мы успокоимся и побеседуем без эмоций.
- Я совершенно спокойна. Эмоции здесь ни при чем. Просто я не хочу с вами беседовать. Не хочу, и все.

- Ну мы же принесли вам официальные извинения, никто вас ни в чем не обвиняет, я всего лишь прошу вас посмотреть на эти фотороботы и сказать, знаете ли вы кого-то из этих людей.

- Не знаю.

- Почему вы закричали и позвали на помощь?

- Потому, что за мной шел один человек.

- Вы знаете, кто он?

- Понятия не имею.

- А что же тогда испугались? Вы ведь вызывали милицию ночью, верно?

- Вызывала и очень в этом раскаиваюсь. Одно дело, когда меня обвиняет в воровстве какая-то случайная старая истеричка, и совсем другое, когда на это намекают сотрудники милиции, без всяких оснований, просто так, потому что квартира богатая и муж старше на двадцать лет. Я могу идти? Мне пора покормить ребенка, я устала. Все, до свидания.

- Да погодите вы, ребенок спит спокойно, не плачет.

- У вас накурено. Ребенку вредно этим дышать.

- Ну я уже открыл окно и не курю, хотя очень хочется. - Капитан Мельников тронул ее ледяную дрожащую руку. - Вы же взрослый человек. Сначала кто-то влез к вам в квартиру, потом преследовал вас на улице. И вы ничего не хотите сообщить? Подумайте о ребенке, в конце концов. Посмотрите на этих людей. Возможно, и в квартиру влез кто-то из них.

- Я вряд ли его узнаю. Он был в темных очках.

- Так, уже неплохо. Давайте попробуем по порядку. Какого он роста?

- Невысокий. Около ста семидесяти пяти. Худощавый, но плечи широкие. Волосы светлые, короткие. Глаза... кажется, карие, но не уверена. Без очков я видела его всего несколько секунд, лицо... у него очень правильное, какое-то плакатное лицо, и, наверное, ему просто изменить внешность. - Она говорила и разглядывала фотороботы, скользила глазами по картинкам и вдруг замолчала на полуслове, как будто зацепившись взглядом за одну из них. - Да, он очень неприметный, и возможно, это главная его особенность... все среднее, рост, возраст, телосложение, одет был в синюю футболку, голубые джинсы, белые новенькие кроссовки...

Она смотрела не отрываясь на один из семи фотороботов. Капитан понял, на какой именно, и молча ждал, не торопил ее.

Ориентировка на серийника, убившего двоих и ранившего младшего лейтенанта милиции, поступила еще вчера. А сегодня, буквально час назад, пришло сообщение, что его видели во дворе поблизости, причем именно во дворе, примыкающем к дому, в котором была прописана эта молоденькая нервная мамаша с младенцем. Вполне возможно, что бригада, приехавшая ночью, ошиблась, решив, что вызов был ложным. Капитан Мельников знал, как ведет себя его коллега капитан Смачный не только с подозреваемыми, но и с потерпевшими. Не всегда, конечно, а когда поскандалит с женой. Видимо, как раз накануне дежурства поскандалил и был такой злой, что искры летели. А если квартира, в которую приехали по вызову, выглядела

шикарно, то ничего хорошего от капитана Смачного ожидать не стоило. Богатеньких он всегда терпеть не мог и в состоянии крайнего раздражения способен был сильно обидеть человека только за то, что тот проживает в дорогом интерьере.

- Вот этот, - прошептала Солодкина чуть слышно и так побледнела, что капитан Мельников испугался. Пальчик ее в этот момент уперся именно куда надо, в фоторобот серийника.

- Вы видели этого человека? - отчеканил капитан, кашлянув. - Где, когда и при каких обстоятельствах?

- Кто он? - спросила она и вскинула такие огромные, такие голубые и испуганные глаза, что капитану стало совестно за своего хама-коллегу, который, вместо того чтобы разобраться, стал обвинять потерпевшую черт знает в чем, за тетку-гадину, обозвавшую девочку воровкой просто так, для собственного удовольствия.

- Мы его ищем, - неопределенно ответил капитан, - и нам очень нужна ваша помощь.

- У него пистолет, - медленно проговорила Ксюша, - он чуть не убил нас. Он вошел в квартиру ночью, дверь открыл ключом, потому что отмычкой наш замок открыть невозможно. Он совершенно спокойно умывался в ванной. Я пальнула ему в лицо дезодорантом, погасила свет, заперла его в ванной снаружи и убежала. Разумеется, он выбрался довольно скоро. Послушайте, у вас разве нет протокола? Я ведь все очень подробно рассказывала тем, которые приезжали ночью. Но они мне не поверили, и этот ваш, как его? Смачный, кажется. Очень выразительная фамилия. - Она усмехнулась. - Так вот, этот Смачный сказал, будто я все придумала, чтобы потихоньку обворовать собственную свекровь.

- Так и сказал? - покачал головой Мельников.

- Именно так. Он разговаривал со мной как с преступницей.

- Ладно, примите еще раз наши извинения. Значит, если я вас правильно понял, преступник выбрался из ванной и выбежал за вами во двор? И вы видели у него в руках пистолет?

- Да. Я думаю, этот человек сумасшедший. Вместо того чтобы удрать, он отправился нас убивать. А потом, утром, явился опять, позвонил в дверь, представился сотрудником милиции. К счастью, у нас есть задвижка, и я закрылась на нее. Знаете, в какой-то мере я вашему Смачному даже благодарна. Если бы ночью он повел себя по-человечески, я, возможно, и открыла бы утром дверь. Правда, кроме обиды была еще одна деталь. Я посмотрела в глазок, а там было темно. Вряд ли милиционер стал бы залеплять глазок жвачкой. Он повопил, постучал и ушел.

- Почему же вы не позвонили в милицию?

- Об этом спросите у Смачного. После знакомства с ним я решила, что никогда больше не буду обращаться за помощью к вам. Это мой первый и последний опыт.

- Ну ладно, Ксения Михайловна, у нас тоже разные люди служат. Значит, преступник ушел. А потом вы увидели его на улице и поэтому закричали? Погодите, а как вы поняли, что это был именно он, если не видели, кто стоял за дверью?

- О господи, ну кто же еще? Я же сказала, он сумасшедший. Он вернулся потому, что забыл в ванной нож.

- Какой нож? - Капитан не выдержал, выбил из пачки сигарету, но, покосившись на ребенка в коляске, закуривать не стал.

- Очень странный нож. Я не знаю, возможно, он принадлежал моей свекрови, она занимается антиквариатом, и преступник пришел за ним, нашел, отправился умыться в ванную и забыл в спешке. Но, возможно, это его нож, он открывал им шкатулку с драгоценностями. Она была взломана.

- И где сейчас этот нож?

- Там и лежит, в ванной. Он старинный, дорогой, на ручке инкрустация, и лезвие, как шило, ромбовидной формы.

«Оба на!» - рявкнул кто-то в голове капитана. Дело в том, что к ориентировке на серийника прилагалось примерное описание орудия убийства. Речь шла о ноже с ромбовидным лезвием, как у кортика.

- То есть лежит в ванной, а у преступника есть ключ от квартиры? - уточнил капитан, вскакивая и вылетая из кабинета.

«Ну вот, сейчас пришлют вооруженную группу, - подумала Ксюша, - в квартире устроят засаду. Напрасно. Ножа там уже нет. За это время он мог десять раз успеть».

Из сумочки она достала зеркало, взглянула на себя и впервые за последние месяцы самой себе улыбнулась. Вместо всяких чужих злобных безобразных физиономий, которые она привыкла видеть в зеркалах, на нее смотрела она сама, живая, красивая, счастливая.

- Что же такое хорошее сегодня у нас случилось? - спросила она веселым шепотом у спящей Маши. - К кому сегодня вечером мы отправляемся в гости? Может, все это неправда, минутный порыв, может, он в очередной раз поссорился с очередной стервой и звонок пришелся кстати? Даже если так, не важно.

- Вы с собой, что ли, разговариваете? - удивился капитан, появившись на пороге.

- Нет, с ребенком.

- Но она же спит.

- Ничего, она и во сне все слышит. А что вы собираетесь делать?

- Ловить бандита. Вы не могли бы одолжить ключи от квартиры?

- Надеетесь схватить его на месте преступления?

- Пожалуйста, дайте ключи. Очень мало времени. Вы посидите здесь еще минут сорок, а потом мы вас проводим домой.

Глава тридцать вторая

Иван Косицкий оставил машину на небольшой площадке у ворот дачного поселка и к дому Солодкиных отправился пешком. Бесшумно открыв калитку, пройдя несколько шагов, он услышал, как на первом этаже звякнуло и распахнулось окно. Вдоль фасада росли высокие

кусты сирени, окон не было видно.

- Отстань, - донесся хриплый, тяжелый бас, - и закрой, комары налетят.

«У него был очень низкий голос», - вспомнил капитан слова официанта, на цыпочках подошел к дому, спрятался за кустами под окном, с большим интересом прослушал разговор между Солодкиным и домработницей и только потом постучал в дверь.

Олег даже не потрудился встать с койки, когда в столовую вошел капитан милиции.

- Вот, Олежек, это к тебе, - шепотом сообщила Раиса и обратила к капитану испуганные глаза. - Только, пожалуйста, скажите сразу, что случилось? Да вы присаживайтесь, может, вам кофейку? Или вот, морс у нас есть клюквенный.

- Спасибо, - улыбнулся ей Косицкий, - от кофе не откажусь, и от морса тоже. Олег Васильевич, - обратился он к бледному, опухшему чучелу на диване, - когда вы в последний раз встречались с Коломеец Лилией Анатольевной?

- А в чем дело? - спросил Солодкин без всяких эмоций, однако все-таки сел и спустил ноги с дивана.

- Пожалуйста, отвечайте на вопрос.

- Нет, ну что случилось? Вообще, кто вы такой и как сюда попали?

- Я уже представился. Капитан Косицкий, уголовный розыск. Вот мое удостоверение.

- Да к черту удостоверение. Почему вы спрашиваете о Лиле? Что с ней? - Он как будто немного ожил, пришел в себя и уставился на капитана выпуклыми шоколадными глазами.

- В ночь с шестого на седьмое июня Лилия Анатольевна Коломеец была жестоко убита в своей квартире. Восемнадцать ножевых ранений.

- А-а! - тихо вскрикнула Раиса, застывшая на пороге.

- Что с ребенком? - Олег вскочил и подлетел к капитану. - Где девочка?

- Сядьте, пожалуйста, - скомандовал Косицкий. - Люся в больнице, в подростковом отделении Института имени Сербского.

- Что с ней? Ну не тяните, скажите мне. - Он тяжело упал на стул. - Ее не ранили, не изнасиловали? Прошу вас, не мучьте меня.

- Никто вас мучить не собирается, - проворчал капитан и достал сигареты. - Ее не ранили. Ее убедили взять на себя убийство тети. Она все время повторяет, что убила тетю Лилю. А что касается изнасилования, - он прикурил и глубоко затянулся, - ваша дочь была на третьем месяце беременности. В больнице у нее случился выкидыш.

- Ой, батюшки, - прошелестел голос Раисы, - я говорила тебе, заberi ее оттуда.

Олег схватился за виски, губы его посинели, капитан услышал тихую деревянную дробь и не сразу понял, в чем дело. Солодкин дрожал, и ножки стула под ним стучали, словно барабанные палочки.

- Мне нужен адрес семейного детдома, в котором жила Люся, - быстро, громко произнес Косицкий.

- Ня... лоп, - прохрипел Олег, лицо стало серым, он попытался встать, потерял равновесие, опрокинул стул, попятился к дивану, но не дошел, сел на пол, продолжая трястись так, что был слышен стук зубов. Дышал он часто, хрипло, губы налились синевой, словно он пил чернила.

- Ланрус... ня... бол... ся... тру... восемь... два... - повторял он громко и довольно внятно, глядя на капитана бешеными умоляющими глазами.

- Вам плохо? - тихо спросил капитан.

- Лоп... тру... Руслан... бух... сердце...

- Олежек, миленький, что, сердце болит? - бросилась к нему Раиса. - Ну не дрожи так, что сделать, что?

- «Скорую» надо, вот что. - Капитан присел у дивана на корточки и посчитал пульс. Не меньше ста двадцати в минуту. Кожа мокрая и холодная. - Есть у вас аптечка? Что-нибудь сердечное, кардеомин или хотя бы нитроглицерин. Да звоните же быстрее!

Раиса заметалась по комнате, жалко взглянула на капитана и всхлипнула:

- Вечно, вечно куда-то закидывает свой мобильный телефон... Не могу найти...

- У меня есть. - Капитан вытащил свой сотовый и позвонил «03».

Олег трясся, быстро, хрипло дышал, открывал рот, но вместо слов вырывались бессмысленные звуки.

- Что я могу сделать до вашего приезда? - спросил капитан диспетчера «скорой». - У него судороги, холодный пот, губы синие, пульс сто двадцать, сильнейшая одышка и что-то с речью. Он наркоман. Да, я понял, спасибо.

* * *

Илья Никитич вошел во двор и увидел две милицейские машины у подъезда.

- Ну что? - обратился он к старшему лейтенанту, сидевшему за рулем, и показал свое удостоверение.

- Только поднялись, - сообщил лейтенант, - ищут.

- Поднялись куда?

- Ну как, в квартиру, конечно.

- Погодите, в какую квартиру? Что здесь у вас произошло? Я попросил только проверить двор.

- Ну, это вы с начальством выясняйте, - пожал плечами лейтенант. - Вот, кстати, и оно.

- Только поднялись, - сообщил лейтенант, - ищут.

- Поднялись куда?
- Ну как, в квартиру, конечно.
- Погодите, в какую квартиру? Что здесь у вас произошло? Я попросил только проверить двор.
- Ну, это вы с начальством выясняйте, – пожал плечами лейтенант. – Вот, кстати, и оно.

Из подъезда вышли несколько человек с автоматами, в бронежилетах.

- Ну что, что?! Зачем в квартиру?! – Илья Никитич бросился к ним так резво, что налетел на железную трубу низенькой ограды, причем стукнулся все той же коленкой. – Старший следователь Бородин, – морщась от боли, представился он удивленным милиционерам и, размахивая удостоверением, запрыгал на одной ноге.
- Капитан Мельников, – представился высокий молодой человек и пожал Бородину руку. – Все без толку. Разумеется, нет никакого ножа, дверь нараспашку, в ванной свет, и совершенно ничего похожего на нож с ромбовидным лезвием и черепом на рукояти.
- Погодите, вы что, искали оружие убийства в квартире Солодкиных? – опешил Илья Никитич.

Пока ехали до отделения, Мельников вкратце рассказал все, что знал. Прихрамывая, Илья Никитич вошел вместе с ним в кабинет и увидел голубоглазую худенькую девочку, которая кормила грудью младенца.

- Извините, – смутился Илья Никитич.
- Ну что, ножа там, конечно, уже нет? – спросила девочка.
- Нет, – ответил хозяин кабинета капитан Мельников.
- Так я и думала. Маньяка, конечно, тоже не поймали?
- Ловим.
- Ну-ну. А вы кто? – обратилась она к Илье Никитичу.

Он представился, не решаясь переступить порог.

- Вы что, стесняетесь? – Она широко улыбнулась. – Никогда не видели, как ребенка кормят? Ничего неприличного в этом нет. Заходите, присаживайтесь.
- Может, я все-таки подожду? – Илья Никитич кашлянул и потер коленку.

Мельников тихо хмыкнул у него за спиной.

- Да ладно вам, мы уже закончили. – Ксюша опустила майку, младенец у нее на руках сонно причмокнул. – Прежде всего хочу вам сказать, что, пока здесь сидела, успокоилась и поняла, кто мог передать ему ключ от квартиры. Пожалуйста, если не сложно, дайте мне попить.
- У меня только пиво, – грустно сообщил Мельников, – теплое, но свежее.
- Кормящей матери пиво нельзя, – наставительно произнесла Ксюша. – Вот если бы вы могли послать кого-нибудь, например капитана Смачного, за соком в ларек, было бы отлично. Я дам

деньги, и на чай ему добавлю щедро, от души. Пусть сбегает, проветрится, заодно заработает, он ведь от бедности такой злой.

- Ксения Михайловна, ну ладно вам, - проворчал Мельников, - давайте деньги, я пошлю кого-нибудь за соком.

- Апельсиновый или грейпфрутовый. - Ксюша достала из кармана пятьдесят рублей и вручила капитану. - Спасибо, очень мило с вашей стороны. Ну вот, - она повернулась к Бородину, - ключи от квартиры маньяку могли передать девушки-близнецы. Высокие, очень красивые блондинки лет восемнадцати. Совершенно одинаковые.

* * *

Крокодил ворочался в аквариуме, бил хвостом по стеклу, и следователь ФСБ то и дело с отвращением косился на хищную тварь. В стекле ясно отражалось лицо хозяина, и следователь обратил внимание на определенное сходство этих двух существ. Крокодил хотел есть. Об этом сообщил заглянувший в комнату повар в белом крахмальном колпаке.

- Владимир Васильевич, малышу ужинать пора, - произнес повар, не обращая внимания на следователя и таким тоном, словно речь шла о маленьком, нежно любимом ребенке.

- Через двадцать минут, - ответил хозяин, встал, подошел к аквариуму, легонько постучал по стеклу костяшками пальцев и, оскалившись, спросил: - Потерпишь, лапа моя?

- Чем же он питается? - поинтересовался следователь.

- Разными живыми зверюшками, - ответил Пныря, возвращаясь в свое кресло, - кроликами, цыплятами, иногда рыбу ест, тоже живую. Осетринку любит, форель. Он у меня не капризный.

У крокодила были такие жуткие глаза, что казалось, сейчас его взгляд вырежет аккуратную дырку в стекле аквариума и вместе с потоком воды выберется наружу, проползет на своих коротких растопыренных лапах по персидскому ковру и вцепится следователю в ногу. Пономарев Владимир Васильевич, старый авторитет по кличке Пныря, тоже хотел есть. В отличие от крокодила, он не был голоден, но постоянно жрал кого-то живьем. Следователь думал о том, как все-таки странно сидеть напротив преступника-рецидивиста, спокойно беседовать с ним, зная, сколько всего страшного числится за этим тощим, большим старикашкой, и не имея возможности просто взять его и арестовать. В данном случае приходилось допрашивать его как родственника потерпевшего, поскольку иных поводов для разговора, кроме гибели его племянника при взрыве в торговом центре, пока не было.

О том, что погибший - житель города Воронежа гражданин Ларчиков Геннадий Николаевич не просто случайный провинциал, а родственник легендарного Пныря, стало известно почти сразу. Возле трупа вплоть до приезда опергруппы и «скорой» тщательно хлопотали два огромных бритых молодца. У них были проверены документы, в том числе и разрешения на ношение огнестрельного оружия. Оба охранника, реанимируя покойного, скинули пиджаки, забыв, что под ними прятались портупеи с новенькими пушками.

Документы оказались в полном порядке. Мальчики числились служащими частного охранного агентства «Скорпион». Ну а то, что агентство это является личной службой безопасности авторитета по кличке Пныря, знали все. На вопрос, какое отношение к агентству имеет погибший провинциал и почему к нему приставлена охрана, мальчики ответили, что он - родной племянник Владимира Васильевича Пономарева.

- Значит, вы утверждаете, что ваш племянник оказался рядом с эпицентром взрыва совершенно случайно? - в третий раз произнес следователь и в третий раз услышал тот же ответ:

- Да, утверждаю. Это был террористический акт, никого конкретно они убить не хотели.

Следователь понимал, что стоит за этим ответом. «Не лезь в мои дела, я сам разберусь», - говорил старый вор.

- Владимир Васильевич, а вы не собирались пройти по магазинам вместе с племянником? - не унимался следователь. - Насколько нам известно, Геннадий впервые приехал в Москву, он совсем не знает города. Почему бы вам его не сопроводить?

- Намекаешь, что это меня хотели замочить? - подмигнул Пныря. - Конечно, вам было легче копаться в этом дерьме, если бы взрыв оказался обычной заказухой. Нет, дружок, это террористы, это вам они привет передали, а вовсе не мне. Так что давайте, ребята, ловите их, наказывайте, а я буду за вас Богу молиться, потому что мне, сам понимаешь, хочется посмотреть в глаза гадам, из-за которых во цвете лет погиб мой единственный любимый племяш.

Сверху послышался тихий треск и шорох.

- Где деньги, блин? - крикнул попугай под потолком. Следователь вздрогнул и поднял голову. Попугай сидел на люстре. Дверца клетки была распахнута.

- Вот чертяка, опять клювом открыл, - усмехнулся Пныря и, задрав голову, крикнул: - Давай-ка домой, ишь, умный. Летает как курица, а туда же. Смотри, болван, свалишься либо люстру мне снесешь.

- Око за око! - ответил попугай и качнул люстру.

- Ну что с ним делать, - развел руками Пныря, - ладно, пусть погуляет.

Попугай между тем внимательно смотрел на следователя сверху вниз и вдруг странно замер. Через секунду следователю на плечо шлепнулось нечто жидкое, черно-белое. Тяжелый, хриплый смех Пныри прокатился по гостиной.

- Ай безобразник! - обратился он сквозь смех к попугаю. - Как ты себя ведешь? Вот сейчас позову повара, он отдаст тебя малышу на ужин. Вы уж извините глупую птицу, это он вас из вежливости пометил, вы ему понравились, вот он подарочек и преподнес. Возьмите платочек, не волнуйтесь, на пиджаке никакого пятна не останется.

Следователь передвинул свое кресло, чтобы больше не получать подарочков, достал из кармана пачку бумажных платков, оттер пиджак и, принужденно кашлянув, спросил:

- Скажите, а почему вы приставили охрану к Геннадию Николаевичу?

- Ур-рою, падла! - весело пообещал попугай и толкнул клювом подвеску люстры. Послышался сладкий хрустальный звон.

- Эй, ты там давай поаккуратней, дурак, - поморщился хозяин, - нахамил, теперь сиди тихо, а то я тебя так урою, что навсегда заткнешься. - Он погрозил попугаю пальцем и взглянул на следователя: - Спрашиваешь, зачем я охрану приставил? Чтобы Генаше веселей было. А ты что

подумал? Мой родственник не может по Москве спокойно погулять, обязательно замочат? Нет, милый, я давно никого не опасуюсь. Я бессмертный, понял? Это все знают. Пныря никогда не умрет. Тело истлеет, душа останется. Понял? – Лицо Пныри побагровело, последние слова он прокричал так громко, что уснувший было крокодил опять засуетился в аквариуме.

- Да вы успокойтесь, - вздохнул следователь и закурил. - Никто не сомневается в бессмертии вашей души.

- Понятное дело, теперь вы все не атеисты, не то что раньше.

- Понятное дело, теперь вы все не атеисты, не то что раньше.

- Вы тоже, - улыбнулся следователь, - не то что раньше.

- Это точно, - кивнул вор, - только у нас это всегда было делом добровольным, а вы даже в Бога веруете с дозволения начальства. Попробовал бы в старые времена какой-нибудь комитетчик ребенка крестить, мигом бы вылетел из органов и из КПСС. Теперь стало можно, и даже поощряется, вот вы и полезли в Божьи храмы, замаливать старые грехи.

- Ну, значит, вы лучше нас, - усмехнулся следователь, - я не собираюсь спорить.

- Правильно, потому что сказать нечего. В общем, так, сынок. Вы ищите террористов. Их много развелось, видишь, какая у нас политическая ситуация неприятная. Есть еще вопросы?

Следователь задумчиво глядел в черные глазницы, такие глубокие, что при определенном положении тени и света они казались пустыми бездонными дырами. Вопросов было еще очень много, но все они, к сожалению, никакого отношения к взрыву в торговой галерее и гибели племянника не имели. Пока, во всяком случае.

* * *

На визитной карточке Радченко Эдуарда Сергеевича, менеджера фирмы «Вирджиния», был ручкой вписан номер мобильного телефона. У Вари голова шла кругом. Ей страшно хотелось курить, но вместо сигареты она сунула в рот леденец и набрала номер.

- Да! - рявкнул мужской голос так, что зазвенело в ухе.

- Эдуард Сергеевич, что с вами? - ласково и удивленно прошептала Варя. - Вы здоровы?

- Кто это?

- Варя Богданова.

- Ах, ну да, привет, извините, не узнал.

- Эдуард Сергеевич, я насчет того костюма, от «Шанель». Помните, вы показывали каталог? Пришла коллекция?

- Какой костюм? - спросил он металлическим голосом после долгой паузы.

- Ну как же? От «Шанель», бледно-зеленый шелк, троечка, юбка, топик и пиджак. Там у вас еще были к нему туфли и сумочка из крокодиловой кожи. Вы обещали отложить для меня. Мы договаривались о наличных, с деньгами все нормально. Я могу подъехать в бутик? Да, кстати,

вам большой привет от Петра Петровича.

Последовала еще одна пауза, невозможно долгая, словно Радченко забыл, что говорит по мобильному.

- Я вас понял, - произнес он наконец тихо и испуганно, - я готов с вами встретиться. Скажите, где и когда.

У Вари сильно стукнуло сердце. Она глубоко вздохнула и нечаянно проглотила леденец, чуть не подавилась, но справилась с кашлем и строго отчеканила:

- В Сокольниках, у церкви, через час. Вы знаете мою машину, белый «Опель».

Тронувшись с места, она доехала до ближайшего универсального магазина, купила маленький диктофон, кассеты, легкую полотняную сумочку и прозрачный шелковый шарф, вышла, огляделась, села за столик в уличном кафе у магазина, заказала стакан сока. Надо было успокоиться. Менеджер Радченко был неплохим психологом, и малейшее волнение могло испортить всю игру. Она казалась себе человеком, который решился перейти пропасть по жердочке с завязанными глазами, в туфельках на каблуках и без всякой гарантии, что там, на противоположной стороне, не пристрелят, если все-таки дойдешь.

Неделю назад в подмосковном ресторане Пныря устроил очередное застолье. Был какой-то значительный повод, собралось очень много народу. Ресторан сняли целиком, все пять залов.

В последнее время старый вор все чаще требовал, чтобы Варя присутствовала на его праздниках, объясняя это тем, что среди приглашенных могут оказаться энергетические вампиры, а у нее какая-то особенная, здоровая аура, которая, как щит, прикрывает беззащитного старика от вредных энергетических потоков. Ему было плевать, что рано или поздно до Мальцева дойдут слухи о ее близком знакомстве с воровским авторитетом. Он пекся о собственном здоровье, врачам не доверял, болезни считал результатом порчи, а Варю чем-то вроде витамина для укрепления иммунитета.

Идти на тот банкет в загородном ресторане она особенно опасалась, так как знала, что там будет несколько крупных предпринимателей, знакомых ее мужа. Мальцев улетал в Бельгию на какую-то международную конференцию именно в тот день, и ему, заместителю министра, могли запросто потом донести, что его молодая супруга прямо из аэропорта явилась на сомнительный сабантуй. Варя решила подстраховаться, заранее нащелкала Мальцеву в машине, по дороге в аэропорт, что ее пригласила в загородный ресторан сокурсница, у ее приятеля день рождения.

Дмитрий Владимирович относился спокойно к ее отдельной жизни, не особенно интересовался, где и с кем она встречается, малейшее недоверие считал унижительным для себя и для нее. Но тут вдруг напрягся, стал спрашивать, как зовут сокурсницу, чем занимается ее приятель.

«Может, я разучилась врать?» - испугалась Варя. Но потом поняла, в чем дело. У загородного ресторана была дурная репутация.

- Когда вернешься домой, обязательно мне позвони, - попросил Мальцев перед таможенным контролем.

- Конечно, ты как раз в это время приземлишься.

- И все-таки лучше бы тебе не ходить. - Он убрал прядку ей за ухо. - Придумай что-нибудь, скажи, у тебя голова болит или мой рейс задержался, ты сидишь со мной в аэропорту.

- Ага, я бы с удовольствием посидела с тобой в аэропорту, - кивнула Варя, - но мне придется ехать в пустой дом. И Светка обидится, она ужасно обидчивая. Объясни, в чем дело? Почему ты так не хочешь, чтобы я ехала в этот чертов ресторан?

- Не лучшее место, - хмуро пробормотал Мальцев, - пару месяцев назад там случилась бандитская разборка со стрельбой.

- Серьезно?! - Варя сделала испуганные глаза.

Она отлично знала о перестрелке. Ее организовал сам Пныря. Заманил туда молодого зарвавшегося конкурента, за банкетный стол посадил провокатора, который устроил скандал, завершившийся стрельбой. Пныря любил возвращаться туда, где ему удалось одержать победу, и пировать как бы на крови побежденного противника.

Объявили, что посадка заканчивается. Варя обняла Мальцева, принялась целовать его в щеки, в губы, в глаза и прошептала:

- По теории вероятности, в течение года по крайней мере это место можно считать самым безопасным в Москве. Я тебя люблю, Митенька.

Сейчас, сидя в тени под полосатым тентом уличного кафе, потягивая вишневый сок через трубочку, Варя думала, что у ее драгоценного Мальцева интуиция отсутствует напрочь, как обоняние у безносого. Знал бы он, что тот вечер в загородном ресторане дал ей редкий, причудливый шанс спасти ему жизнь.

* * *

- Наркотики есть в доме? - спросил капитан Косицкий, поговорив с диспетчером «скорой».

- Я не знаю... понятия не имею. - Раиса испуганно замахала руками. Олег промычал что-то. Приблизившись, капитан услышал гулкое, как из черного колодца: «Не-е... не-е...»

- Да не собираюсь я тебя арестовывать, диспетчер сказал, тебе доза нужна, ломка у тебя, понимаешь? Можешь умереть запросто.

Олег трясущейся рукой показал на горло, попытался приподняться, помотал головой, и тут же скорчился от боли. Судороги усилились.

- Ладно, где лекарства у вас? - Капитан посмотрел на часы. - Что-нибудь сердечное есть?

Раиса, опомнившись, кинулась к буфету. К счастью, в домашней аптечке нашелся кардеомин в ампулах.

Косицкий сделал Олегу укол, дыхание стало спокойней, дрожь почти прошла.

- Ну, можешь говорить? Адрес детского дома, быстро!

- Лоб...бня, - выдавил Олег с мучительным усилием и махнул рукой, указывая на телевизор, потом принялся энергично крутить пальцем в воздухе.

- Что, была телепередача про детский дом? - догадался Иван.

Олег закивал, показал рукой на потолок и опять закрутил пальцем, повторяя:

- Пле... пле... кам-м...

- Ой, поняла! - удивленно воскликнула Раиса. - Я все поняла! Он мне говорил, что снимал свою дочку на видеокамеру. Там, на втором этаже, я сейчас принесу! - Она кинулась вон и вскоре вернулась с маленькой видеокамерой. Однако кассет не было, ни одной. Олег страшно возбудился, стал хрипло выкрикивать:

- Де...! Де...! Бли... блицы... - при этом почему-то вытягивая руки и показывая оба указательных пальца.

- Девки-близнецы сюда приезжали, наглые такие, они и стащили пленки. Больше некому, - не веря собственной сообразительности, медленно произнесла Раиса.

Подоспела «скорая». Бодрый пухлый доктор заявил, что опасности для жизни нет, состояние средней тяжести, абстиненция плюс реактивный психоз.

- Что у него с речью? - спросил Иван.

- Моторная афазия. Персеверация. Он нас слышит и понимает, но сказать ничего не может, застрекает на одном слоге. Бывает при нарушении мозгового кровообращения. Классический случай. Ну что, милый, методончику? - Доктор похлопал Олега по влажной щеке. - Я бы вколол тебе, от чистого сердца. Я тебя, дружок, отлично понимаю. Вколол бы, да нету. Бедные мы, видишь, какие бедные. Может, в доме найдется что-нибудь? - обратился он к Раисе. - Мы уж попросим товарища капитана не заносить в протокол.

- Я не знаю, вот, возьмите, только помогите ему. - Раиса трясущейся рукой протянула врачу мятую купюру.

- Я не знаю, вот, возьмите, только помогите ему. - Раиса трясущейся рукой протянула врачу мятую купюру.

- Ай-ай-ай, женщина, нехорошо при работнике милиции. - Доктор весело подмигнул, купюра исчезла в кармане халата. Косицкий сделал вид, что ничего не заметил.

- Вы, товарищ капитан, арестовывать его приехали? - любезно поинтересовался доктор.

- Нет. Допрашивать.

- Ну, это только через сутки, не раньше. Оклемается и заговорит, как миленький. Слушайте, а чего ж он так психанул, если не арестовывать? Им обычно все по фигу, кроме тюрьмы.

- Горе у него, сильное нервное потрясение, - горячо забормотала Раиса. - Он ни в чем не виноват и с наркотиками теперь покончит, вы только помогите ему!

* * *

Варя припарковалась у церковной ограды, распаковала диктофон, вставила кассету, положила его в новую полотняную сумочку, нажала запись, быстро произнесла несколько слов, промотала, проверила. Получилось неплохо. Повязав на шею шелковый шарф, вышла из машины. До назначенного времени оставалось десять минут. Во дворе храма, у ворот, был киоск, в котором продавались иконы, крестики, книги. Солнце светило в спину, сквозь стекла

киоска отлично просматривался кусок улицы за оградой, Варю видно не было, только неопределенный женский силуэт.

Радченко приехал раньше. Варя узнала его голубую «Тойоту», убедилась, что в машине он один, и уже готова была выйти из своего укрытия, но что-то мешало. Она не сразу сообразила, что именно. Салон «Тойоты» просвечивался солнцем насквозь, менеджер был как на ладонке. Опустил стекло. Вскинул руку, нервно взглянул на часы, закурил. Варя видела его боковым зрением, поскольку смотрела не отрываясь на черную «Волгу» с затемненными стеклами и антенной на крыше. «Волга» подъехала вслед за «Тойотой» и припарковалась рядышком. Варя схватила мобильный телефон, набрала номер Радченко и, услышав хриплое «Да!», произнесла:

- К причастию вы опоздали, но все-таки зайдите в храм, и не забудьте отключить телефон.

Больше всего она боялась, что в любой момент менеджеру позвонит кто-то не с фальшивым, а с настоящим приветом от Петра Петровича.

Ей было видно, как Эдик засуетился, выкинул недокуренную сигарету, спрятал телефон, поднял стекло, вылез из машины. Церковный двор он пересек очень быстро, почти бегом, и Варю не заметил. Она продолжала стоять в своем укрытии и наблюдать за «Волгой».

«Разумеется, это не могут быть люди Петюни, - думала она, - это всего лишь ФСБ. Однако почему так быстро? Конечно, Эдика уже допрашивали, он наверняка сильно нервничал, но это понятно. Кому придет в голову, что взрыв бутика заказал старший менеджер этого бутика? Террористы, конкуренты, кто угодно. Для менеджера это что-то вроде коммерческого суицида. Молодцы, ничего не скажешь. Как же они его вычислили? Что-то Петюня сделал не так. Что же? Главная слабость П.П. - деньги. Он решил сэкономить и прислал дешевых неопытных исполнителей? Они попались на месте преступления и успели дать показания? Но они не могут знать заказчика. Между тем следят именно за ним».

«Волга» все стояла. Варя чувствовала, как несколько пар невидимых глаз наблюдают за церковным двором сквозь темные стекла. Не исключено, что мобильный Радченко поставили на прослушку и ее разговор с Эдуардом Сергеевичем зафиксирован. Вполне невинный был разговор, о шелковом зеленом костюме. Радченко понял смысл ее слов по-своему. Он ведь заказал взрыв именно из-за коллекции, в которой был этот костюм.

...Со старшим менеджером модного магазина Варя познакомилась давно, почти год назад. Они с Мальцевым отправились за покупками в галерею на Пушкинской, зашли в бутик «Вирджиния», ныне покойный. Варя долго, капризно выбирала себе вечернее платье, и менеджер толково, терпеливо помогал ей. В итоге было куплено не только платье, но еще пара блузок, белая короткая юбка, замшевые босоножки. Менеджер вручил ей визитку. Через месяц ей срочно понадобилось свадебное платье, но ездить по магазинам не было ни времени, ни охоты. Недолго думая, она позвонила Эдуарду Сергеевичу. Он оказался настолько любезен, что согласился приехать к ней в гости с каталогами, помог выбрать и на следующий день лично доставил платье к ней домой. С тех пор она постоянно пользовалась услугами господина Радченко. Получилось так, что именно Варя, сама того не желая, свела старшего менеджера с начальником службы безопасности.

Очередную любовницу Петюня привез себе из Владивостока. Восемнадцатилетняя мисс Дальний Восток совсем не знала Москвы и, познакомившись с Варей, прилипла к ней как банный лист, стала жаловаться, что «ни фига не сечет в штотках».

- У тебя всю дорогу такой отпадный прикид, прям ва-ще.

Варя не брезговала ничем, когда появлялась малейшая возможность получить дополнительную информацию о ненавистном П.П., и хотя знала, что мисс вскоре сменится другой, точно такой же юной глупенькой провинциалкой, любезно согласилась помочь девочке в подборе летнего гардероба и, конечно, повезла ее в бутик господина Радченко.

Менеджер окружил мисс таким теплым вниманием, что она чуть не заплакала от восторга, накупила гору шмоток и на прощание получила красивую визитку господина Радченко.

Варя не знала, как дальше развивались их отношения, но неделю назад, увидев Эдуарда Сергеевича в загородном ресторане на банкете, ничуть не удивилась. Мисс к этому времени уже исчезла, ее место заняла красавица из Сочи, похожая на предшественницу, как родная сестра.

П.П. встретил Эдуарда Сергеевича тепло, словно старого дорогого друга. Варя знала, что так приветливо Петюня улыбается, когда есть перспектива заработать. Ей стало страшно интересно, каким образом он собирается тянуть деньги из менеджера. Когда они оба удалились из зала, она осторожно последовала за ними. В ресторане был крытый внутренний дворик, где за стеклянной оградой на ярком лужке паслись живые пони и овечки. Варя увидела, как П.П. и менеджер уселись на стилизованную лавку из толстых бревен, обошла дворик снаружи, прощаясь с надеждой услышать их разговор, поскольку невозможно было остаться незамеченной, но тут менеджер принялся отчаянно чихать, вытащил платок, долго сморкался, встал, что-то сказал П.П. Варя догадалась, что у Эдика аллергия на животных и, скорее всего, они пойдут беседовать на свежий воздух.

На открытой веранде было много народу. Дальше, за верандой, начиналась густая дубовая роща. Не так уж нужен был ей их разговор, но упрямство и любопытство заставили ее выйти в рощу, опередив П.П. и менеджера, сесть на травку под толстым дубом.

«Заметят – черт с ними. Я просто вышла подышать», – решила она. Однако собеседники были так заняты друг другом, что ее не заметили, и часть разговора ей удалось услышать.

– Это счастье, что хозяин улетел на сафари, – громко, возбужденно говорил Радченко. – Он замочит меня к едрене фене, если узнает. Что делать? Ну что делать, а?

– погоди, я не понял, ты ведь профессионал. Ты что, не мог отличить фирменные шмотки от китайской подделки? – спросил П.П. с хитрой усмешкой.

– Ну, классная подделка, не придерешься, бирки, ярлыки, все на месте. До первой стирки, конечно, потом все перекосятся на фиг или вообще расползется.

– А цена?

– Я закупил всю партию по самой высокой цене, как настоящую «Шанель», – простонал менеджер. – На всех договорных документах моя подпись.

– Так кто же на этом наварил? Кто такой умный?

– Кто? Косоглазые, конечно, ты же знаешь, Петюня, какие они хитрожопые! – веско, отрывисто, с придыханием произнес Радченко, и даже издали было ясно, что он врет. – Главное, если бы не девчонка-продащица, никто бы не догадался, товар бы ушел, и все дела. Нет, полезла, дура, внутренние швы разглядывать. Хозяин вернется, она ему стукнет обязательно, она на мое место метит, я знаю.

- Ну и чего ты переживаешь? - Петюня похлопал его плечу. - Ты же не виноват, тебя подставили.

- А на хрена ему менеджер, которого можно вот так подставить? - выкрикнул Радченко и схватился за голову. - Два варианта, понимаешь, Петя, всего два. Либо я кретин, либо вор. В первом случае меня просто уволят, во втором замочат на хрен. Все. Третьего не дано.

- Ну а на самом деле кто ты? Строго между нами, Эдик.

- Чтоб она сгорела, - выкрикнул Радченко, почти не владея собой.

- Коллекция или продавщица? - наслаждаясь нервной слабостью собеседника, уточнил П.П.

- Не знаю! Обе! - Радченко тяжело опустился на траву, но тут же вскочил и грациозно изогнулся, пытаясь заглянуть самому себе за спину, не измарались ли светлые брюки.

- Да, плохо дело, Эдик, влип ты серьезно. Но ты не огорчайся, бывает хуже. Пару недель назад в торговом центре на Старой Безыменской сразу два магазина взорвалось. Говорят, сопляки-экстремисты пошутили. А месяц назад в мебельном салоне у Кольцевой дороги полкило тротила бабахнуло. Там вроде чечены. Прямо мода какая-то пошла, торговые точки взрывать. - П.П. положил руку Радченко на плечо. - Так что не переживай, береги нервы, Эдик.

Что ответил менеджер, Варя не слышала, они отошли слишком далеко. Выглянув из-за дубового ствола, она увидела, как они остановились, менеджер полез во внутренний карман пиджака. Не сложно было догадаться, что Эдик вовсе не кретин, совсем наоборот. Он отсчитывал П.П. аванс. Они постояли еще минуту и пошли назад, к ресторану. Варя быстро спряталась и услышала конец разговора:

- Ну, это не проблема, главное, чтобы они у тебя были готовы к моменту выполнения заказа. Тебе человек позвонит, в тот же день передаст от меня большой привет и назначит встречу, - сказал П.П.

- А кто именно? Он сейчас здесь? - взволнованно спросил менеджер.

- Не суетись, - усмехнулся П.П. - Расслабься и получай удовольствие.

- Я должен заранее знать, все-таки такая сумма...

Они шагнули на веранду, и больше Варя ничего не слышала. Тогда, неделю назад, она не придавала особого значения этому разговору. Ей было приятно, что удалось так легко и незаметно влезть в интимные дела Петюни. Именно левые заказы были его интимом, а вовсе не юные красотки-провинциалки, которых он менял с поразительной скоростью. Пныря не терпел, когда его люди подрабатывали на стороне. Опять, как в случае с сочинской коронацией, она многое знала, но не имела доказательств, которым поверил бы Пныря.

Иногда ей казалось, что, выслеживая П.П., подслушивая, крутясь рядом с ним, она рискует напрасно. Рано или поздно он заподозрит неладное, и ее шпионство может кончиться плохо. Она все время напряженно думала, что такое должно произойти, чтобы у нее появилась возможность выложить Пныре всю правду о его верном псе Петюне.

Теперь она знала, что рисковала не зря. Бабахнул взрыв, погиб единственный любимый племянник Пныри. К этому моменту Варя имела достаточно информации, чтобы начать

действовать в своих интересах.

«Везет не только дуракам, но и беременным женщинам», – подумала она, сняла с шеи тонкий шелковый шарф, накинула на голову и вошла в храм, где у образа Пантелеймона Целителя ждал ее взволнованный менеджер. Кроме нескольких старушек, прибиравших после вечерней службы, никого не было. Варя купила пять свечек, не спеша обошла образа, задержалась у правого притвора и, встретившись взглядом с менеджером, кивнула на открытую дверь. Из притвора можно было попасть на задний двор храма, оттуда через калитку уйти незаметно.

- Я почему-то так и думал, что это будете вы, – быстро прошептал Радченко, поравнявшись с ней у двери.

- Уходим отсюда, – процедила Варя сквозь зубы, – за вами следят. Черная «Волга» с антенной.

Он уставился на нее круглыми испуганными глазами, открыл рот, застрял в дверях. Варя схватила его за влажную руку, поволокла наружу. Они были уже на улице, когда из церкви послышался громкий, сердитый старушечий голос:

- Бессовестный! В храм в Божий в трусах! Иди отсюда, иди, я сказала! Батюшка, батюшка, посмотрите, срам-то какой, сейчас милицию вызовем, пошел отсюда!!

Варя потянула менеджера за руку так резко, что он чуть не упал. Ей не надо было возвращаться, чтобы узнать, кто и почему мог вломиться в храм в шортах, которые старушка свечница назвала трусами.

Глава тридцать третья

Глядя в окно электрички на проплывающий подмосковный пейзаж, Фердинанд Леопольдович Лунц видел перед собой лицо Лики, бледное, как туман, но совершенно живое. Он знал, что теперь, сколько ни осталось ему жить, пару часов или пару десятков лет, он будет видеть мир только сквозь прозрачные светло-серые глаза Лики, только так, потому что собственное зрение ему больше не нужно.

По вагону медленно прошли три милиционера. Фердинанд сжался и перестал дышать.

«Дурак, – равнодушно сказал он самому себе. – У тебя на лбу ничего не написано. Трус и дурак».

На прозрачных губах Лики задрожала грустная виноватая улыбка. Так она улыбалась, когда не видела выхода.

- Нет, Лика, нет, – шепотом обратился он к немытому окну. – На этот раз я все буду решать сам.

- Что, сынок? – старушка напротив подалась вперед. – Повтори, я не расслышала.

- А? Нет, ничего, простите. – Фердинанд понял, что говорит вслух, и испугался. Однако как же не говорить, если вот она, Лика, смотрит на него и требует, чтобы он на ближайшей станции вышел из электрички, вернулся в Москву, позвонил следователю Бородину и рассказал ему все?

«Я не верю им, Лика, – продолжил он уже про себя, стараясь не шевелить губами. – Они

отменили смертную казнь, он будет жить долго, он приспособится к тюрьме, это его стихия. А потом объявят очередную амнистию, он отлично заживет на воле. Не смотри на меня так, я знаю, ты всех простила, даже его. Тебе больше ничего не нужно. Но это нужно мне, попробуй понять. Вспомни, что ты чувствовала, когда заглянула в подвальное окошко. Я видел это окошко. Теперь оно замазано черной краской. Что им стоило сделать это раньше? И почему именно в ту ночь отменили сразу две последние электрички? Неужели, чтобы кончился этот кошмар, понадобилась твоя жизнь? Неужели никто не догадывался, что творится в счастливом многодетном семействе? Туда приезжали толпы журналистов, туда каждый день приходили учителя, и все были в полном восторге. Помнишь, как ты заплакала, когда узнала, что Люся беременна? Девочку тошнило и рвало, ты повела ее в платную поликлинику, чтобы проверили желудок, кишечник, ей сделали ультразвук брюшной полости и сообщили тебе потрясающую новость. Тогда ты поняла, что не сошла с ума, не было у тебя никакого обморока, никаких галлюцинаций и кошмарных снов. Все, что ты увидела сквозь маленькое подвальное окно, происходило на самом деле. Тебе надо было действовать разумно и осмотрительно или не действовать вообще. Но ты слишком была потрясена, ты рвалась в бой, забыла об осторожности и не желала прислушаться к моим советам. Вместо того чтобы беспокоиться за собственную безопасность, ты волновалась, как Люся переживет аборт, ты говорила, она такая маленькая, она испугается. Наверное, уже знаешь, аборта не потребовалось. И более всего тебя угнетало чувство бессилия, ты плакала оттого, что не могла защитить это странное несчастное существо, единственное живое существо, которое ты любила, когда не стало Ольги и твоей мамы».

- Следующая станция Лобня, - объявил механический голос.

Фердинанд поднялся, вышел в тамбур и закурил. Лика стояла рядом и морщилась от дыма.

«Ну да, я вижу, у меня трясутся руки. Ничего страшного. Я выйду на свежий воздух, пройду рощу и успокоюсь. У меня нет других вариантов. Я не могу полагаться на капитана Косицкого, на следователя Бородину. Я для них стал первым подозреваемым. Они всерьез уверяли меня, будто я тебя убил, Лика. Ты видишь, насколько они тупы и бездарны? Устроили обыск у Ларисы, обшарили мою пустую конуру в коммуналке, но туда, куда следовало, не догадались заглянуть. Между прочим, во время обыска я нервничал сильнее, чем сейчас. Оказалось, напрасно. В моем клоповнике кто-то постоянно стирает белье. Тазы стоят в ванной и в кухне. Им не пришло в голову, что пистолет можно просто завернуть в несколько слоев полиэтилена и положить на дно таза с чужим замоченным бельем. Это было надежно. Ведь никто из коммунальных кумушек не станет стирать, когда в квартире происходит такая забава, как обыск. А французский журнал я сжег ночью на помойке. Там много фотографий, они могли догадаться. Я не хочу, чтобы они пришли первыми, у них нет смертной казни».

Поезд остановился, Фердинанд неловко спрыгнул, чуть не угодил ногой в щель между платформой и ступенькой. Лика поддержала его за локоть.

На станции он не стал ждать автобуса. Ему хотелось пройти пешком. Лика летела рядом, только он ее видел и чувствовал, больше никто. Он переживал, как собственное воспоминание, то, что случилось с ней меньше месяца назад, он дословно повторял про себя ее рассказ, как будто проверяя, хорошо ли все помнит.

Через два дня после похорон тети Юки она приехала к Люсе, но забрать ее не могла. У нее была какая-то срочная работа на фабрике. Люся очень долго не отпускала ее. На станцию Лика попала в половине двенадцатого ночи, оказалось, что две последние электрички отменены и

следующая будет только в шесть утра.

Ночь была холодной. У станции стояли такси и частники, но из-за отмены электричек заламывали огромные цены, а у Лики было с собой очень мало денег. Она решила вернуться и попроситься у Изольды переночевать. Пока шла пешком, начался дождь. Она промокла, замерзла и могла думать только о том, чтобы оказаться в тепле. Когда подошла к дому, увидела, что света нет нигде и ворота заперты. Ей не хотелось звонить, будить детей, со стороны рожи была калитка, Лика решила войти и тихонько постучать в окно комнаты Изольды.

Оказавшись во дворе, она услышала тяжелый, пульсирующий гул, он доносился как будто из-под земли. Потом послышался дикий, отчаянный детский визг. Она замерла, пытаясь понять, что происходит. Крик повторился, его заглушили звуки тяжелого рока, такого тяжелого, что земля тряслась под ногами. И тут она заметила бледный дрожащий лоскут света, падающий на траву у каменного фундамента. Стараясь не дышать, она подкралась к маленькому подвальному окну, легла на землю и заглянула.

Ей открылся просторный каменный подвал, именно оттуда грохотал рок и неслись крики. Там пылало множество свечей. Посередине стоял низкий широкий стол, накрытый церковной парчой. На столе извивались три обнаженных тела, одно мужское и два женских, вернее, детских, потому что семнадцатилетние близнецы Ира и Света казались ей детьми. Рядом стояло высокое сооружение, похожее на трон. На нем каменной глыбой восседала Изольда в черном балахоне, курила и молча наблюдала за происходящим. У ног ее валялось что-то розовое, и в первый момент Лике почудилось, что это расчлененный младенец. Голова, туловище, руки, ноги. Ее сильно затошнило, она зажала рот ладонью. Приглядевшись, поняла, что это всего лишь кукла, поломанный пластмассовый пупс. Потом заметила еще один клубок голых тел в углу, на соломе. Два мальчика и две девочки. Одна из них Люся. И в этот момент что-то взорвалось у нее в голове. Она успела услышать странный тупой треск, и стало темно, словно ее мозг перегорел, как электрическая лампочка.

Очнулась она в постели, на белоснежном крахмальном белье. В открытое окно лился солнечный свет, трепетали голубые занавески, шуршали листья, пели птицы. Рядом сидела Изольда в белом махровом халате, с мокрыми волосами. Лицо ее блестело от крема. Она кончиками пальцев отбивала быструю бесшумную дробь по жирным щекам.

- Как вы себя чувствуете? - спросила она, заметив, что Лика открыла глаза. - Вы нас ужасно напугали. Разве так можно?

- Что это было? - произнесла Лика, едва шевеля сухими губами.

- Сначала скажите, что вы помните, - улыбнулась Изольда. - Ох, я вижу, вам трудно говорить. Во рту пересохло. Вам воды или соку? А может, чайку?

- Воды. - Лика закрыла глаза. Голова болела, тошнило, было больно смотреть на свет.

- Давайте я приподниму вас, - послышался рядом голос Изольды. - Неужели все еще так худо? Врач сказал, сотрясения мозга нет. Травма не такая серьезная, как нам показалось. А обморок случился из-за сильного спазма сосудов головного мозга.

Лика жадно выпила воду, стало немного легче.

- Меня осматривал врач? - спросила она, вглядываясь в голубые спокойные глаза Изольды.

- Вы что, не помните? - Брови поползли вверх, глаза округлились. - Не пугайте меня, Лиля, расскажите, что вы помните.

- Где Люся?

- Смотрит мультики в гостиной. Я не стала рассказывать ей, что с вами случилось. Сказала, что вы вернулись и остались ночевать. Зачем ее волновать, верно? Она сидит и ждет, когда вы проснетесь. Я обещала ее позвать. Так что же вы помните?

- Ни-че-го, - медленно, по слогам, произнесла Лика и закрыла глаза.

- Серьезно? Ну, тогда я вам расскажу. Охранник нашел вас ночью во дворе у забора. Вы были без сознания. Упали и ударились затылком об асфальтовую дорожку. Я разбудила Руслана, мы отнесли вас в дом, вы очнулись, но не могли шевельнуться. Я вызвала «скорую», они приехали буквально через полчаса.

- Откуда?

- Из нашей лобнинской больницы. Там хорошие врачи, лучше, чем в Москве. Они нас успокоили, сказали, вам надо просто отлежаться, ничего страшного, осмотрели затылок, там здоровенная шишка. Вот, собственно, все. Эй, погодите, может, вам не надо вставать? Вы такая бледная, полежите еще немного.

Но Лика уже поднялась, осторожно встала на ноги. Голова кружилась, тело дрожало от слабости, колени подкашивались. Она обнаружила, что на ней чужая белая футболка.

- Ваша одежда промокла насквозь, - объяснила Изольда, - но сейчас, наверное, все уже высохло. Хотите принять душ?

- Да, спасибо.

- Пойдемте, я вас провожу.

Под горячим душем ей стало легче. На локтевом сгибе она заметила два небольших синяка с красными точками посередине, следы внутривенных инъекций. На затылке под волосами нащупала большую болезненную шишку.

Когда она вернулась в комнату, к ней на шею кинулась Люся, вместе они отправились в столовую, где Изольда накрыла стол к завтраку. Есть Лика не могла, но крепкий сладкий кофе выпила и почти пришла в себя. Позвонила в Москву, на фабрику, сказала, что плохо себя чувствует и сегодня на работу не придет. В голове у нее упорно стучала мысль, что надо зайти в лобнинскую больницу и узнать, был ли ночной вызов «скорой». Но Изольда повезла ее в Москву на своей машине.

Через пару дней она приехала за Люсей, как обещала, и, глядя на спокойную, приветливую Изольду, на здоровых, спортивных детей, почти поверила, что все увиденное ночью было кошмарным сном. Попыталась осторожно поговорить с Люсей, но девочка отвечала, что ночью спит очень крепко, иногда видит страшные сны, а утром ничего не помнит.

Дома Люся вдруг стала жаловаться на тошноту, не могла есть. Два утра подряд у нее была мучительная рвота. Отправившись с ней к врачу, Лика узнала о беременности. Поехала в Лобню, зашла в городскую больницу и выяснила, что в ту ночь Изольда Ивановна Кузнецова действительно вызывала «скорую», что у больной Коломеец Лилии Анатольевны был обморок,

связанный со спазмом сосудов и нарушением внутричерепного давления, а также травма головы в результате падения.

Она решила поставить перед Изольдой условие: либо вы отдаете мне Люсю, либо все узнают, что творится ночами в вашем подвале. Разумеется, Изольда ответила, что в подвале у нее ничего не творится. Там сложена старая мебель и прочее барахло, иногда приходится травить крыс. А Люсю она не отдаст. Лиля может забирать к себе девочку, когда захочет, на два-три дня, на неделю, но не более. Что касается беременности – да, случилась такая неприятность. Ужасно, но что поделать? Дети, отстающие в умственном развитии, отличаются ранней повышенной сексуальностью, и самое разумное – сделать Люсе аборт и забыть об этом.

– Я вам не советую рассказывать о ваших галлюцинациях, просто потому, что это может вызвать сомнения в вашем психическом здоровье и вас могут официально, через суд, лишить права видеться с девочкой, – сказала на прощание Изольда.

Галина Семеновна Солодкина, как назло, была страшно занята и все не могла встретиться с Ликой для серьезного разговора. По телефону она сказала, что никаких претензий слушать не желает, надо было думать раньше, Изольде Ивановне доверяет, как самой себе, Люся отлично устроена и тема закрыта. Адвокат в юридической консультации, выслушав Лику, сказал, что разобраться в фальшивых документах будет чрезвычайно сложно, что касается ночных оргий в семейном детском доме, то вряд ли удастся доказать что-либо. Потребуются свидетельские показания детей, а они наверняка будут молчать.

– А вы уверены, что вам действительно все это не приснилось? – спросил Лику адвокат с сочувственной улыбкой.

Даже Фердинанд окончательно поверил ей, лишь когда узнал от капитана Косицкого, что ее убили.

Он не знал, что еще она предприняла, кроме разговора с Изольдой и похода к адвокату. Их последняя встреча закончилась нехорошо. После похорон тети Юки они виделись всего один раз. Именно тогда она ему все рассказала. Он стал говорить, что такого быть не может, сатанинские оргии существуют только в кино и не надо спешить, лучше успокоиться и подумать, как она справится одна с больной девочкой, если вдруг каким-то чудом ей удастся пробить лбом стену.

«Конечно, ты меня простила, – мысленно обращался Фердинанд к Лике, которая летела с ним рядом по пыльной улице, не касаясь асфальта, – но я себя не прощаю. Я должен был поверить тебе, я ведь знаю тебя лучше, чем себя самого, просто потому, что люблю тебя больше, чем себя. Но мне не хотелось верить. История про сатанинскую оргию в семейном детском доме звучала настолько омерзительно, что ее отвергал даже не разум – желудок».

Город незаметно кончился, Фердинанд ступил в рощу, прошел еще немного, поднял голову, взглянул в небо сквозь неподвижные дубовые листья. Ветер утих. Он не слышал ни звука, кроме мерного шуршания собственных шагов по песчаной тропинке.

* * *

Ксюша Солодкина легко краснела и также легко бледнела до синевы. Бородин, проговорив с ней больше двух часов, почувствовал в ней такой странный, глубокий надлом, какого не замечал в существах, куда более несчастных и обиженных жизнью. Он успел понять, что за сорокалетнего наркомана Солодкина эта девочка вышла замуж не так по расчету, как назло кому-то, прежде всего самой себе. Она подробно описала визит на дачу красоток-близнецов,

попытку мужа вколоть ей наркотик, побег с дачи и все последующие события. При этом у нее было странно веселое настроение, она много смеялась, словно пересказывала кинокомедию.

Илья Никитич все еще беседовал с ней, когда Косицкий позвонил ему на мобильный и сообщил, что пришлось вызвать «скорую» для Солодкина.

- У него ломка, - пояснил Иван, - плюс сильнейшее нервное потрясение. Люся его дочь. Он ничего не знал об убийстве.

- Он должен знать адрес, - быстро, тихо произнес Бородин, - он снимал на видео, обязательно найди кассеты.

- Нету. Здесь побывали какие-то близнецы, блондинки от шестнадцати до восемнадцати. Домработница уверяет, что только они могли взять кассеты. У Солодкина что-то с речью. Врач сказал, его можно будет допросить только через сутки. Он отчетливо произнес «Лобня», больше я ничего не понял.

Илья Никитич все еще беседовал с ней, когда Косицкий позвонил ему на мобильный и сообщил, что пришлось вызвать «скорую» для Солодкина.

- У него ломка, - пояснил Иван, - плюс сильнейшее нервное потрясение. Люся его дочь. Он ничего не знал об убийстве.

- Он должен знать адрес, - быстро, тихо произнес Бородин, - он снимал на видео, обязательно найди кассеты.

- Нету. Здесь побывали какие-то близнецы, блондинки от шестнадцати до восемнадцати. Домработница уверяет, что только они могли взять кассеты. У Солодкина что-то с речью. Врач сказал, его можно будет допросить только через сутки. Он отчетливо произнес «Лобня», больше я ничего не понял.

- Ну так позвони прямо туда, в паспортный стол! - повысил голос Бородин. - Назови приметы блондинок, примерный возраст. Я отправил запрос в Инфоцентр, но пока без толку.

- Уже позвонил. Они обещали через час все выяснить.

- Хорошо. Где ты находишься?

- В машине. Еду в Лобню.

- Что собираешься делать?

- Сорентируюсь на месте. Думаю, надо допросить маму Зою и оставить там засаду.

- Ну, в общем, правильно. Других вариантов я пока не вижу. Санкцию отправлю по факсу в Лобнинское УВД. Людей возьми там.

- Ксения, у меня неприятная новость, - сказал Илья Никитич, отложив телефон, - вашего мужа увезли в больницу. У него началась ломка. Абстинентный синдром. На дачу приехал наш сотрудник, это случилось у него на глазах, он вызвал «скорую».

Ксюша отреагировала странно. Она засмеялась. Бородин решил, что это нервное.

- Опасности для жизни нет? – спросила она сквозь смех, без всякой тревоги.
- Врачи говорят, нет.
- Ну и слава богу. Может, на этот раз ему повезет. Вылечат. Надо, наверное, вызвать его мать? Она сейчас отдыхает на юге Франции.
- Да, обязательно. Как с ней можно связаться?
- Очень просто. У нее с собой мобильный. Может, вы ей сами позвоните? Мне ужасно не хочется. – Ксюша жалобно взглянула на Бородина. – Вот, давайте я вам номер напишу.
- Хорошо, – кивнул Илья Никитич, – я сам позвоню и попрошу ее прилететь. Вы сейчас домой?
- Нет, – Ксюша быстро взглянула на часы, – я в гости.
- Куда именно?
- Думаете, этот ублюдок продолжит охоту на меня? – Она нервно хохотнула. – Хотите приставить ко мне телохранителей?
- Хочу знать, где вы находитесь, пока преступник не пойман. Вот моя визитка, здесь номер мобильного. Когда планируете вернуться домой?
- Не знаю. Часов в двенадцать, не раньше.
- Вернетесь, позвоните мне. В любое время. Идемте, я вас провожу.
- Спасибо. Только до такси.

* * *

Менеджер пыхтел и задыхался, круглое лицо было залито потом.

- Куда мы несемся? Такие темпы мне не по силам, у меня больное сердце.
- Сейчас, уже скоро. Погодите, я должна позвонить. – Варя, не останавливаясь, достала телефон и набрала номер Пныри.
- Ты один? – выкрикнула она в трубку.
- Да, но я сейчас еду в аэропорт. Я должен лететь к сестре в Воронеж.
- Подожди, я рядом. Буду через минуту, пусть откроют задние ворота. Это очень важно.
- С кем вы говорили? – Радченко подозрительно покосился на Варю. – Слушайте, я никуда с вами не побегу. Возьмите деньги – и до свидания. Вы и так напортачили, прислали черт знает кого. Ваш исполнитель спер платье, и его видели.
- Кого? Платье или исполнителя?
- Не прикидывайтесь душой! Обоих, конечно!
- Кто видел? Где?

- В галерею примчался какой-то старый хрен в штатском и привязался ко мне с вопросами об этом несчастном платье. Продавщица звонила мне на мобильный за двадцать минут до взрыва, спрашивала о скидке на него. А потом его видел этот старый хрен, он описал его очень точно, он даже знал цену и размер, понимаете?

- Пока нет, - искренне призналась Варя. - Не нервничайте, на месте разберемся. Все свои претензии вы обязательно выскажете, но не мне. Я должна только доставить вас.

- Что значит - доставить? Куда? Почему такие сложности?

- Потому, что за вами хвост! - раздраженно выкрикнула Варя. - Потому, что вы умудрились как-то засветиться, и если я сейчас возьму у вас деньги, нас обоих арестуют!

- Кто?! Здесь ни души!

Он был прав. Они бежали по узкой аллее в глубине Сокольнического парка, и вокруг действительно не было ни души.

- Вы что, не понимаете? Это ФСБ! Они могут быть рядом и ждут именно момента передачи денег.

Он вдруг резко остановился и развернулся к ней всем корпусом.

- Сотрудники ФСБ не ходят по городу в трусах и тем более не заходят в церковь в таком виде. Я отлично слышал, как орала старуха свечница. Хватит морочить мне голову, берите деньги. - Он полез в карман, но Варя вцепилась ему в рукав и жестко произнесла:

- Прекратите истерику. Я не могу взять у вас деньги, понятно? Либо вы идете со мной, либо работа считается неоплаченной. Вы знаете, что бывает с должниками.

Они пошли дальше, молча, хмуро и уже не так быстро. И вдруг за спиной она услышала высокий голос, который мгновенно узнала:

- Стоять! Ты что ж творишь, сука?

- А, привет, Гулливер. - Варя круто развернулась и увидела низкорослое бритоголовое существо в цветастых шортах. В руке оно держало пистолет. - Ты как себя ведешь, а? Может, переутомился? Головка не болит? В храм Божий попер в нижнем белье, хамишь, хулиганишь, заказчика пасешь. В чем дело? - Она смерила его долгим пристальным взглядом, и лицо его стало белым. - Ладно, не плачь, малыш, - усмехнулась Варя, - так и быть, на первый раз прощаю, но впредь выбирай выражения и форму одежды. Зачем пасешь заказчика? Отвечать, быстро! - Она незаметно сунула руку в сумку и включила диктофон.

Гулливер мучительно сморщил низкий мясистый лобик. Соображал он туго. Еще раз Варя злорадно заметила про себя, что вот она, главная слабость П.П. Очень любит деньги, маленькие, большие, любые, из экономии нанимает дешевых идиотов для серьезной работы. Гулливер понятия не имел, какое место занимает Варя в свите старого вора, какие у нее отношения с П.П. Он только знал, что она постоянно крутится рядом с Пнырей, но этого оказалось достаточно, чтобы он, глупенькая шестерка, поверил ее приказному тону.

- Так это... в натуре... надо ж бабки с него получить, мне шеф велел. Я, это, на мобильник звоню, а там какая-то дура отвечает: «Вы не туда попали!»

- Ну, точно, переутомился, даже номер не мог правильно записать, убогий ты мой, - вздохнула Варя, - все у тебя через задницу. Что вы там с исполнителями намудрили? Давай выкладывай, быстро, у меня времени нет.

- Да все уже нормально, в натуре, мы их на вокзале перехватили.

- И что? Ты пушку-то убери, видишь, заказчик нервничает. Ну, давай дальше. Перехватили на вокзале, что потом?

- Все, как было приказано, ты же знаешь, в натуре. - Гулливер часто, растерянно заморгал, и вдруг его свиные маленькие глазки подозрительно сверкнули, он нехорошо уставился на Варю и зашевелил рукой, в которой был все еще зажат пистолет.

- Я-то знаю, - кивнула Варя, - но хочу, чтобы ты повторил. Тревожно мне, малыш, особенно после того, как ты телефонный номер перепутал. Давай-ка, Гуля. Повтори, что ты должен сделать с исполнителями.

- Перехватить на вокзале, отвезти к шефу и держать там в подвале до его возвращения. Они ведь это, одноразовые, в натуре, но красивые телки, блин. - Он вдруг замер и испуганно покосился на притихшего Радченко.

- Трепло ты, Гулливер, думай, что и где говорить, - покачала головой Варя. - Ну, что застыл? Пошли. Времени нет.

- Куда? - мрачно удивился Гулливер.

- За мной.

Через две минуты показался каменный забор особняка Пныри. Задние ворота были приоткрыты, охранник пропустил Варю, а обоих ее спутников быстро, молча обыскал, у Гулливера изъял пистолет. Ворота захлопнулись.

Пныря сидел в гостиной, все в том же кресле и в той же позе.

- Вот тут заказчик хочет расплатиться, - сказала Варя, присаживаясь на подлокотник его кресла. - Он честный человек, принес деньги за взрыв в галерее. Их надо Петюне отдать, но он еще не прилетел.

Менеджер и Гулливер застыли посреди гостиной, тупо глядя на крокодила в аквариуме. Пныря медленно открыл глаза.

- Где деньги? Ур-рою, падла! - весело крикнул попугай.

- Ну ладно. - Варя соскользнула с подлокотника. - Вы, ребятки, рассказывайте, не стесняйтесь, здесь все свои. А я сейчас вернусь.

Скрывшись в просторном сортире, она вытащила телефон, набрала номер Ильи Никитича и говорила с ним минут пять.

Когда она вернулась в гостиную, менеджера и Гулливера уже не было. Пныря все так же сидел в кресле.

- Что ты хочешь за это? - спросил он тихо.

- Неужели сразу оба раскололись? - удивилась Варя. - Так быстро?

- Не совсем. Но уже начали. Не люблю смотреть, как допрашивают. - Он поморщился. - Петр прилетел, звонил из аэропорта, едет сюда.

Варя опустила на ковер у его ног и посмотрела ему в глаза снизу вверх. Молчание длилось бесконечно, и опять надо было выдержать ужасный крокодилий взгляд старого вора. Она лихорадочно думала, стоит ли сейчас рассказать про коронацию в Сочи, или на сегодня хватит, но не успела решить. Пныря заговорил первым:

- Чего же ты хочешь за это, девочка?

- Ничего. - Она улыбнулась. - Моей заслуги нет, просто так получилось. Мне повезло. Я иногда покупала одежду в бутике «Вирджиния» и случайно узнала, что менеджер решил хорошо сэкономить, закупил всю летнюю коллекцию не у настоящих производителей, а на китайской барахолке и разницу положил в карман. Сначала сделал, а потом подумал о последствиях, сильно испугался и обратился к Петюне за помощью. Так что ты мне ничего не должен, Пныря. Главное, чтобы тебе от этого хоть немного полегчало.

Пныря протянул руку и погладил ее по голове и чуть слышно произнес:

- Значит, ты хочешь, чтобы я остался твоим должником. Ну что ж, с твоей стороны это разумно. Всегда знал, что ты умница.

В дверь заглянул охранник и тихо произнес:

- Владимир Васильевич, пора. Самолет через час.

- Петюню не дождешься? - спросила Варя, поднимаясь с ковра.

- Мне к сестренке надо лететь в Воронеж, сюда ее забирать. А Петр... да что его ждать? Бесплезно. - Пныря встал, потянулся, хрустнув суставами. - Не доедет он, Варюша. Чувствую, не доедет.

* * *

Ира лежала, закинув руки за голову, и смотрела в темноту. Света спала, свернувшись калачиком. Они потеряли счет времени. Часов они не носили, в подвале не было окон. Ира знала одно: здесь их не убьют, поскольку надо же куда-то деть трупы. Скорее всего, их вывезут ночью за город, в лес, там прикончат и зароят. Чем больше она думала, тем яснее понимала, что других вариантов нет. Она могла сочинить десяток разных финалов, логичных и вполне счастливых, но не желала тешить себя надеждой, как это делала сестренка.

- Успокойся, Ирка, зачем им нас убивать? Мы им нужны, нас можно еще использовать, - бормотала Света, засыпая. - Мы красивые, умные, сильные, нас глупо убивать, придет П.П., и все разъяснится.

Разъясниться с приездом П.П. могло только одно. Перед тем как убить, П.П. их трахнет сам, позволит это сделать остальным. Потом их посадят в машину и повезут в лес. Возможно, соврут, что отправляют, куда обещали, в один из тайных элитарных бардаков. На самом деле будущего у них нет и быть не может, даже такого поганого, элитно-бардачного.

Ира поняла это не сейчас, значительно раньше, когда Руслан расплатился с ними за ключи от квартиры Солодкиных серьгами, которые вынул из ушей Люсиной тетки. Поняла, почувствовала, но не хотела самой себе верить. А ведь именно тогда, протянув на ладони эти сережки, Руслан дал им последний, и единственный, шанс. Нет, не он, конечно, а Люсиная тетка, Лилия Анатольевна Коломеец. Она как бы предупредила, уже с того света: «Сматывайтесь отсюда, девочки, здесь для вас все кончится очень плохо». Надо было всего лишь пойти в милицию с этими сережками. Одно дело – групповуха в подвале, на церковной парче, под крестом, перевернутым вверх ногами, и совсем другое – убийство.

Ира знала, что в середине мая Лилия Анатольевна Коломеец увидела своими глазами их ночную «дискотеку». Охранник заметил ее, лежащую на земле у подвального окошка, оглушил, потом мама Зоя разыграла все так, как только она умела. Но Лилия Анатольевна не поверила, что это был кошмарный сон. Однажды она поймала близнецов у пруда и стала задавать им множество вопросов, уговаривала не бояться и рассказать правду. Они смотрели на нее широко открытыми глазами и все отрицали. Потом точно так же она изловила Лариску, и та, разумеется, побежала стучать маме Зое.

Ире и Свете было приказано любым способом достать кассеты, которые снимал Олег Солодкин. Там не было ничего криминального, но у мамы Зои началась настоящая паника. Потом Руслан поймал их у пруда, предложил за деньги взять еще и ключи от московской квартиры Солодкиных и передать ему. Пообещал пятьсот баксов.

Но вместо денег Ира увидела сережки с сапфирами и поняла, что Лилии Анатольевны уже нет. Ей стало всерьез, по-настоящему страшно. Ни сестре, ни себе самой она не хотела признаваться в этом и все бодрилась, поспорила со Светой на шоколадку, рылся ли Руслан в клубочках, искал ли сокровища, о которых Люся по секрету рассказывала всем в питомнике. «Не такой он идиот, – уверяла Света, – ясно же, Люська все сочинила про сокровища в клубочках. Она влюбилась в Руслана и хотела, чтобы он думал, будто она богатая невеста».

Обе смеялись. Чем звонче был смех, тем тише всхлипывал в душе жалобный противный голосок: «Я боюсь. Надо пойти в милицию и сдать Руслана. Он опасный ублюдок, садист, и мама Зоя такая же, надо пойти в милицию, пока не поздно!»

Но что их ожидало потом, когда питомник накроется? Общага где-нибудь в провинции? Нищета? Панель? В питомнике они были сыты, одеты, у них имелись пусть туманные, но перспективы. К ним приезжали братки на шикарных машинах, П.П. со своей свитой, они отчаянно кокетничали с братками и с П.П., не сомневаясь, что их, таких красивых, оценят, защитят, устроят самым лучшим образом. Им это обещали, и почему бы не поверить обещаниям? Речь шла не о вилле на Канарах, а всего лишь о закрытом бардаке, где им удастся заработать изначальный капитал на дальнейшую самостоятельную жизнь.

И вот братки преподнесли им сюрприз, обрадовали возможностью заработать быстро и много еще до бардака. Разве были у них силы отказаться от трех тысяч долларов? Зайти в назначенное время в шикарный бутик и оставить сумку в примерочной – разве так трудно? Почему же не хватило ума сразу понять, что никогда в жизни П.П. не даст им три тысячи долларов? Не даст, и все.

Ире хотелось орать и биться головой о грязную каменную стену. Она вскочила, подбежала к двери и принялась колотить в нее ногами. Света проснулась и испуганно крикнула:

– Ты что, с ума сошла?

Ира, не обращая на нее внимания, дубасила дверь и кричала:

- Откройте, гады! Откройте! Хотя бы воды принесите, суки! Выпустите нас! Ненавижу!

Очередной удар получился неудачным, Ира сползла по двери на пол и тихо заскулила. Ей показалось, что треснула кость большого пальца. Света кинулась к ней. Ира корчилась на полу, повторяя сквозь слезы:

- Не могу, не могу больше!

И вдруг Света зажала ей рот ладонью. Где-то совсем близко хлопнул выстрел, потом еще один. Послышался топот, автоматная очередь, несколько секунд тишины, и вдруг тяжелые быстрые шаги во лестнице. Света оттащила сестру подальше от двери. Они забились в угол, прижались друг к другу, дрожали и плакали, точно так же, как семнадцать лет назад, когда их, двухмесячных, завернутых в одно драное одеяло, нашла уборщица в туалете женской консультации на окраине Москвы.

Снаружи на дверь сыпались мерные тяжелые удары, в промежутках слышался мат. Мужской голос крикнул: «Есть ключ!» Бить в дверь перестали, крикнул замок. В дверном проеме возникли два широких силуэта, и сестрички закричали, разглядев черные лица с дырами для глаз и для рта. Ира зажмурилась, закрыла лицо руками. Света смотрела не отрываясь и первая поняла, что это вовсе не персонажи их ночных оргий, а омонцовцы в масках.

Глава тридцать четвертая

«Я выстрелю, как только его увижу. Я не буду ждать, у него отличная реакция, он ведь бывший боксер. И оружие есть наверняка. Он не должен опомниться. Изольда сказала, он приехал днем и уезжать не собирается. Готов дать мне интервью. Нет, Лика, я не промахнусь. Я слишком сильно хочу его убить, чтобы промахнуться. Стрелять буду в упор, в голову. Не спрашивай меня, что дальше. Это уже не важно» .

Фердинанд вышел на узкую бетонную дорожку. Она бежала параллельно шоссе и вела прямо к воротам. Справа была опушка дубовой рощи, слева, между дорожкой и шоссе, росли высокие, густые кусты жасмина. Запах напоминал духи «Диориссимо», которыми много лет пользовалась Лика, это придало ему уверенности и спокойствия. Осталось немного, сто метров, всего лишь две сотни шагов, и он позвонит у ворот, любезно улыбнется Изольде, пройдет в дом.

«Я никогда не стрелял в человека и не знаю, что это такое. Мне было страшно покупать пистолет, я прожил на свете сорок лет и не думал, что мне придется это делать. Помнишь, я занимался каратэ? По старой телефонной книжке обзвонил нескольких знакомых из бывшей подростковой команды, и один из них сразу понял мои неуклюжие намеки, назначил встречу. Цена оказалась меньше, чем я предполагал, вообще все выглядело просто, буднично, никакой таинственности. Но мне было страшно, я боялся, что кто-то следит, что продавец обязательно позвонит в милицию. Еще страшней мне было, когда нагрянули с обыском. Но сейчас я уже ничего не боюсь. Я никогда не стрелял в человека, но он не человек, Лика, и ты это отлично понимаешь».

Стемнело, зажглись фонари. За кустами послышался звук мотора. Фердинанд не обратил на него никакого внимания. На то и шоссе, чтобы по нему ездили машины. Когда завизжали тормоза, он ускорил шаг. Кусты зашумели, зашевелились, и перед ним возник, как будто из-под земли, капитан Косицкий. Фердинанд замер на секунду и кинулся налево, в рощу. Был

обходной путь, он заранее изучил окрестности и собирался добежать через рощу до той самой калитки, в которую совсем недавно, дождливой майской ночью, вошла Лика.

- Стой! Федор, остановись! - неся ему вслед голос Косицкого. Но уже был виден забор питомника, и он не мог остановиться. Пистолет в кармане легкой ветровки бил его по бедру, на бегу он расстегнул карман и сжал холодную рукоять. Дубовые корни извивались как змеи, он легко перескакивал их, он летел сквозь сырой вечерний воздух, видел калитку, она была распахнута, в проеме застыл тонкий маленький силуэт, подсвеченный сзади прожектором, отчего вокруг головы образовался пылающий огненный венец.

Фердинанд был совсем близко, всего в трех шагах, когда что-то тупо, сильно толкнуло его в грудь и отбросило назад, он упал навзничь на твердые дубовые корни, так и не услышав выстрела.

* * *

Митя отрастил усы, остриг волосы коротко, под ежик, и лицо у него стало совсем другое. Ксюша была собой довольна. Больше всего на свете ей хотелось, переступив порог его дома, кинуться на шею, разрыдаться, рассказать все, начиная с того вечера, когда ждала под дождем на Пушкинской площади и потом чуть не кинулась под поезд в метро, и кончая нынешними кошмарами с маньяком. Но тут же она мысленно залепила себе рот куском пластыря.

Митя часа два хвастался успехами в академии и жаловался на одиночество, на тупые, пошлые, совершенно невозможные отношения с девочками.

- Наверное, я сам виноват, каждый раз слишком много жду, они это чувствуют. Одна пугается, другая издевается, и никто не любит. Скучно и холодно. Всегда знаю заранее, что будет дальше.

Ксюша молчала. Было видно, как он, бедненький, истосковался по слушателю, вернее, по слушательнице. Наконец, наговорившись всласть, он спросил:

- Ну, а у тебя как дела?

- У меня все отлично, Митенька, - произнесла она, чувствуя, как трудно улыбаться с куском пластыря на губах, даже если этот пластырь воображаемый. - Я совершенно счастлива.

- Мужа любишь? - спросил быстро, хрипло и покраснел.

- А как же? Очень люблю. И он меня тоже, очень. Со свекровью чудесные отношения. Домработница есть. Квартира пятикомнатная, дача.

- Класс, - кивнул он, - поздравляю. Ты, кстати, похорошела. Какая-то в тебе появилась загадка, раньше этого не было.

- Раньше я была вся твоя, а теперь чужая.

Когда повисали паузы, она порывалась уйти и больше всего боялась, что он скажет: «Да, иди». Но он не отпускаял и смотрел на нее умоляющими глазами.

- Пятикомнатной квартиры у меня нет, - произнес он совсем некстати. - Дача, правда, имеется. Курятник. Шесть соток. Знаешь, какое предательство было самым первым?

Ксюша молча помотала головой. Желудок больно сжался. Она знала, что если он начнет каяться и просить прощения, то все пропало.

- Адам заложил Еву, - произнес он с дурацкой улыбкой. - Она ведь не заставляла его яблоко откусывать, просто предложила. А когда Господь их застучал, Адам сказал: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел». То есть Ты плохой, дал мне неправильную жену, она, мерзавка, виновата, и Ты виноват, а я маленький, слабенький, она дала, я ел. Стукачок он был, первый человек. Наверное, и последний будет таким же.

- Это ты к чему? - удивилась Ксюша.

- А просто так. Слушай, как же ты умудрилась так быстро полюбить своего мужа? Поделись опытом.

- Мужа надо любить и принимать таким, какой есть, - глубокомысленно изрекла Ксюша, - хотя бы ради ребенка.

Митя встал, взял Машу и вышел из кухни, не сказав ни слова. Маша отнеслась к незнакомым рукам совершенно спокойно, улыбнулась, потрогала пальчиком Митины усы, широко зевнула и быстро, возбужденно залопотала, словно хотела сообщить ему что-то важное. Он уселся на диван и стал шепотом рассказывать ей сказку про Колобка, не обращая на Ксюшу никакого внимания.

Ксюша села в кресло напротив. Глаза закрывались. День был огромный, жуткий, и впервые она призналась себе, что только здесь, у Мити, чувствует себя дома и в безопасности. Ей не хотелось уходить. Она заранее заказала такси по телефону на одиннадцать тридцать, и пора было собираться. Маша заснула у него на руках, он сидел и молча покачивал ее.

- Уже начало двенадцатого, скоро такси приедет, - прошептала она, встала и потянулась.

- Такси приедет и подождет. Я оплачу ожидание, не волнуйся, - прошептал в ответ Митя.

- Оплатить я могу и сама. Не в этом дело.

- А в чем?

- Я уже объясняла, я привыкла ложиться рано. Очень хочется спать. - Она зевнула и потерла глаза. - К тому же свекровь прилетает ночью, я должна быть дома.

- Про свекровь ты уже говорила, - напомнил Митя. - Ее самолет приземляется в пять пятнадцать утра плюс дорога от Шереметьева до Москвы, получается шесть пятнадцать. Плюс пограничники, таможня. Не волнуйся, она появится дома часов в восемь, не раньше. У нас еще куча времени.

- Никакой таможни, зеленый коридор, - пробормотала Ксюша.

- Ну ладно, в половине восьмого. - Он посмотрел на Машу, она причмокнула и улыбнулась во сне. - Ты ей какой-нибудь прикорм даешь?

- Нет. Пока только грудное молоко.

- Молодец. Уже можно тертое яблочко, начиная с половины чайной ложки.

- Без тебя знаю. Ее от яблока пучит.

- Тогда попробуй абрикосовую мякоть. Говоришь, она недоношенная родилась?

- Ага, восьмимесячная.

Помолчали. Опять молчание стало неловким, как три часа назад, в первые минуты.

- Я собираюсь специализироваться на педиатрии, - медленно, как будто размышляя вслух, произнес Митя. - У педиатров всегда есть работа. Взрослый при нынешней платной медицине до последнего будет терпеть, к врачу не пойдет, разве что на «скорой» увезут. Но ребенка своего потащит к доктору при малейшем чихе. Так что работой я буду обеспечен.

- Разумно, - кивнула Ксюша.

- Но ты знаешь, теперь я стал сомневаться, получится ли из меня хороший детский доктор. - Митя грустно вздохнул. - Ты говоришь, Маша восьмимесячная, но я, хоть убей, не вижу никаких признаков. А ведь в три месяца они остаются. Ты должна это знать, ты готовишься к экзаменам, читаешь много всякой литературы, в том числе по педиатрии. Признаки недоношенности - это азбука, Ксюша, это тебе каждый сельский фельдшер определит. Но раз ты говоришь, значит, так оно есть. Кому же знать, как не тебе? Бедный ребенок. - Митя провел ладонью по Машиным русым волосам.

- Ничего не бедный. Очень богатый, - сердито рявкнула Ксюша. - Масса радостей впереди. Оксфорд, Кембридж, отдых на Канарах, одежды от Кардена. Ладно, Митюша, нам действительно пора. Я должна хорошо выспаться перед встречей со свекровью. С ней всегда надо быть в форме. Я ужасно рада с тобой повидаться. - Ксюша подошла к дивану, попыталась взять спящего ребенка у Мити из рук, но он не отдавал.

- Ты что? Нам правда пора.

- Сядь! - скомандовал Митя.

Ксюша послушно села рядом с ним на диван и быстро произнесла:

- Ладно, такси еще не приехало, можно минут пять посидеть.

- Пошутили, и будет, - прошептал Митя. - Нет, ты, пожалуйста, не отворачивайся, смотри мне в глаза. В больнице мне рассказали о твоём муже. Он наркоман. Потасканное злое ничтожество. Что касается пятикомнатной квартиры, шикарной дачи и мамыши-миллионерши, это все правда. Пожалуйста, смотри в глаза! Зачем ты это сделала?

- Что, Митенька?

- Сама знаешь. Почему ты не сказала мне, что беременна?

- А при чем здесь ты? - Вместо улыбки у Ксюши получился жалкий оскал. Она старалась мысленно заклеить пластырем не только свой рот, но и глаза, потому что они предательски наливались слезами, вообще было бы отлично обмотать липкой широкой лентой себя всю, стать неподвижной, бесчувственной мумией.

- Может, я должна была сообщить тебе это там, в больнице, когда мы виделись в последний раз? Но, во-первых, вокруг было много народу, в том числе твоя роковая брюнетка, во-вторых, ты меня даже не заметил, а в-третьих, я пришла договариваться об аборте, и если бы там не было толпы студентов с тобой посерединке, то договорилась бы. Дай мне телефон, надо узнать,

почему задерживается такси.

- Все нормально с такси. Не дергайся.

- Что значит - нормально?

- Пока ты кормила Машу, я позвонил на фирму и попросил, чтобы машину прислали часом позже, в половине первого.

- Зачем?

- Затем, что надо поговорить. Я не мог сразу, мне необходимо было раскататься. Я слишком долго ждал этой нашей встречи, произносил про себя длиннющие монологи, горячие и убедительные. Когда ты позвонила сегодня и сказала, что ребенку три месяца и две недели, я все подсчитал и жутко разволновался. Ты сколько угодно можешь врать самой себе, но мне не соврешь. Конечно, пятикомнатная квартира и прочие прелести - это весоמו, зримо, конкретно. Но наркотики - это еще конкретней. Однако дело совсем в другом. Даже если бы твой Солодкин был трезвейшим, добрейшим, порядочнейшим человеком, все равно, Маша - моя, а не его дочь. И ты всегда, всю жизнь будешь об этом помнить. Ты не любишь его, тебе с ним не просто плохо, тебе страшно. Ты боишься, что рано или поздно он посадит тебя на иглу.

- И что дальше? - тихо спросила Ксюша.

- Тебе решать. Чтобы было все окончательно ясно, скажу: мне никто, кроме тебя и Маши, не нужен. Твое право не верить. В каждой из девиц, которая была со мной потом, я пытался увидеть тебя. Правда, не сразу самому себе сумел признаться в этом. Все получилось банально до тошноты. Я привык к тебе за десять лет школы. А потом, в академии, столько новых красивых девушек, ну прямо глаза разбегались, мне показалось - так не бывает, чтобы только ты, с первого класса и на всю жизнь. Надо попробовать что-то другое. Попробовал. Не понравилось. В общем, так. Я тебя люблю и жить без тебя не могу. Хорошо слышала? Больше повторять не буду.

- Что? - Ксюша сморщилась и приставила ладонь к уху. - Я не слышу. Повтори!

- Жить без тебя не могу, - прокричал он шепотом, смешно открывая рот, вытягивая губы.

- Все равно не слышу! - Ксюша помотала головой.

- Я тебя люблю!

Когда они прощались у такси, Ксюша пробормотала:

- Если нам с Машей уходить оттуда, то только голышом.

- Ничего, - улыбнулся Митя, - знаешь, у Александра Дулова песенка такая есть: «Ай-ай-ай, а я нагая с окон падала, меня милый подбирал».

* * *

Рыжая Лариса успела шагнуть к Фердинанду и выстрелить ему в голову. Так велела мама Зоя. Первый выстрел в грудь, второй, контрольный, в голову. Пистолет шестизарядный. Стрельнуть в ментов можно трижды. Последний патрон - для себя. В каком фильме такое было?

Они надвигались на нее, в бронежилетах, с автоматами, они орали, она видела это, но не слышала. В голове гремел тяжелый рок, словно вместо черепа у нее был магнитофон. Она развернулась, чтобы выстрелить в тех, кто надвигался сзади, однако свет прожектора мгновенно сжег глаза, и все три выстрела оказались напрасными. Она застыла посреди лужайки с последним патроном в стволе и медленно поднесла дуло к виску. Рука отяжелела, налилась свинцом, никак не хотела двигаться, а времени совсем не осталось. Они были близко, все живые, все до одного. В фильме происходило иначе, там герой попадал в цель сразу, и мертвые враги падали на землю. Могла уложить хотя бы троих, дура несчастная. Хорошо, что успела выполнить главное задание мамы Зои, замочить фальшивого француза. Кого хотел обмануть, мент несчастный? Прежде чем представляться французским корреспондентом, надо было зубы починить или новые вставить. У иностранцев не бывает таких гнилых зубов. Лариса очень гордилась, что первая обратила на это внимание, и сразу, как только он вышел за ворота, сказала маме Зое.

Тяжелый рок грохотал в мозгу и не давал вспомнить, как назывался фильм, в который она сейчас играла. Спусковой крючок был как кнопка «стоп» на магнитофоне. Одно движение – и станет тихо. Если честно, она жутко устала от этого грохота. Но палец свело, он не слушался, она поняла, что упустила момент. Надо было сразу, пах! – и все дела. Теперь никогда она не будет похожа на правильного героя. Она, оказывается, притворялась, она совсем из другого кино. Ей хотелось плакать, рука с пистолетом стала слабой, вялой, и это было неправильно. Здесь пахло плохими фильмами, «слезоточилками». Правильные героини никогда не плачут. Закаляйся, как сталь. В здоровом теле здоровый дух. Больше дела, меньше слов, будь готов – всегда готов. Пах – и все дела.

Пистолет успели вышибить из ее руки, но выстрел все же прозвучал. Стреляли из темного окна дома. Пуля просвистела над головой капитана Косицкого в тот момент, когда он повалил рыжую девочку на землю и защелкнул наручники, слишком большие для тонких, как ветки, рук.

Изольду Ивановну Кузнецову нашли в подвале. Она сидела на высоком стуле под перевернутым распятием. На ней был черный балахон. При аресте она хохотала, громко пела куплеты из попсовых шлягеров, материлась, задирала подол балахона, демонстрируя голую задницу, плевала в лица всем подряд, ни на какие вопросы не отвечала.

Рядом валялся пистолет. Возможно, она пыталась покончить с собой, пока ломали подвальную дверь. Однако не сумела этого сделать.

Позже психиатрическая экспертиза признала ее вменяемой.

Глава тридцать пятая

Младший лейтенант Коля Телечкин, копаясь в старых спортивных журналах в больничной библиотеке, наткнулся на интервью с чемпионом России по боксу в легком весе 1991 года. Там было много фотографий – на ринге, на пьедестале с кубком в поднятых руках, а в середине журнала имелся календарь на 1992 год с крупным цветным портретом чемпиона. Коля бросился звонить Бородину на мобильный. Илья Никитич изобразил удивление и радость, ему не хотелось расстраивать Колю и говорить, что личность преступника и так уже установлена. Пусть Коля думает, что он первый.

С семи до двенадцати вечера в Москве и в Московской области успели задержать сто двадцать семь мужчин, похожих на Кравчука Руслана Михайловича 1968 года рождения. Задерживали и

отпускали. Череп (такая оперативная кличка была присвоена преступнику) провалился сквозь землю.

Бородин сидел на кухне у Евгении Михайловны, пил третью чашку отличного крепкого кофе с кардамоном и не чувствовал ничего, кроме пустоты и смертельной усталости. Евгения Михайловна задавала вопросы, он отвечал, вяло, монотонно, и каждые десять минут выходил в коридор, вертел телефонный диск, долго слушал протяжные гудки, возвращался в кухню, тяжело падал на стул, машинально подносил к губам чашку с кофе.

- Вы собираетесь встречаться с мадам Солодкиной? - спросила Евгения Михайловна.

- Пока нет.

- Вы совершенно исключаете, что Галина Семеновна помогла Ольге уйти из жизни десять лет назад?

- Совершенно исключаю. - Бородин прикрыл глаза. - Доподлинно известно, что с двадцать восьмого июня по шестое июля восемьдесят девятого года Галина Семеновна Солодкина находилась в Греции, в туристической поездке.

- А как же записка?

- Ольга Коломеец страдала маниакально-депрессивным психозом, с этим диагнозом стояла на учете в диспансере. С тринадцати лет зафиксировано восемь суицидальных попыток, и каждая сопровождалась запиской. А сколько их было на самом деле, теперь сказать невозможно. Последняя оказалась успешной. Возможно, потому, что рядом не было зрителей. Галина Семеновна, при всей своей лютой ненависти, открыла на имя Ольги счет в сбербанке и аккуратно переводила деньги. Совсем не маленькие суммы. Мне с этой дамой беседовать не о чем. А взятками, подделкой документов будут заниматься другие, не я.

- Почему же она отказалась от внучки?

- Так всем было удобней. Галина Семеновна не отказалась, она откупила от Люси, она щедро спонсировала питомник, и совесть ее была чиста, и никто не знал, что ее единственный сын, отрада и гордость - наркоман, а внучка олигофренка. Лилия Коломеец была убита прежде всего потому, что Изольда Кузнецова боялась лишиться этих денег. Впрочем, это уже не важно. Все, что происходило в семействе Солодкиных, - нормальный бытовой кошмар. Рукотворный кошмар, когда валят вину друг на друга, каждый слышит и видит только себя. Так живут миллионы семей, и ничего. Но бывает в одном случае из миллиона или из тысячи, не знаю, точной статистики тут нет, - бывает, когда концентрация взаимной ненависти превышает все допустимые нормы, и кошмар из рукотворного превращается в самостоятельную стихию.

- По-моему, Лилия Коломеец была единственным человеком, который ни в чем не виноват. Почему именно она? - еле слышно произнесла Евгения Михайловна и закурила.

- Стихия. - Бородин пожал плечами. - Торнадо, цунами. Между прочим, оно где-то сейчас гуляет по Москве, и я до сих пор не поймал его.

- Вы сделали все, что могли.

- Я ничего не сделал. Я плохой следователь. - Бородин приоткрыл глаза, протянул руку и вытащил из пачки сигарету.

- С ума сошли?! - Евгения Михайловна вскочила, Илья Никитич щелкнул зажигалкой, затянулся и закашлялся.

- Что вы делаете? Загасите сейчас же!

- Да ладно вам, Женечка. Вы много курите, какая разница, дышать этим или курить самому?

- Ну, мы с вами не так часто видимся, зачем перенимать дурные привычки? - Она горячо покраснела и отвернулась.

- Да, вы правы. Ужасная гадость. - Он загасил сигарету, взглянул на часы и опять кинулся в коридор, к телефону. Постоял, послушал протяжные гудки.

- Илья Никитич, куда вы все время названиваете? - спросила Евгения Михайловна.

- Ксении Солодкиной. Ее нет дома, и мне тревожно. Как вы думаете, где могла загулять молодая мамаша с трехмесячным младенцем?

* * *

Ксюша уснула в такси. Она спала так крепко, что шофер испугался, когда стал ее будить.

- Проводить вас до квартиры? - предложил он, вытаскивая из багажника коляску.

- Да, спасибо. - Она сладко зевнула. - Сплю на ходу, такой огромный день.

У дома, на углу, она заметила милицейскую машину и помахала рукой. На лавочке у подъезда курили двое в штатском.

- Добрый вечер, - сказала она и повернулась к таксисту. - Это меня охраняют. За мной охотится страшный маньяк с ножом.

Ксюша уснула в такси. Она спала так крепко, что шофер испугался, когда стал ее будить.

- Проводить вас до квартиры? - предложил он, вытаскивая из багажника коляску.

- Да, спасибо. - Она сладко зевнула. - Сплю на ходу, такой огромный день.

У дома, на углу, она заметила милицейскую машину и помахала рукой. На лавочке у подъезда курили двое в штатском.

- Добрый вечер, - сказала она и повернулась к таксисту. - Это меня охраняют. За мной охотится страшный маньяк с ножом.

У таксиста слегка вытянулось лицо, и Ксюша тихо рассмеялась.

Закрыв дверь на все замки и на задвижку, она включила свет и оглядела прихожую новым, прощальным взглядом. Мельком взглянула в зеркало и скорчила болезненную гримасу, представив скорое объяснение со свекровью. Отнесла спящую Машу в кроватку и отправилась в душ.

Сквозь шум воды она услышала долгие, настойчивые телефонные звонки, вспомнила, что обещала позвонить следователю, когда вернется домой. Наверняка это он, но не вылезать же

мокрой из душа. Привычно протянув руку за флаконом жидкого мыла, она обнаружила, что полка пуста. Выглянула из-за шторы. В ванной что-то изменилось. Прежде чем она сообразила, что именно, ужас облепил ее всю, с ног до головы, как мокрое полотно на ледяном ветру.

Исчез баллончик с французским дезодорантом, исчезли все флаконы – с шампунями, бальзамами, одеколонами, лосьонами. Исчезло все, чем можно брызнуть или плеснуть в лицо.

Телефон в прихожей продолжал надрываться. У Ксюши что-то случилось с дыханием, как будто пропал воздух и она оказалась в вакууме. Дверь бесшумно распахнулась.

Если бы перед ней возник белобрысый маньяк, она, возможно, сразу потеряла бы сознание. Но в ванную медленно вошло существо с черной лысой головой, огромными красными глазами, короткими толстыми рожками, с висячим носом и желтыми клыками во рту.

Она не успела ничего понять, а рука ее уже потянулась к кранам. Закрутив холодную воду, она на всю мощь включила горячую и направила душ в лицо существу. Это, конечно, была маска, тугая эластичная маска черта. Из душа бил крутой кипяток. Убийца отпрянул и шарахнулся затылком о мраморную полку. Ванная наполнилась густым паром. Ничего не видя перед собой и уже ничего не соображая, Ксюша кинулась в комнату, где спал ребенок, захлопнула дверь, нажала медный стерженек замка, удостоверилась, что с Машей все в порядке, и тут услышала приближающийся тяжелый топот и бешеную матерную брань. Дверь дернулась.

Оглядев комнату, Ксюша попыталась сдвинуть с места старинный дубовый комод, но тут же поняла, что бесполезно. Пол покрывал толстый мягкий палас, и никакую тяжелую мебель пододвинуть к двери было невозможно. Маша проснулась и заплакала. Выхватив из ящика комода первую попавшуюся футболку, Ксюша натянула ее на мокрое тело, распахнуло окно и закричала изо всех сил: «Помогите!» Но, как в кошмарном сне, вместо крика получился слабый хрип. На кровати валялась «кенгурушка». Едва справляясь с дрожью, Ксюша надела ее, посадила туда ребенка, крепко затянула ремни. Так у нее были хотя бы свободны руки, правда, это не утешало.

Дверь сотрясалась от ударов, ходила ходуном. Грохнул выстрел, и в нескольких сантиметрах от дверной ручки отвалился кусок дерева.

* * *

– Погодите, значит, он сначала пошел за девочкой совершенно открыто, и только когда возле нее начался скандал, он исчез? – быстро произнесла Евгения Михайловна. – Сначала за девочкой и только потом за своим ножом? – Она вскочила и заметалась по кухне. – Надо срочно ехать туда! Вызовите наряд, сделайте что-нибудь, скорее!

– Женечка, ну что с вами? Там пять человек наружников, там все нормально, она только что подъехала на такси и поднялась в квартиру. А к телефону не подходит потому, что, наверное, отправилась в душ или легла спать и приглушила звонок.

– Свяжитесь с ними, пусть поднимутся и позвонят в дверь.

– Да ну что вы, это полнейшее безумие. Квартиру обыскали. Он взял нож и ушел.

– Он вернулся. У него есть ключ. Он не успокоится, пока не убьет ее.

– Объясните, почему вам вдруг пришло это в голову?

- Это единственное место, где его не станут искать. Девочка оскорбила его, это для него невыносимо. Он ее убьет. Вы говорили, она брызнула ему в лицо дезодорантом и убежала. Поймите наконец, она вывела его из себя, унизила. Он психопат, он не остановится, пока не убьет девочку! Да что мы сидим, в самом деле?! Некогда объяснять, я прошу вас, свяжитесь с наружниками, быстрее!

- Ну ладно, пожалуйста, для вашего спокойствия. - Бородин взялся за телефон. Через две минуты ему сообщили, что в квартире все тихо.

- Пусть позвонят в дверь! - крикнула Евгения Михайловна.

Из трубки послышалось глухое, далекое щебетание дверного звонка.

- Спит она давно, - сказал Илья Никитич. - Спит очень крепко. После всех потрясений...

- Скажите им, пусть ломают дверь!

- Да вы что, Женечка, это невозможно, во-первых, дверь там стальная, во-вторых, мы потом неприятностей не оберемся с мадам Солодкиной, к тому же... - Но, взглянув ей в лицо, он осекся и быстро произнес в трубку: - Попытайтесь сломать дверь, проникните в квартиру как можно быстрее. Балкон, пожарная лестница, что угодно. Быстрее.

- Да что вы, Илья Никитич, - ответил в трубке удивленный голос, - там все тихо, спокойно. Она спать легла и звонка не слышит. А с дверью мы все равно не справимся. Это же бункер, а не квартира.

* * *

После выстрела повисла тишина. Маша перестала плакать. Она дрожала и тихо всхлипывала. Издалека, словно с другой планеты, донесся зыбкий щебет звонка. Звонили в дверь, и убийца затих, переждал, пока уйдут.

- Уйти они не должны. Но и в квартиру попасть не сумеют, - прошептала Ксюша, прижимаясь губами к Машиной щеке. - Сейчас он поймет, что у него совсем не осталось времени, и озверевает. Я все сделала правильно. Я догадалась, что ему придется стянуть с головы маску, пропитанную кипятком. Не знаю как, но я догадалась. Значит, должна придумать что-то еще. Не могу не придумать. Сколько у нас в запасе? Минуты две, не больше. Если я опять попытаюсь закричать, у меня получится, они услышат. И что толку? Они и так уже поняли...

Звонок затих, и тут же хлопнул еще один выстрел по дверной ручке. Сердце колотилось у горла, но голова работала удивительно четко. Она подошла к окну. Внизу шла стена. Справа угол дома, слева край балконных перил. Вместо карниза широкий пластиковый ящик с незабудками. Их этой весной посадила Раиса, цветовод-любитель. От ящика до балкона всего ничего, около полуметра, может, меньше. Перила широкие. Ящик держится на винтах и человеческого веса не выдержит даже на одну секунду.

Балконная дверь выходила всего лишь в соседнюю комнату. Ксюша знала, что она заперта изнутри, и попасть оттуда в коридор, к входной двери, невозможно. Это полнейшее безумие. Бред. Самоубийство. Она заставила себя не смотреть на балконные перила. Десятый этаж. Внизу голый асфальт. Остается спрятаться в шкаф. Совсем уж нелепо. От силы полминуты жизни.

И все-таки она распахнула дверцы. Взгляд ее упал на большую, широкую гладильную доску.

Она ждала очередного выстрела, но его не было. Дверная ручка дрожала и крутилась, как живая.

«У него осталось мало патронов. Он пытается открыть ножом», – машинально отметила про себя Ксюша. Руки ее уже достали из шкафа гладильную доску. Она была страшно тяжелой, Ксюша еще не совсем поняла, что собирается с ней делать, а уже тащила ее к распахнутому окну.

Вдали завывала сирена, но Ксюша не слышала. В ушах стоял грохот собственного сердца и отчаянный Машин крик. Конец доски тяжело упал на балконные перила. Другой конец лежал на перемычке между подоконником и ящиком с цветами. Доска встала криво, наискосок, и держалась ненадежно.

«Что я делаю? Господи, что я делаю?» – прошептала Ксюша, влезая на подоконник.

Дверь открылась. Она успела увидеть багровое обожженное лицо, желтые глаза, руку с пистолетом и шагнула на доску. Следующий шаг был как будто в пустоту. Доска качнулась, Ксюша потеряла равновесие и почувствовала, как падает, летит в бесконечной черноте, наполненной пронзительным Машиным криком.

Несколько секунд она не могла открыть глаза. Стало тихо. Маша больше не кричала. Рядом что-то щелкнуло. Приподнявшись с кафельного балконного пола, Ксюша увидела за стеклом лицо убийцы. Он пытался открыть дверь и не мог справиться с замком. Маша судорожно всхлипнула.

«Все, что могла, я сделала, – устало подумала Ксюша, – ничего мудреного в этом замке нет. Надо просто сначала поднять ручку вверх до отказа, а потом опустить».

Дверь дернулась и приоткрылась. Оставалось только повернуться к нему спиной, чтобы не видеть, чтобы первый выстрел пришелся не на ребенка.

Выстрел прозвучал через секунду, легким хлопком.

* * *

- Давай открывай глаза, ну! Все уже кончилось. Эй ты, каскадерка, ты меня слышишь? Хотя бы знак какой подай, что ли. Серега, у тебя нашатырь далеко?

- Надо ребенка отцепить, да как эта дрянь расстегивается, черт, может, разрезать?

- Не надо, зачем хорошую вещь портить? Еще пригодится.

- Все, нашел. Ой ты, малыш мокрый насквозь, вот тебе и подгузники «Беби-драй».

Голоса звучали все отчетливей, в нос ударил резкий запах нашатыря. Ксюша открыла глаза и увидела над собой молодое конопатое лицо, рыжие усы, зеленые глаза. Она лежала на диване в гостиной, укрытая пледом. Вокруг нее стояло несколько человек в камуфляже и бронежилетах. Один держал на руках Машу.

- Ну что, каскадерка, как чувствуем себя?

- Где он? – спросила Ксюша, едва шевеля пересохшими губами.

- Что, хочешь посмотреть? Не советую. Пришлось стрелять на поражение. Мы тут дверь вашу попортили слегка, ты уж извини.

- Его больше нет?

- Нет, успокойся. На вот, водички попей. Да не трясись ты, замерзла, что ли?

Ксюша не могла сделать ни глотка, зубы отбивали звонкую дробь о край стакана. Перед глазами все поплыло, над ней склонилось еще одно лицо, женское, с ободком зеленой шапочки на лбу. Она поняла, что приехала «скорая» и это врач, почувствовала, как ей щупают пульс, приподнимают веко. У нее не было сил шевельнуться.

Чей-то знакомый голос тихо произнес:

- Ну а если все в порядке, так и не надо ей ничего колоть, она кормящая мать. Пусть просто отлежится, придет в себя. Да, вы можете ехать. Мы с Евгенией Михайловной останемся здесь.

Ксюша окончательно провалилась в тяжелый, обморочный сон, в котором летали черно-белые призраки, складной нож с ромбовидным лезвием самостоятельно плавал в розовом тумане и череп на его рукояти подмигивал рубиновым глазом, а гладильная доска, обтянутая цветастой фланелью, отплясывала канкан. Складные металлические ножки с мелодичным звоном лихо скакали по бескрайней незабудковой поляне.

Проснулась она оттого, что в прихожей кто-то громко крикнул:

- О господи! Что здесь происходит?

- Доброе утро, Галина Семеновна, приятно познакомиться. Старший следователь Бородин. Вот, пожалуйста, мое удостоверение. Как отдохнули?

- Да в чем дело? Вы можете объяснить, черт возьми?

- А это вам привет из питомника, куда вы благополучно пристроили свою внучку Люсю.

Что-то грохнуло. Приподнявшись, Ксюша увидела сквозь дверной проем, как Галина Семеновна тяжело опустилась на свой огромный чемодан и закрыла лицо руками.

- Илья Никитич, вы что? Разве так можно? - тихо спросила незнакомая женщина, стоявшая рядом с Бородиным.

- Да, Женечка, вы правы, как всегда. Так, наверное, нельзя, - ответил он и обнял женщину за плечи.

Эпилог

- Вот это будет твоя комната. Тебе нравится?

- Да.

- Вот здесь ты будешь спать, за этим столом заниматься.

- А это чья кровать?

- Эту кроватку мы уберем, здесь спал твой папа, когда был маленький. Теперь она нам не нужна.

- У меня нет папы.

- Люсенька, у тебя есть папа. Он сейчас в больнице, и сегодня мы с тобой поедem его навещать. Вот смотри, здесь для тебя платье, туфли, все, что нужно. Ты умеешь сама одеваться? Или тебе помочь?

- Я умею одеваться. Помогать мне не надо. Чья это кукла? У вас что, есть маленькая девочка?

- Нет, Люся, у меня нет маленькой девочки. Только ты.

- Я большая и не ваша. Когда придет тетя Лиля?

Topreading.ru